

Цитаты номера

Нынешняя озабоченность Россией как потенциальным источником ядерного оружия и материалов, которые могут быть использованы для совершения ядерного теракта, явно преувеличена. Основными аргументами в пользу этого мнения являются укрепление системы охраны и безопасности российских ядерных материалов, достигнутое преимущественно с помощью США, а также благодаря улучшению ситуации в самой России; отсутствие действующих каналов контрабанды ядерных материалов; недостаточный спрос; а также сложности производства и применения ядерного оружия.

Реформа, которая сейчас происходит в Вооруженных силах РФ, – это объективная необходимость изменить структуру Вооруженных сил, чтобы решать все задачи, связанные, прежде всего, с внешними вызовами и теми угрозами, которые могут возникнуть до 2020 г. Из миллионной, мобилизационной и расплывчатой армии мы создаем боеспособную современную структуру.

А нужен ли ДЕБ? Тактические маневры, несомненно, важны, без этого нет политики и дипломатии. Но ставки России много больше, чем любые возможные тактические выигрыши. Россия не может состояться в качестве развитого демократического государства, а значит в качестве действительно влиятельного международного игрока без всесторонней модернизации. Достичь этого вне евроатлантического партнерства, в первую очередь – с Европой, невозможно.

Сегодня Россия никому не позволяет нарушить святость сферы оружейного экспорта и готова рисковать для этого любыми политическими ресурсами и даже репутацией. Присоединившись к инициативе Международного договора о торговле оружием или отвергнув ее, Россия, как член Совета Безопасности ООН, оставит за собой право вето на любые ограничения. Но отказ от участия в договоре будет автоматически означать, что Россия становится мишенью для критики со стороны мирового общественного мнения.

Даже в России, которая является инициатором крупномасштабного проекта, нет широкого консенсуса по обсуждаемым вопросам европейской безопасности, не говоря уже о странах ЕС и НАТО. Тем не менее, только последовательное создание твердой правовой базы в отношениях России со странами ЕС и НАТО, адекватной требованиям сегодняшнего времени, является необходимой предпосылкой для взаимодействия важнейших партнеров евроатлантического региона в решении насущных проблем европейской безопасности, в первую очередь конфликтов, остающихся в Европе.

Биляна Цветкова

Николай Макаров

Дмитрий Данилов

Наталья Калинина
Вадим Козюлин

Надежда Арбатова

Российский
журнал
о международной
безопасности

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ

№ 3 (94) 2010

Журнал ПИР-Центра политических исследований России

Николай Макаров

**БОЕСПОСОБНАЯ АРМИЯ – ЧАСТЬ МОДЕРНИЗАЦИИ
РОССИИ**

Леонид Бохановский

**ФОРУМ СТРАН ЭКСПОРТЕРОВ ГАЗА – КОЛЛЕКТИВНЫЕ
РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ ГАЗОВОГО РЫНКА**

Биляна Цветкова

**ПОЧЕМУ НЕ СТОИТ БОЯТЬСЯ УГРОЗЫ ЯДЕРНОГО
ТЕРРОРИЗМА ИЗ РОССИИ**

Надежда Арбатова

**ДЕБ – КЛЮЧ К РЕШЕНИЮ ЗАМОРОЖЕННЫХ
КОНФЛИКТОВ?**

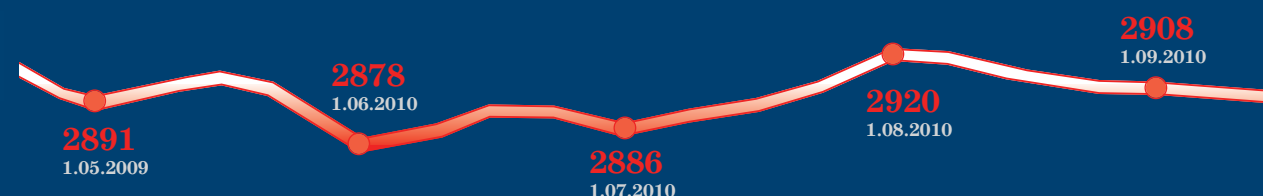
Дмитрий Евстафьев

КИРГИЗСКАЯ ЗАМЯТНЯ И ДИЛЕММЫ РОССИИ

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ № 3 (94), Том 16

ОСЕНЬ 2010

Журнал ПИР-Центра

Совет по устойчивому партнерству с Россией (СУПР)

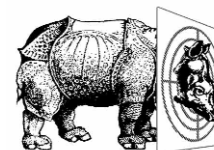
8 апреля 2010 г. ПИР-Центр совместно с Фондом Плаушерс создал Совет по устойчивому партнерству с Россией (СУПР) для формирования Россией и США общего видения по всем ключевым вопросам ядерного нераспространения и разоружения, обмена экспертными оценками, а также выработки рекомендаций российским и американским правительствам.

Среди насущных вопросов СУПРа:

- ▶ ратификация, вступление в силу и контроль над выполнением нового договора по СНВ
- ▶ дальнейшие шаги по сокращению стратегических ядерных и иных видов вооружений
- ▶ совместная оценка ракетных угроз и возможного сотрудничества в области ПРО
- ▶ совместное формирование новой архитектуры европейской безопасности
- ▶ работа над полным запрещением ядерных испытаний
- ▶ согласование взглядов по ядерным программам государств вне ДНЯО и ряда других государств, вызывающих обеспокоенность

25 июня 2010 г. дискуссия по этим вопросам развернулась в ходе международной конференции **«СНВ подписан – что дальше?»**, проведенной ПИР-Центром в г. Москва. Очередное заседание СУПРа намечено на зиму 2011 г.

По всем вопросам, связанным с работой СУПРа, пожалуйста, обращайтесь к Ивану Трушкину по телефону: +7 (495) 987-19-15 и e-mail: trushkin@pircenter.org

ОБ ОСТРОВАХ...

(...) Где не едят надломленного хлеба,
Где только мед, вино и молоко,
Скрипучий труд не омрачает неба
И колесо вращается легко.

Осип Мандельштам

Научно-практический
журнал ПИР-Центра
(Центра политических
исследований России)

Выходит четыре раза
в год на русском
и английском языках

Российский журнал
о международной
безопасности

SECURITY INDEX

Издается с ноября 1994 г.
(с 1994 по 2006 г. выходил
под названием «Ядерный
Контроль»)

ISSN 1992-9242

Non multa, sed multum

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ

№ 3 (94), Том 16
Осень 2010

Редакционная коллегия

Владимир А. Орлов – главный редактор
Сергей Б. Брилев
Владимир З. Дворкин
Дмитрий Г. Евстафьев
Василий Ф. Лата
Евгений П. Маслин
Азер А. Мурсалиев
Сергей Э. Приходько
Николай Н. Спасский
Екатерина А. Степанова
Юрий Е. Федоров
Антон В. Хлопков
Константин фон Эггерт
Михаил В. Якушев

Москва • Женева • Монтерей

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ

Издается с ноября 1994 г. В период с 1994 до 2006 г. выходил под названием *Ядерный Контроль*.
Выходит четыре раза в год на русском и на английском языках.
Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и культурного наследия.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-26 089 от 9 ноября 2006 г.

Учредитель

ПИР-Центр (Центр политических исследований России)

Иван И. Богачев, стажер
Евгений П. Бужинский, генерал-лейтенант, консультант
Елена С. Гелескул, координатор проекта «Пути ядерного разоружения»
Геннадий М. Евстафьев, генерал-лейтенант, старший вице-президент
Андрей В. Загорский, к.и.н., член Совета
Вячеслав А. Зайцев, главный бухгалтер
Альберт Ф. Зильбарнеев, директор Образовательной программы
Галия Р. Ибрагимова, консультант
Наталья И. Калинина, д.м.н., член Совета
Светлана А. Ключанская, стажер
Вадим Б. Козюлин, к.п.н., директор Проекта по обычным вооружениям
Василий Ф. Лата, генерал-лейтенант, консультант
Евгений П. Маслин, генерал-полковник, член Совета
Владимир А. Мау, д.э.н., член Совета
Алибек А. Мухамбаев, стажер
Владимир А. Орлов, к.п.н., президент Центра и член Совета
Евгений Н. Петелин, редактор международного издания журнала
Индекс Безопасности
Дмитрий В. Поликанов, к.п.н., вице-президент, председатель Международного клуба *Триалог*
Евгений А. Попов, специалист по информационным системам
Уильям Поттер, д-р, проф., член Совета
Галина Д. Рассказова, бухгалтер
Юрий А. Рыжов, Чрезвычайный и Полномочный Посол, член Совета
Константин А. Сириков, менеджер по распространению периодических изданий
Юлия В. Свешникова, координатор образовательных проектов
Любовь А. Солдаткина, помощник президента
Екатерина А. Степанова, к.и.н., член Совета
Надежда Б. Теллер, редактор электронных бюллетеней *Ядерный Контроль* и *Вена+Женева*
Иван В. Трушкин, координатор программы «Ядерное нераспространение и Россия»
Юрий Е. Федоров, к.и.н., член Совета
Юрий А. Юдин, консультант Европейского отделения ПИР-Центра
Михаил В. Якушев, председатель Совета Центра
Дмитрий Д. Якушкин, член Совета
Любовь А. Ярошенко, помощник главного редактора журнала
Индекс Безопасности

№ 3 (94), Том 16
Осень 2010

Редакция

Владимир А. Орлов, главный редактор [orlov@pircenter.org]
Любовь А. Ярошенко, помощник главного редактора [yaroshenko@pircenter.org]
Евгений Н. Петелин, редактор международного издания [petelin@pircenter.org]
Татьяна Ю. Котелкина, технический редактор
Евгения А. Бакаева, корректор
Галина Д. Рассказова, бухгалтерия
Константин А. Сириков, распространение

Представители журнала

Алма-Ата: Даурен Абен
Атланта: Инна В. Баранова
Бишкек: Нурия А. Кутнаева
Владивосток: Вадим С. Гапоненко
Вена: Надежда Б. Теллер
Киев: Сергей П. Галака
Монтерей: Никита В. Перфильев
Нижний Новгород: Михаил И. Рыхтик
Прага: Юрий Е. Федоров
Санкт-Петербург: Анастасия А. Малыгина
Ташкент: Галия Р. Ибрагимова
Токио: Тайсуке Абиру
Томск: Лариса В. Дериглазова
Тюмень: Сергей В. Кондратьев

Контактная информация

Адрес для писем:
Россия, 119019, Москва, а/я 147
Редакция *Индекса Безопасности*
Телефон редакции:
+7-495-987-1915 (многоканальный)
Факс: +7-495-987-1914

Интернет-представительство: <http://si.pircenter.org>

Подписка:

- по России и СНГ: Роспечать (см. с. 182)
- по всему миру: ООО *Триалог* (см. стр. 156), <http://pircenter.org/club>
- международное издание: Routledge (Taylor & Francis Group), <http://www.tandf.co.uk/journals>

Редакционная политика

- Материалы *Индекса Безопасности* не могут быть воспроизведены полностью либо частично в печатном, электронном или ином виде без письменного разрешения Издателя
- Публикуемые материалы, суждения и выводы могут не совпадать с точкой зрения Редакции и являются исключительно взглядами авторов
- Издание осуществляется благодаря поддержке Международного Фонда Технологий и Инвестиций, Фонда Макартуров, Корпорации Карнеги Нью-Йорка, Фонда «Инициатива по сокращению ядерной угрозы», Фонда Плаушерс и Фонда Форда.

Тираж (русскийское и международное издания) 2000 экз. Подписано в печать 15 сентября 2010 г.

Отпечатано в издательстве «Права человека» по заказу ПИР-ПРЕСС

© ПИР-Центр, 2010

О Т Р Е Д А К Т О Р А

- 7 **Кто сказал ДНЯО?** «Посеяны семена надежды, – так глава делегации Канады охарактеризовал итоги майской обзорной конференции по ДНЯО. Согласен. Никаких колоссальных прорывов не достигнуто, – но разве мы их ожидали? Укрепление позитивного духа вокруг ДНЯО, подтверждение жизнеспособности ДНЯО в глазах всех его участников – у меня нет сомнений – уже создает позитивный импульс для того, чтобы приступить – тихо, закулисно – к развязыванию накопившихся узлов, при этом не повторяя ошибку 1995 г., когда после принятия решения о бессрочном продлении наступило всеобщее расслабление», – пишет главный редактор *Индекса Безопасности* Владимир Орлов.

В Д Е С Я Т К У

- 10 **О критике и мысли**

И Н Т Е Р В Ь Ю

- 11 **Николай Макаров: «России необходима современная армия, способная адекватно реагировать на любые, прежде всего, внешние угрозы и вызовы»** – Изменение облика российской армии – одно из важнейших направлений курса на модернизацию страны, объявленного президентом Д.А. Медведевым. К каким последствиям могут привести изменения в военной машине России, как и для чего они будут осуществляться? Начальник Генерального штаба Вооруженных сил РФ, первый заместитель министра обороны Николай Макаров рассказывает о содержании новой военной реформы, ее перспективах и планируемых результатах.

Ключевые слова: военная реформа, военная политика, военная безопасность.

- 19 **Али Асгар Солтанийе: «Наш новый подход к гарантиям демонстрирует, что Иран решительно настроен на сотрудничество с МАГАТЭ»** – 9 июня 2010 г. Совет Безопасности ООН принял четвертую по счету резолюцию в отношении Тегерана. Она предполагает введение новых санкций в связи с отказом Исламской Республики Иран прекратить работы по обогащению урана. Нарушает ли иранская ядерная программа международные резолюции? Постоянный представитель Ирана при Международном агентстве по атомной энергии Али Асгар Солтанийе раскрывает позицию Тегерана.

Ключевые слова: Иран, ядерное разоружение, Международном агентстве по атомной энергии.

- 23 **Леонид Бохановский: «Создание универсальной модели спроса и предложения на газ под эгидой ФСЭГ – основная перспектива**

российского участия в форуме» – Форум стран – экспортеров газа (ФСЭГ) – молодая международная организация, которой уже сейчас пророчат большие перспективы реального воздействия на рынок газа, неизбежно сравнивая ее с нефтяной ОПЕК. Будет ли способна эта организация действительно структурировать мировой газовый рынок на основе баланса интересов потребителей и производителей? Генеральный секретарь ФСЭГ Леонид Бохановский делится своими соображениями по поводу будущего ФСЭГ.

Ключевые слова: энергетическая политика и безопасность, Форум стран – экспортеров газа.

- 27 **Тибор Тот: «Режим ДВЗЯИ – это возможность перекрыть все лазейки в потенциальном распространении ядерных технологий»** – Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) остается одним из важнейших элементов укрепления режима нераспространения ядерного оружия. Какими последствиями для международной безопасности грозит отсутствие в правовом поле ДВЗЯИ ключевых государств, обладающих ядерными технологиями? Исполнительный секретарь Организации договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний Тибор Тот – о текущем состоянии режима ДВЗЯИ, перспективах и трудностях его дальнейшего укрепления.

Ключевые слова: Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, ядерное разоружение.

А Н А Л И З

- 35 **Биляна Цветкова. Опровергая мифы: почему не стоит бояться угрозы ядерного терроризма из России** – Молодая болгарская исследователь подвергает скрупулезному рассмотрению утверждения о том, что в России неблагоприятно обстоят дела с обеспечением ядерной безопасности и что риск ядерного терроризма во многом проистекает с российской территории. Согласно ее анализу, на сегодняшний момент этот тезис следует считать неверным, да и ранее он выглядел как явное преувеличение.

Ключевые слова: ядерная безопасность, ядерный терроризм, ядерные объекты, ядерное оружие.

- 57 **Надежда Арбатова. Замороженные конфликты в контексте европейской безопасности** – Способна ли новая архитектура европейской безопасности, предлагаемая Д. А. Медведевым, содействовать разрешению этих конфликтов? Оригинальный анализ трех замороженных конфликтов, присутствующих на территории бывшего СССР, с точки зрения их внутреннего, российского и международного измерений, – попытка поиска ответа на данный вопрос. Эксперт приходит к выводу, что последовательное создание твердой правовой базы в отношениях России со странами ЕС и НАТО является необходимым фактом.

Ключевые слова: замороженные конфликты, НАТО, Европейский Союз, Договор о европейской безопасности.

- 67 **Дмитрий Данилов. Договор о европейской безопасности в рамках треугольника ЕС – США – НАТО.** В статье рассматривается вопрос реализации панъевропейского проекта безопасности, выдвинутого президентом Д.А. Медведевым в контексте трансформации таких ключевых институтов обеспечения безопасности на европейском континенте, как Европейский Союз и НАТО. В центре внимания – анализ американского вектора европейской безопасности и влияние *перезагрузки* в российско-американских отношениях на продвижение идеи ДЕБ. Эксперт предлагает свое видение ответа на вопрос: «А нужен ли ДЕБ?».

Ключевые слова: Договор о европейской безопасности, российско-американские отношения, Европейский Союз, НАТО.

- 81 **Наталья Калинина, Вадим Козюлин. Договор о торговле оружием: заставить пушки замолчать** – Российские авторы на основе официальных данных комментируют реальное состояние дел в сфере контроля над экспортом и импортом вооружений. В статье также приводится анализ положений и принципов Международного договора о торговле оружием с точки зрения интересов таких ключевых игроков как: РФ и США. Вывод оказывается следующим. Даже самый сильный текст Договора не гарантирует, что при определенных условиях МДТО из инструмента прозрачности и согласия не превратится в инструмент раздора.
Ключевые слова: экспорт вооружений, Международный договор о торговле оружием.

КОММЕНТАРИЙ

- 99 **Алексей Громыко. Проект панъевропейской системы безопасности: первые результаты.** – В июне 2008 г. президент России Д.А. Медведев выступил с берлинской инициативой по заключению Договора о европейской безопасности (ДЕБ). Какие трудности и перспективы лоббирования этого проекта появились в 2009 и 2010 гг.? Проект панъевропейской системы безопасности оценивается с точки зрения реакции Европейского Союза и отдельных европейских государств: Германии, Франции, Италии, Испании, Греции, а также анализируются возможности дальнейшего продвижения этой инициативы.
Ключевые слова: внешняя политика России, Договор о европейской безопасности, Европейский Союз.

ОБЗОРЫ МИРОВЫХ ПРОЦЕССОВ : МАЙ – АВГУСТ 2010

- 104 **Галия Ибрагимова. Индекс iSi за май–август 2010: Лето без затишья** – Атака на международную гуманитарную флотилию, осложнение процесса ближневосточного урегулирования, внутривнутриполитический кризис в Киргизии определяли динамику международной безопасности и еще больше усугубили состояние региональной безопасности. Лето 2010 г. еще раз подтвердило, что это время года способно стать жарким в прямом и переносном смысле не только для простых отдыхающих, но и для политического руководства многих государств. События данного периода комментируют члены Международной экспертной группы ПИР-Центра Ирма Аргуэльо, Евгений Бужинский, Дайан Джаятиллека, Андрей Кортуннов, Пал Дунай, Антонио Рамальо, Абдулазиз Сагер, Евгений Сатановский, Фарход Толипов, Нандан Уикиришнан и Константин фон Эггерт.
- 110 **Юрий Федоров. Глазами либерала: Реальность мировой политики: сквозь призму иллюзий** – «Журналисты любят цитировать слова популярной в середине XX века сентиментальной песенки: *нельзя танцевать танго в одиночку*. Даже если США, Великобритания и, возможно, Франция в один прекрасный день откажутся от своего ядерного оружия, это никак не подтолкнет другие ядерные государства к аналогичным решениям. Единственным исключением может оказаться Северная Корея. Но, если в Пхеньяне и поддержат идею отказа от ядерного оружия, то никак не в результате сокращения российского и американского арсеналов, а только в случае массированных финансовых вливаний и гарантий сохранения у власти нынешней правящей клики».
Ключевые слова: США, Иран, Россия, Украина.

- 125 **Дмитрий Евстафьев. Глазами консерватора: Запоздалое начало нового мирового беспорядка** – «Как и предполагалось, центр мировой политики все больше сдвигается в направлении Ирана. Это понятно, – после принятия последней резолюции Совета Безопасности ООН можно все еще спорить о том, *что же будет*, но оспаривать то, что *что-то будет*, вероятно, уже бесполезно. *Что-то* вокруг Ирана теперь обязательно будет, ибо с принятием резолюции мировое сообщество вольно, а кто-то и невольно, по недомыслию пересекло *линию невозврата*».
Ключевые слова: Киргизия, СНГ, США, ИРАН.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- 137 **Роланд Тимербаев. Первые сдвиги в направлении ограничения вооружений. О работе Лондонского подкомитета Комиссии ООН по разоружению (1954 – 1957 гг.)** – Необходимость выравнивания ядерных потенциалов и наличие объективных предпосылок для начала равноправного диалога с США по атомной и вообще разоруженческой проблематике – таким был контекст начала работы Лондонского подкомитета Комиссии ООН по разоружению (1954 – 1957 гг.). Почему работа так и не увенчалась успехом, в чем были основные причины отказа западных государств от своих первоначальных предложений, именно на эти вопросы ярко и интересно, воспроизводя каждую деталь происходящего, рассказывает Чрезвычайный и Полномочный Посол Роланд Тимербаев.
Ключевые слова: ядерное разоружение, СССР, ограничение вооружений.

БИБЛИОТЕКА

- 153 **Владимир Орлов. Три «Ф» Сергея Брилева.** – «Дневник (так предлагает определение жанра в подзаголовке сам автор)? Да не вполне. Слишком уж хронологически сюжеты мечутся, без предупреждений перескакивая с года на год, с десятилетия на десятилетие. Репортаж? Конечно, репортаж. Жанр, так знакомый Брилеву-телевизионщику. Брилев и Латинская Америка, – как логично! Синонимы! У него же в паспорте: «Родился в Гаване». Из книжки мы также узнаем, что во всех странах Латинской Америки, где он побывал, его будут упорно принимать за аргентинца или уругвайца».

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

Елена Гелескул, Галия Ибрагимова, Алибек Мукамбаев, Юлия Свешникова, Ксения Смертина, Любовь Солдаткина, Иван Трушкин и Любовь Ярошенко – Сотрудники и стажеры готовят краткий обзор новых поступлений в библиотеку ПИР-Центра.

РЕДАКТОРУ

- 167 **Владимир Перебоев.** Газовые игры в Центральной Азии: ставки России.

SUMMARY

ОБ АВТОРАХ

- 179 **ЭКСПЕРТНО - КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ
СОВЕТ ПИР - ЦЕНТРА**

КОНЕЦ . ЦИТАТЫ

КТО СКАЗАЛ «ДНЯО»?

При входе в *новое* (оно же временное) здание ООН неизбежно проходишь мимо гигантского Св. Георгия, поражающего копьём американский *першинг*. Стиль безошибочен, как диагноз. Церетели: и на Манхеттене без него никуда; задвигали-задвигали его дар в глушь ооновского двора, ан нет: вылез прямо перед делегатским входом.

Тематика борьбы за мир – повсюду вокруг ооновского анклава. Кажется, делегации 172 государств не зря провели четыре майских недели в Нью-Йорке. Они поборолись за мир, наконец-то, после десятилетней стагнации, продуктивно: Конференция участников Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) по рассмотрению действия Договора умудрилась консенсусом принять Заключительный документ.

Уже сам по себе этот факт – весомый результат. Успех. Объяснить этот успех можно двояко.

С одной стороны, он – результат закулисных усилий примерно дюжины гиперактивных делегаций, которые – каждая по собственным *домашним* причинам – были нацелены не уходить с конференции без результата. Все завершающие дни они собирались за поздним ужином у председателя конференции филиппинца Либрана Кубактулана, чтобы *разрулить* ситуацию, найти нестандартные выходы из тупиков, в которые за предыдущие недели успели зайти дискуссии на главных комитетах конференции. Порой их усилия были в лучших традициях конференции 1995 г., когда удалось обеспечить бессрочное продление ДНЯО: не мытьем так катаньем; не катаньем так выкручиванием рук.

Но есть и другая сторона объяснения успеха. Он был бы попросту невозможен, если бы для достижения успеха не было изъявления воли со стороны всех делегаций, пусть подчас и замаскированного под недовольное ворчание. Делегации приехали в Нью-Йорк с настроением *на успех*, и это уже было полдела. Далее, удалось определиться с пределами компромисса. Заключительный документ получился, по точному замечанию южно-африканцев, «деликатным балансом» интересов всех: и ядерных держав, и Движения неприсоединения, и арабов, и иранцев.

Иными словами, успех был обеспечен массовой настроенностью на результат и на компромисс со стороны всех, помноженной на сверхусилия по вычерчиванию рамок этого компромисса со стороны *могучей кучки* наиболее заинтересованных в успехе (синоним: отсутствие провала).

Про драматургию конференции, от недели к неделе, от завязки к финалу, – вы можете прочитать на моем блоге¹ и в твиттере². Работа в составе российской делегации дала мне редкую возможность следить за ходом конференции *изнутри*, но при этом, оставаясь верным неправительственному и независимому характеру ПИР-Центра, свободно и публично излагать свои взгляды и оценки.

На что хотелось бы посмотреть сейчас, спустя более чем три месяца с момента завершения конференции, так это не столько на *фанфарный результат*, сколько на *содержимое компромисса*.

Его формальные признаки: 64 действия, они же рекомендации, которые должны быть соблюдены участниками ДНЯО на ближайшую пятилетку. Статус этих рекомендаций несколько снижен сноской номер один к Части 1 Заключительного документа, гласящей, что «настоящий обзор подготовлен председателем под свою ответственность и отражает, как он понимает то, что выяснилось на Обзорной конференции в отношении рассматривавшихся вопросов». То есть – все вопросы к председателю. Такова была высокая цена консенсуса.

Ключевых сюжета два: ядерное разоружение и Ближний Восток. Именно вокруг этих сюжетов и разворачивались основные драмы на майской конференции.

В разоруженческом блоке рекомендаций обратил бы внимание на следующие:

- ❑ Государства, обладающие ядерным оружием (ЯОГ) обязуются предпринимать дальнейшие усилия к сокращению и последующей ликвидации развернутых и неразвернутых ядерных вооружений всех типов (действие 3).
- ❑ Россия и США обязуются добиваться скорейшего ввода и в действие и полного осуществления нового ДСНВ; им рекомендуется продолжить обсуждение последующих мер в целях осуществления более глубоких сокращений их ядерных арсеналов (действие 4).
- ❑ Все ЯОГ должны: быстро продолжить общее сокращение глобальных запасов ядерного оружия всех типов; еще более снизить роль и значение ядерного оружия во всех концепциях, доктринах и стратегиях военного строительства и обеспечения безопасности; рассмотреть законную заинтересованность государств, не обладающих ядерным оружием, в дальнейшем понижении оперативного статуса систем ядерных вооружений; еще более укрепить уровень транспарентности (действие 5).
- ❑ Все ЯОГ обязуются в кратчайшие сроки ратифицировать Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (действие 10).
- ❑ Всем ЯОГ рекомендуется как можно скорее согласовать стандартизированную форму доклада об осуществлении плана действий и определить периодичность добровольного представления стандартизированных данных без ущерба для национальной безопасности, а генеральному секретарю ООН предлагается создать общедоступную базу данных, в которой должна быть представлена эта информация (действие 21).

Не могу не признать, что на разоруженческом направлении не удалось продвинуться дальше решений обзорной конференции десятилетней давности. Сказалась неготовность некоторых государств, и не в последнюю очередь России, включать в план действий такие вопросы, как тактическое ядерное оружие, и конкретизировать шаги в области транспарентности. Досадно, что не получили развития звучавшие в ходе конференции важные предложения о запрещении количественного увеличения ядерных арсеналов ядерных государств и о запрете на размещение ядерного оружия вне пределов национальных территорий. Не нашло должного отражения и вычерчивание пути в сторону Конвенции о запрещении ядерного оружия.

Размытые формулировки, тем не менее, не означают, что все эти вопросы растворены в потоке общих фраз. Не сомневаюсь, что эта конференция стала последней, на которой не был принят пошаговый план действий ядерного разоружения. И вопросы транспарентности, и вопросы конкретного движения к *ядерному нулю* неизбежно будут все активнее обсуждаться в ближайшие годы, как в рамках подготовительных комитетов к следующей обзорной конференции, так и в иных форматах. Такая динамика никого не должна застать врасплох.

Ближневосточная часть Заключительного документа рождалась, без преувеличения, в муках. Еще за пару дней до завершения конференции американцы были не готовы к какому бы то ни было упоминанию Израиля в тексте. Но сначала Джон Байден поужинал с арабскими послами в Вашингтоне, потом звонил Хосни Мубараку, а в канун решающих событий и сам Барак Обама подключился. Только тогда и было принято политическое решение: упомянуть Израиль можно (если осторожно и однократно). Получилось коряво: «Конференция напоминает о том, что на Конференции 2000 года была подтверждена важность присоединения Израиля к Договору и постановления им всех своих ядерных объектов под полномасштабные гарантии МАГАТЭ».

Однако эта корявая фраза, тем не менее, позволила разблокировать путь к выработке компромиссного решения о созыве в 2012 г. конференции с участием всех государств Ближнего Востока по вопросу о создании на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного оружия и других видов ОМУ (ЗСОМУ), «на основе договоренностей, добровольно заключенных государствами этого региона», причем «круг ведения этой конференции 2012 года будет основываться на резолюции 1995 года». Неблагодарная работа по подготовке такой – потенциально судьбоносной, но с большой вероятностью провальной – конференции ложится на плечи генерального секретаря ООН, а также США, Великобритании и России – коспонсоров резолюции 1995 г. по Ближнему Востоку. Практические усилия по продвижению к конференции 2012 г. лягут на «посредника», которым, не исключено, станет представитель России, выступившей еще в 2009 г. с набором инициатив по Ближнему Востоку, которые были развиты в документе 2010 г.

На сегодняшний момент, Израиль продолжает игнорировать призывы участников ДНЯО, включая и подготовку к конференции 2012 г. Насколько мне известно, выжидательную позицию занял и Иран. Между тем, без участия этих двух государств, у которых имеются не только планы в области атомной энергетики, но и реальные ядерные программы (у Израиля – военная, включая и ядерный арсенал в шестьдесят или более развернутых боезарядов; у Ирана – преимущественно гражданская, но, вероятно, с военными элементами, то есть по сути *двойного действия*) и конференция 2012 г. никакого смысла иметь не будет.

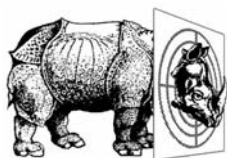
Сейчас важно не опускать руки, не настраивать себя на заведомо провальный результат. Усилия по построению мира на Ближнем Востоке никогда не были легкими. Однако в вопросе о подготовке ЗСОМУ в регионе наработан уже солидный опыт, прежде всего, в первой половине 1990-х годов. Нет необходимости изобретать велосипед. Следует взять все конструктивное и актуальное, что имеется в ряде документов того периода, под которыми стоят подписи, в том числе и Израиля, и идти с этими наработками на конференцию. И не забыть про политическую волю: без нее обеспечить участие в конференции 2012 г. «всех государств региона», как этого требует документ 2010 г., не удастся.

«Посеяны семена надежды», – так глава делегации Канады охарактеризовал итоги майской конференции. Согласен. Никаких колоссальных прорывов не достигнуто, – но разве мы их ожидали? Укрепление позитивного духа вокруг ДНЯО, подтверждение жизнеспособности ДНЯО в глазах всех его участников – у меня нет сомнений – уже создает позитивный импульс для того, чтобы приступить – тихо, закулисно – к развязыванию накопившихся узлов, при этом не повторяя ошибку 1995 г., когда после принятия решения о бессрочном продлении наступило «всеобщее расслабление».

«Вы приняли итоговый документ? Не верю!» – авторитетный голос на другом конце провода и вправду выражал недоумение, будто помехи на линии исказили сообщение о позитивном результате. Но не было помех на линии. Правда, приняли. И этим переборили скептицизм. Создали почву для поступательного, осмысленного движения вперед.

Окончание редакционной статьи см. на стр. 18

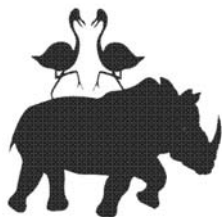

В ДЕСЯТКУ: О КРИТИКЕ И МЫСЛИ

Не каждая критика есть мысль, но каждая мысль есть критика.

Фазиль Искандер

Николай Макаров:

«РОССИИ НЕОБХОДИМА СОВРЕМЕННАЯ АРМИЯ,
СПОСОБНАЯ АДЕКВАТНО РЕАГИРОВАТЬ НА ЛЮБЫЕ,
ПРЕЖДЕ ВСЕГО, ВНЕШНИЕ УГРОЗЫ И ВЫЗОВЫ»

Изменение облика российской армии – одно из важнейших направлений курса на модернизацию страны, объявленного президентом Д.А. Медведевым. Военная реформа – процесс далеко не безболезненный, особенно если она носит комплексный характер и затрагивает структуру, характер управления, подготовки и оснащения Вооруженных сил. К каким последствиям могут привести изменения в военной машине России?

Начальник Генерального штаба Вооруженных сил РФ, первый заместитель министра обороны Николай Макаров отвечает на наши вопросы¹.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Каковы причины реформирования Вооруженных сил Российской Федерации?

МАКАРОВ: Реформа, которая сейчас проходит в Вооруженных силах РФ, – это объективная необходимость изменить структуру Вооруженных сил, чтобы решать все задачи, связанные, прежде всего, с внешними вызовами и теми угрозами, которые могут возникнуть до 2020 г. В 2008 г. наша армия представляла собой осколок армии СССР. Она была огромна по своему составу, являлась в большей степени не боевой, а мобилизационной армией, в ней было громадное количество офицерского состава и вообще командного состава. Это вызывало серьезные опасения, сможет ли подобная армия решать задачи, которые могли возникнуть.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Николай Егорович, Вы как человек, прошедший все ступени карьерной лестницы военного, наверное, лучше других были способны сформулировать и осуществить на практике конкретные шаги по изменению облика Вооруженных сил РФ. Когда именно вопрос о необходимости реформирования стал звучать особенно остро?

МАКАРОВ: Действительно, я прошел все должности, которые необходимо было пройти военному человеку, даже больше, чем это требовалось. Именно поэтому те проблемы, те *болезни*, которые были присущи офицерскому составу, те трудности, которые были в организационных штабах при Вооруженных силах, были ясны. Я четко представлял, что и как необходимо делать.

Предложения по реорганизации Вооруженных сил неоднократно докладывались президенту РФ. Они очень внимательно обсуждались и анализировались. Это происходило в 2008 г., еще до известного Вам августовского конфликта. После конфликта в Южной Осетии для многих стало вполне понятно, что реформа не только назрела, она должна быть произведена гораздо раньше. В сентябре 2008 г. президентом был утвержден план реформы Вооруженных сил РФ, и в соответствии с этим планом в 2009 г. мы приступили к реформированию.

О
Д
В
А
Р
Е
Г
Н

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Какие задачи должна решить реформа Вооруженных сил РФ?

МАКАРОВ: *Первая* задача заключалась в том, чтобы из миллионной, мобилизационной и расплывчатой армии создать боеспособную современную структуру, способную адекватно реагировать на любые угрозы и вызовы.

Вторая задача – оснастить современными образцами вооружения и военной техники новые структуры Вооруженных сил.

Третья задача, очень сложная, – переломить у многих офицеров сознание, воспитанное еще в духе старой армии, подготовить этих офицеров и реорганизовать всю сеть военных вооружений.

Четвертая задача заключается в том, что необходимо было доктринально изменить взгляды на ведение боевых действий, и все это заложить в абсолютно новые программные документы.

Пятая задача, наиболее трудоемкая и затратная, – это решение многих социальных вопросов, связанных с денежным содержанием и обеспечением жильем не только офицеров, но и всех военнослужащих.

Это основные пять задач, еще есть огромное количество других, менее объемных требований, которые мы решали и решаем сейчас.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Создание боеспособной современной армии, адекватно реагирующей на любые угрозы и вызовы, – это, безусловно, комплексная задача. Какие именно меры по изменению структуры и подготовки Вооруженных сил она подразумевает? Можно ли ожидать в рамках данного процесса изменения срока и условий прохождения службы по призыву?

МАКАРОВ: Мы сумели создать части постоянной готовности, уйти от мобилизационных вопросов и создать Вооруженные силы, как мы сейчас говорим, в одночасовой готовности к боевому применению. Мы создали 85 боевых бригад и огромное количество других типов бригад, которые должны обеспечивать боевую структуру. Мы совершаем очень болезненный процесс, проводим сокращение, остается одна треть от того офицерского состава, который был в Вооруженных силах. Мы полностью ликвидировали институт прапорщиков. Вновь созданные бригады приступили к боевой подготовке. Мы проверяли степень их готовности и правильность созданной организационной структуры в прошлом году на учениях *Запад-2009*, *Кавказ-2009* и *Ладога-2009*.

Мы пришли к пониманию, что необходимо создать бригады трех типов – тяжелую, среднюю и легкую, которые позволят решать весь спектр задач. Эти бригады имеют модульный характер. В этом плане переход на один год службы стал для нас новой проблемой. Старая программа и структура боевой подготовки абсолютно перестали нам подходить. Поэтому была разработана новая программа подготовки войск и особенно подготовки сержантского состава. Мы частично изменили подготовку всех младших специалистов, убрав структуру подготовки два раза в год. Теперь мы готовим специалистов три раза в год. То есть сократили цикл их обучения и увеличили частоту выпуска. Мы изменили подготовку сержантского состава, перейдя на сроки в два года и десять месяцев. Планируем к 2016 г. иметь новый сержантский корпус.

Мы понимаем, что сама служба солдат срочно резко отличается от службы в западных странах. Если можно так выразиться, то мы сделали ее более демократичной. Теперь военнослужащий у нас призывается по месту жительства, что раньше делать было запрещено. Мы понимаем, что это целесообразно, чтобы солдаты, проходя службу рядом с домом, могли проводить выходные со своей семьей. Вместе с тем мы значительно усложнили систему подготовки военнослужащих, в том числе значительно увеличили число учебных часов в течение дня. Сейчас будет введена система стимулирования военнослужащих срочной службы.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Чем объясняется необходимость изменения не только структуры, но и системы управления Вооруженными силами в рамках новой реформы? Какой станет новая система управления российской армией?

МАКАРОВ: Суть заключается в том, что раньше у нас было три вида и три рода вооруженных сил, которые имели свою систему управления и руководили своими подчиненными силами, например, главнокомандующий военно-морского флота управлял четырьмя флотами, главнокомандующий военно-воздушными силами управлял воздушными армиями, главнокомандующий сухопутными войсками управлял сухопутными войсками. Сейчас мы от этой системы отказались.

Мы понимали, что за последние десятилетия произошли значительные изменения не только в мире, но и в сопредельных с РФ государствах, поэтому потребовалось изменить и саму *нарезку* театра военных действий. Военные округа должны иметь свою зону ответственности. Сейчас все операции проводятся совместными силами и средствами, то есть участвуют и сухопутные войска, и военно-морской флот, и военно-воздушные силы, а не каждый род войск отдельно, как это делалось раньше.

Кроме того, возникли противоречия в том, что у нас имеется шесть округов и семь армий. Мы создали сами себе проблемы в кадровом вопросе. В настоящий момент будут создаваться четыре объединенных оперативных стратегических командования, в которые организационно войдет непосредственно военный округ вместе с сухопутной составляющей, военно-морским флотом и воздушной армией. Все, что будет входить в сферу этого нового объединенного стратегического командования, то есть все то, что находится на его территории, должно быть непосредственно подчинено этому командованию.

Таким образом, создаются четыре новых стратегических командования – *Восток, Центр, Юг и Запад*. Планировать их применение и управлять ими будет Генеральный штаб. Главнокомандующими Вооруженных сил становятся непосредственно подчиненные начальника Генерального штаба. Они в большей степени будут отвечать за организацию боевой подготовки по своим сферам ответственности, за строительство и развитие своих видов Вооруженных сил, за подготовку и переподготовку своего офицерского состава, за подготовку специалистов, за миротворческие задачи и за развитие оснащения своих видов и родов войск новыми вооружениями. Первая задача наиболее объемна по своему предназначению.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: В рамках второй задачи по реформированию Вооруженных сил существует ли уже программа по оснащению армии современными образцами вооружения и военной техники? Планируются ли возможные закупки иностранных вооружений и технологий? Если да, то будет ли вопрос закупок решаться, исходя из конкретных потребностей в конкретный момент, или это будет плановая программа?

МАКАРОВ: Сейчас мы разрабатываем новую программу развития вооружений до 2020 г. В эту программу мы закладываем те требования, которые позволяют нам иметь к 2020 г. Вооруженные силы, оснащенные новыми образцами военной техники. Безусловно, она разрабатывается с учетом экономики нашей страны и состояния оборонно-промышленного комплекса.

Государственная программа вооружений планировалась следующим образом. Мы понимали, какие вооруженные конфликты могут быть, если они будут развязаны в пределах 20–30-го годов этого столетия. Генеральный штаб определил, какие силы необходимы, чтобы решить эти конфликты, в том числе какие средства требуются с учетом тех технологических прорывов, которые были осуществлены.

Генеральный штаб также определил требования к каждой системе вооружений, которая выпускается промышленностью РФ. Мы, безусловно, будем их закупать. Кроме того, были спланированы опытно-конструкторские работы, так называемые НИОКР, в ходе которых мы обязаны создать образцы техники, отвечающие заявленным требованиям. Мы понимаем, что это будет финансовая поддержка нашего оборонно-промышленного комплекса и промышленности в целом.

О
Р
В
Р
Е
Г
Н
И

Вопрос закупки иностранных образцов прорабатывается индивидуально и очень осторожно. Все-таки мы ориентируемся на свое отечественное производство, но не исключая, что если будут какие-либо серьезные трудности, то мы нацелены закупать не образцы, а технологии производства. Мы можем купить один образец, чтобы посмотреть, что он представляет с точки зрения технологии производства, как таковой этот образец нас не интересует.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Предполагает ли программа перевооружения российской армии переход на использование высокоточного оружия?

МАКАРОВ: Высокоточное оружие на сегодняшний день – это приоритет не только РФ, но и всех стран. Всякое высокоточное оружие подразумевает два параметра. Это – сама технология и возможность создания высокоточного оружия, будь то ракета или торпеда.

Второй компонент наиболее сложный и дорогой. Это – информационная составляющая, которая должна иметь средства обнаружения цели для ее анализа. Для того чтобы навести высокоточное оружие на цель, эта составляющая должна иметь космическую группировку, воздушную группировку и наземный пункт управления. Мы очень серьезно занимаемся данной проблемой, учитывая опыт не только НАТО, но и всех стран, которые располагают высокоточным оружием, а также те наработки, которые имеются у РФ (их очень много). Одно из условий оснащения Вооруженных сил РФ заключается в том, чтобы оснастить их высокоточными средствами поражения, имея для этого мощную разведывательную информационную систему. Это тоже один из наших приоритетов.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: 3 июня 2010 г. генерал-лейтенант, начальник Главного управления вооружения ВС РФ генерал О.П. Фролов в рамках своего выступления в Государственной думе говорил о новой программе вооружений. Из его выступления можно сделать вывод, что финансирование военно-морского флота будет происходить по остаточному принципу. Ваше заявление подчеркивает, что формирование Вооруженных сил потребует значительного времени. Следует ли это понимать так, что до 2030-го или даже до 2050-го гг. РФ намерена обходиться без военного флота и без возможностей осуществлять морские операции?

МАКАРОВ: Генерал Фролов сказал, что мы рассматриваем несколько вариантов. Действительно, это так. Флот – это одна из самых дорогостоящих составляющих Вооруженных сил. Флот условно делится на две части: флот, который предназначен для применения стратегических ядерных сил, и так называемые военно-морские силы общего назначения.

Что касается *первой* составляющей, она при любом варианте должна соответствовать той установке и тем требованиям, которые мы заложили в новый договор по СНВ. Ядерные силы – это не обсуждаемая проблема.

Вторая часть. Действительно, есть много различных мнений, много различных гипотез по развитию. Мы пришли к единому пониманию, как это надо делать. В соответствии с экономикой нашей страны выделяются солидные средства и силы, чтобы военно-морской флот с учетом его значимости отвечал тем задачам, которые перед ним стоят. Мы заложили довольно амбициозные задачи по развитию военно-морского флота. Мы также надеемся на то, что сейчас в РФ разрабатываются программы по развитию судостроения. Мы надеемся, что мы и в этой программе найдем свое место. РФ без флота просто не может существовать. Конечно, военные всегда просят больше, но им не всегда это дают. Я думаю, что военно-морской флот не будет обижен.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Как Вы уже отмечали, преобразование Вооруженных сил РФ подразумевает качественные изменения в подготовке офицерского и сержантского состава и реформирование высших учебных заведений. В чем это будет заключаться?

МАКАРОВ: Мы создаем всего десять высших военных учебных заведений путем объединения однородных высших военных учебных заведений в одно. То есть в сухопутных войсках будет один военный центр – Военная академия им. М.В. Фрунзе, которая погрузит в себя все военные заведения, в том числе и научно-исследовательские орга-

низации, которые работали ранее на структуру развития и оснащения сухопутных войск. Это будет единое целое.

Здесь есть еще одна очень серьезная проблема – это изменение мировоззрения наших офицеров. Советская школа подготовки офицерского состава была очень сильна и готовила первоклассных офицеров. Время идет, меняются подходы, меняются взгляды на современные войны, на формы и способы применения Вооруженных сил, поэтому офицеры, особенно старшего возраста, с трудом это понимают. В этом есть серьезная проблема.

В течение полутора лет мы проводим серьезную работу путем организации лекций, сборов, конференций, чтобы изменить и приблизить мировоззрение наших офицеров к современному пониманию войн и конфликтов. Анализ вооруженных конфликтов, произошедших за последние 20 лет, и взгляд в будущее нацеливают и помогают нам прийти к пониманию, какие же войны и конфликты будут развиваться в дальнейшем. Именно на это направлена вся система подготовки новых программ обучения офицерского состава.

Кратко остановлюсь на необходимости подготовки новых уставных документов. Эта проблема предопределяется самой структурой войск и взглядов на новые формы и способы их применения. Все эти документы разработаны и проходят апробацию в ходе проводимых учений и подготовки вооруженных сил. Я думаю, что с 1 января 2011 г. мы уже в окончательно утвержденном виде приступим к освоению новых программных документов.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Социальный блок задач в рамках реформы Вооруженных сил – это, пожалуй, одна из самых животрепещущих и болезненных тем как для самих военнослужащих, так и для их семей. Ключевыми вопросами в данном контексте остаются изменение системы оплаты труда и обеспечение военнослужащих постоянным жильем. Можем ли мы ожидать каких-либо прорывов в данной сфере?

МАКАРОВ: Мы представили свой проект закона правительству РФ о новом денежном содержании военнослужащих РФ. Мы предполагаем с 1 января 2012 г. перейти к новой системе оплаты труда военных. Сейчас у нас действуют системы стимулирования лучших воинских частей и военнослужащих. Офицеры, которые выполняют сложные задачи, а именно члены экипажей стратегических бомбардировщиков, атомных подводных лодок, кораблей, несущих боевое дежурство, в том числе по задачам борьбы с пиратством, военнослужащие, которые несут службу в *горячих точках*, получают повышенное денежное содержание.

Остальные части по итогам службы за год по ряду критериев определяются как лучшие и в течение года также получают повышенное денежное содержание. Однако в конце года они должны подтверждать свой уровень. Это денежное содержание варьируется примерно в следующих параметрах. Командир взвода в пределах от 50 тыс. до 70 тыс. руб., командир бригады – порядка 150 тыс. руб. Такая система денежного стимулирования даст результат, так как по своим параметрам она отличается в пять-шесть раз от базового оклада.

Вторая проблема – в социальном блоке, а именно в обеспечении военнослужащих жильем. Здесь можно только кратко сказать о том, что решение президента Д.А. Медведева об обеспечении военнослужащих постоянным жильем к концу 2010 г. и служебным жильем к 2012 г. пока идет без каких-либо срывов.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: В самом начале этого интервью Вы говорили о новых вызовах и угрозах, с которыми может столкнуться РФ и для отражения которых происходит реформирование Вооруженных сил РФ. Предусматривается ли в рамках проводимой военной реформы применение Вооруженных сил РФ за рубежом, в том числе и в дальнем зарубежье, для защиты интересов страны и жизни ее граждан? Каким образом в рамках новой командной структуры будет осуществляться управление военными силами при их применении для данных целей?

О
Б
В
Р
Е
Г
Н
С

МАКАРОВ: Четыре объединенных стратегических командования будут иметь свою зону ответственности. Эта зона ответственности – не только на территории РФ, но и соответственно, в сопредельной стране, которая примыкает к зоне этого командования. Если будет какая-нибудь обстановка, которая потребует от президента Д.А. Медведева решения об использовании вооруженных сил за пределами РФ, то данное решение может быть принято. Безусловно, руководство будет расширять Генеральный штаб, но непосредственное командование войсками будет осуществлять командующий объединенным стратегическим командованием.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: В последнее время приходилось слышать достаточно много нареканий, что РФ не представлена в миротворчестве так активно, как хотелось бы. Как Вы видите роль РФ в миротворчестве? Считаете ли Вы, что здесь будут изменения?

МАКАРОВ: Может быть, действительно РФ не так активно представлена в решении миротворческих задач, как это следовало бы сделать. Но Вооруженные силы привлекаются уже в завершающей стадии, когда существует близость вооруженного конфликта. Если мы вводим миротворческие силы, это значит, что существует вероятность войны. Моя позиция – позиция начальника Генерального штаба, который не хочет просто жертвовать своими людьми или создавать опасность для их жизни. Должны быть включены все рычаги, дипломатические, экономические, политические, любые, которые предотвратят и не доведут ситуацию до ввода войск в качестве миротворцев.

В этом плане я хотел бы отметить инициативу президента Д.А. Медведева о заключении Договора о европейской безопасности. Я знаю, что в различных странах ее воспринимают по-разному. Система, сложившаяся в Европе, не соответствует тому, что должно быть создано для ее безопасности. Страны НАТО прикрываются пятой статьей, другие страны, такие как страны Прибалтики, иногда *ведут себя просто развязно* в этом плане. Те страны, которые не входят в НАТО, чувствуют себя совсем по-другому.

Создается ситуация, когда, если ты член НАТО, то ты будешь в безопасности, если ты *не член* НАТО, то нигде не будешь. Это и есть рычаг, который постоянно довлечет над *не членами* НАТО. Давайте, двери открыты, входите в НАТО. Поэтому мы и вышли с таким предложением, чтобы каждая страна имела равную степень своей защищенности и безопасности. Необходимо создать такие условия, которые бы обеспечили этот принцип.

Возвращаясь к миротворческим задачам, у нас есть войска и силы, которые предназначены только для миротворческих функций и готовятся для этого. Если будет решение нашего руководства и не только нашего руководства, то мы будем выполнять поставленные задачи. Это должно быть обоюдное решение целого сообщества государств. Каждая страна может воспринимать использование Вооруженных сил по-разному, кто-то – как агрессию, кто-то – как миротворческую задачу. Это должно быть решение ряда стран, и в случае такого решения мы готовы к выполнению задач.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: В свете разговора об обеспечении равной безопасности и роли НАТО в данном процессе, какие на сегодняшний день основные перспективы реального сотрудничества России и НАТО, есть ли они вообще?

МАКАРОВ: Что касается Совета Россия–НАТО, понятно, что не по нашим инициативам и причинам он прекратил свою работу в 2008 г. Сейчас, хотим мы или не хотим, нравится нам или нет, но вопросы, которые необходимо решать не только на европейском континенте, но и в мире, без РФ решить сложно. Первая встреча, которая произошла у нас в рамках Совета Россия–НАТО в Брюсселе с представителями комитетов, а затем уже непосредственно со всеми представителями начальников штабов, активизировала эту работу по целому ряду направлений. Прежде всего, активизация диалога произошла по системе противоракетной обороны, по экстремизму и его крайней стороне – терроризму, по вопросу пиратства, по обмену опытом в Афганистане и по целому ряду логистических вопросов, которые связаны с тылом и вооружениями.

Мы включили огромное количество мероприятий, в том числе те, что я перечислил, а также обмен военными делегациями и совместную подготовку наших воинских контин-

гентов в целом ряде государств Европы и США. Мы должны прийти к пониманию, что сейчас в мире гораздо больше угроз, которые мы должны решать сообща, и для этого необходимо иметь силы и средства, совместимые как по применению, так и по управлению. Мы должны понимать друг друга. Мы можем действовать совместно.

К сожалению, как в США и в Европе, так и у нас есть люди, которые еще смотрят на мир с позиции СССР, блока НАТО и Варшавского договора. В ходе неоднократных встреч с американскими и европейскими руководителями чувствуется какое-то недоверие друг к другу, которое сформировалось в долгие годы противостояния. Нам, к сожалению, пытаются приписать еще те взгляды, которые были 20–30 лет назад. Шапмы, которые сформировались еще в годы холодной войны, присутствуют до сих пор. Многие не понимают, что за 20 лет у нас в России уже выросло почти новое поколение людей, что за это время произошли вооруженные конфликты в бывших республиках СССР.

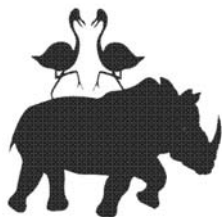
Мы считаем, что им необходимо *поменять очки* и посмотреть по-другому на многие вопросы. Поэтому в плане работы Совета Россия–НАТО мы хотим решать обоюдные вопросы, которые несут пользу – как для стран НАТО, так и для РФ. Те разговоры, которые мы ведем в этом сообществе, а также те разговоры, которые были с руководителями ряда европейских стран, показывают, что открытость потихоньку начинает превалировать над закрытостью. Это создает условия к тому, чтобы мы более качественно решали многие проблемы. Я считаю, что Совет Россия–НАТО с каждым месяцем набирает новые темпы развития. В рамках этого Совета можно решить много очень важных и серьезных вопросов, которые возникли у нас в последние годы.

Примечание

¹ Текст интервью подготовлен на основе выступления начальника Генерального штаба Вооруженных сил РФ, первого заместителя министра обороны Н.Е. Макарова на заседании Международного клуба *Триалог*, организованном ПИР-Центром 17 июня 2010 г.

О
Р
В
Р
Е
Т
Н
И

Али Асгар Солтанийе:

«НАШ НОВЫЙ ПОДХОД К ГАРАНТИЯМ ДЕМОНИСТРИРУЕТ,
ЧТО ИРАН РЕШИТЕЛЬНО НАСТРОЕН
НА СОТРУДНИЧЕСТВО С МАГАТЭ»

Ситуацию вокруг иранского ядерного досье можно охарактеризовать как устойчиво острую. 9 июня 2010 г. Совет Безопасности ООН принял четвертую по счету резолюцию в отношении Тегерана. Она предполагает введение новых санкций в связи с отказом Исламской Республики Иран (ИРИ) прекратить работы по обогащению урана. Нарушает ли иранская ядерная программа международные резолюции? Носит ли она исключительно мирный характер?

Постоянный представитель Ирана при Международном агентстве по атомной энергии (МАГАТЭ) Али Асгар Солтанийе отвечает на вопросы корреспондента журнала Индекс Безопасности Елены Гелескул¹.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Какие меры следует предпринять, чтобы восстановить доверие между Ираном и международным сообществом в области иранской ядерной программы?

СОЛТАНИЙЕ: Чтобы укреплять доверие, обе стороны должны четко понимать причины его отсутствия. Это позволит реализовать меры, направленные на улучшение ситуации в будущем. Со своей стороны, Иран уже предпринял значительные шаги в сторону разрешения противоречий.

Иран остается активным участником Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Мы целиком и полностью сотрудничаем с МАГАТЭ, несмотря на резолюции Совета Безопасности ООН о введении санкций. Западные страны втянули в обсуждение иранской ядерной программы Совет Безопасности. Этот вопрос должен рассматриваться исключительно в Вене. Факты показывают, что Иран стремится разрешить проблемы и противоречия.

Что сделала другая сторона? Абсолютно ничего. Они работают на разрушение доверия путем принятия резолюций и обсуждения данного вопроса в Нью-Йорке. Во время конференции по рассмотрению действия ДНЯО мы занимались поиском взаимоприемлемого решения. Другие государства продолжали разговоры о резолюциях. Это доказывает, что США и ряд европейских стран стремятся разрушить конструктивную атмосферу диалога. Именно так сейчас обстоят дела. Это достойно глубокого сожаления.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Какова основная цель заключения трехстороннего соглашения между Ираном, Турцией и Бразилией?

СОЛТАНИЙЕ: Данное соглашение четко демонстрирует готовность Ирана к сотрудничеству. Обычно формат подобных соглашений предполагает, что страны-поставщики ядерного топлива сначала получают предоплату, а затем отправляют материалы на дообогащение. Иран готов передать топливо уже сейчас. Этот факт подтверждает нашу добрую политическую волю.

Ю
Р
В
Р
Е
Н
И

Иран действительно стремится к налаживанию переговорного процесса. Мы благодарны Бразилии и Турции за предпринятые усилия. Эти страны хотят показать всему миру, что Иран имеет право на мирное использование ядерной энергии. Бразилия и Турция обратились к Ирану с предложением о сотрудничестве, и мы на это предложение согласились. Мы не видим никакой необходимости в отправке ядерного топлива для дообогащения за границу, но Иран готов пойти на это, чтобы продемонстрировать конструктивный подход.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Как бы Вы оценили современное состояние отношений между Ираном и МАГАТЭ?

СОЛТАНИЙЕ: В целом у нас продолжается полное сотрудничество с МАГАТЭ. Недавно в должность вступил новый генеральный директор данной организации. Первый сделанный им отчет² был неуместным. Документ представлял собой обзор прошедших событий, в нем содержалось много критики. В подобном подходе не было никакой необходимости.

Мы надеемся, что следующий отчет будет уже более сбалансированным³. Мы прилагаем все усилия для работы в конструктивном ключе. Даже после того, как Иран начал обогащение урана до уровня 20%, мы продолжили проводить встречи со специалистами МАГАТЭ. Наш новый подход к гарантиям демонстрирует, что Иран решительно настроен на сотрудничество с МАГАТЭ, чтобы обеспечить остановку всей ядерной деятельности под наблюдение этой организации.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Каковы перспективы отношений Ирана и МАГАТЭ? Какие цели ставит перед собой Иран?

СОЛТАНИЙЕ: Перспектива очень четкая. Курс на сотрудничество с МАГАТЭ будет продолжен. Мы ожидаем от нового генерального директора агентства немедленной реализации рабочего плана, который был согласован между Ираном и МАГАТЭ. В соответствии с данным документом МАГАТЭ должно объявить о получении регулярного и эффективного доступа к ядерным объектам Ирана и *положить конец* политическому обсуждению данного вопроса на международной арене. Если это произойдет, то в сотрудничестве Ирана и МАГАТЭ будет открыта новая страница.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Иранская программа по обогащению урана развивается очень быстро. В чем причины подобной спешки? Как бы Вы прокомментировали возможность объявления Ираном моратория на производство высокообогащенного урана?

СОЛТАНИЙЕ: Мы не собираемся производить высокообогащенный уран даже для тегеранского научно-исследовательского реактора. Уровень обогащения урана составляет 20%. По классификации МАГАТЭ вещества с обогащением до 20% не считаются высокообогащенными.

Данный уровень обогащения необходим для тегеранского научно-исследовательского реактора. Низкая степень обогащения – для атомной электростанции в Бушере. Программа обогащения будет продолжена, так как нет никакой уверенности в гарантированных поставках ядерного топлива извне. На сегодняшний день не существует ни одного юридического механизма, который бы на сто процентов гарантировал поставки ядерных материалов.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Иран уязвляет свою позицию по предложению о создании на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного оружия, с позицией Израиля по вопросу о присоединении к ДНЯО. Видит ли Иран какие-либо другие пути реализации идеи о безъядерном Ближнем Востоке?

СОЛТАНИЙЕ: Мы поддерживаем идею о создании зоны, свободной от ядерного оружия. В долгосрочной перспективе Иран хотел бы, чтобы это была зона, свободная от любого оружия массового поражения. Однако пока следует сконцентрироваться на ядерном оружии, и мы поддерживаем такой подход. Единственный способ воплотить эту идею – добиться присоединения Израиля к ДНЯО. Международное сообщество хорошо понимает, что мы крайне разочарованы ситуацией, при которой Израиль имеет ядерное

оружие и не является членом ДНЯО. Все 116 стран Движения неприсоединения осудили создание Израилем ядерного оружия. Они ожидают от Израиля немедленного вступления в ДНЯО и постановки всей ядерной деятельности, объектов и материалов под систему гарантий МАГАТЭ. Израилю следует дать максимум два года на присоединение к ДНЯО. Это должно быть сделано до начала работы следующего подготовительного комитета конференции по рассмотрению действия ДНЯО.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: В своих интервью Вы часто говорите о новой иранской *политике полной прозрачности*. Как в дальнейшем будет развиваться эта политика? Какие шаги предпримет Иран?

СОЛТАНИЙЕ: Для начала следует определить, что такое *прозрачность*. Согласованного на международном уровне определения понятия *прозрачность* не существует. Например, если сказать, что России недостает *прозрачности*, что это означает на практике? Обязана ли Россия *открыть нараспашку двери* каждого здания в стране перед международными инспекторами, чтобы считаться *прозрачной*? Предполагает ли *политика прозрачности*, что должен быть проверен каждый квадратный сантиметр ее территории? В чем состоит *прозрачность*?

Если такая страна, как Иран, полностью привержена *принципу прозрачности*, международные инспекторы могут провести проверку в любое время суток в соответствии с соглашением о всеобъемлющих гарантиях. Я считаю, что это *настоящая прозрачность*.

Мы соблюдаем все требования ДНЯО, и именно это является критерием оценки *прозрачности*. Если *прозрачность* измеряется с данной точки зрения, то Иран полностью поддерживает эту политику.

Примечание

¹ Интервью подготовлено в мае 2010 г.

² Implementation of the NPT Safeguards Agreement and relevant provisions of Security Council resolutions 1737 (2006), 1747 (2007), 1803 (2008) and 1835 (2008) in the Islamic Republic of Iran, report by the Director General, 2010, 18 February, <http://www.iaea.org/Publications/Documents/Board/2010/gov2010-10.pdf> (последнее посещение – 12 июля 2010 г.).

³ Отчет вышел 6 сентября 2010 г., <http://www.iaea.org/Publications/Documents/Board/2010/gov2010-46.pdf> (последнее посещение – 12 июля 2010 г.).

**ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ БЮЛЛЕТЕНЬ
ВЕНА+ЖЕНЕВА**

Европейское отделение ПИР-Центра в Женеве – Centre russe d'études politiques – в сотрудничестве с Центром изучения проблем нераспространения (ЦИПН) Монтерейского института международных исследований (США) запустили новый информационный проект – информационно-аналитический бюллетень *Вена+Женева*, посвященный деятельности международных организаций в области ядерного нераспространения и разоружения в Европе.

Основу бюллетеня составляют как материалы СМИ и публикации международных организаций на русском языке, так и эксклюзивные информационные и аналитические материалы, подготовленные сотрудниками и консультантами ПИР-Центра и ЦИПН специально для бюллетеня.

Главными рубриками нового бюллетеня стали «Венский дневник» и «Женевский дневник», в которых выпускающий редактор бюллетеня Надежда Теллер (Вена) и научный сотрудник Института ООН по изучению проблем разоружения (ЮНИДИР), консультант Европейского отделения ПИР-Центра Юрий Юдин (Женева) делятся с читателями своим взглядом на интересные и значимые события, происходящие в сфере нераспространения и разоружения.

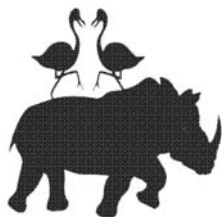
Также в новом бюллетене можно найти:

- ☐ интервью и комментарии,
- ☐ официальные документы,
- ☐ новости международных организаций,
- ☐ ссылки на материалы по ядерному нераспространению и разоружению.

Бюллетень *Вена+Женева* выходит ежемесячно (за исключением августа и января) и рассылается по электронной почте подписчикам ПИР-Центра и ЦИПН.

Получатели новостей ПИР-ПРЕСС и бюллетеня *Ядерный Контроль* подписаны на рассылку автоматически. Отредактировать подписку Вы можете на сайте интернет-представительства ПИР-Центра: <http://www.pircenter.org>, либо написав нам по адресу: subscribe@pircenter.org.

*С вопросами и комментариями по поводу издания бюллетеня
Вы можете обращаться к выпускающему редактору бюллетеня
Надежде Теллер по e-mail: teller@pircenter.org*

Леонид Бохановский:

«СОЗДАНИЕ УНИВЕРСАЛЬНОЙ МОДЕЛИ СПРОСА
И ПРЕДЛОЖЕНИЯ НА ГАЗ ПОД ЭГИДОЙ ФСЭГ – ОСНОВНАЯ
ПЕРСПЕКТИВА РОССИЙСКОГО УЧАСТИЯ В ФОРУМЕ»

Форум стран – экспортеров газа (ФСЭГ) – молодая международная организация, которой уже сейчас прочат большие перспективы реального воздействия на рынок газа, неизбежно сравнивая ее с нефтяной ОПЕК. Насколько правомерны подобные параллели? Будет ли способна эта организация действительно структурировать мировой газовый рынок на основе баланса интересов потребителей и производителей? Какой представляется роль России в рамках ФСЭГ?

Генеральный секретарь Форума стран – экспортеров газа (ФСЭГ) Леонид Бохановский отвечает на вопросы главного редактора Индекс Безопасности Владимира Орлова.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Форум основан в 2001 г., юридически учрежден в декабре 2008 г. Какие факторы сдерживали развитие организации? Существуют ли подобные факторы сегодня?

БОХАНОВСКИЙ: Я бы не стал говорить о сдерживавших развитие ФСЭГ факторах. В обозначенный Вами период времени скорее шла естественная эволюция в части идентификации и сближения позиций стран – экспортеров газа, *нащупывалась* база для разработки совместных подходов к развитию региональных газовых рынков.

До 2008 г. члены неформального межгосударственного объединения крупнейших производителей газа эпизодически сталкивались с фактором резких ценовых колебаний, превращавших рынок газа то в рынок покупателя, то в рынок продавца. Это во все большей мере начинало затруднять планирование долгосрочных инвестиционных решений, имеющих ключевое значение в исключительно капиталоемкой газовой промышленности.

Непросто складывалась и ситуация на стороне потребителей, особенно европейских, с завидной настойчивостью выдававших и выдающих по сей день *энергетические директивы* – своды правил функционирования газового рынка ЕС, менявшие условия работы на нем значительным образом, и зачастую не в пользу производителя. Неоднозначно развивались события вокруг Энергетической хартии.

Волатильность цен на газ, по большей части привязанных к *корзине нефтяных товаров*, стала нарастать в последние кризисные годы, по времени совпавшие со структурной перестройкой на ряде весомых региональных рынков, прежде всего североамериканском.

Само развитие событий продиктовало необходимость того, чтобы голос производителей важнейшего вида углеводородов консолидировался, был услышан и – более того – учитывался в развитии глобальной экономики, обеспечении ее важнейших предпосылок – надежности энергетической составляющей и экологической безопасности.

Ю
Р
В
Р
Е
Т
Н
И

Решение о реструктуризации ФСЭГ и наделении его международно-правовым статусом стало, если хотите, восстановлением *институциональной справедливости*. Профильные организации уже давно существовали практически у всех важнейших *отраслевых агентов* – экспортеров нефти, сырьевых компаний, потребителей энергоресурсов и т.д.

С принятием устава и созданием секретариата к этой *славной когорте* теперь добавляется и ФСЭГ – полноценная в международно-правовом плане межправительственная организация стран – экспортеров газа. Говорю – *добавляется*, потому что этот процесс формально еще не завершен. Мы сегодня проходим регистрацию в секретариате ООН.

Думается, что с созданием ФСЭГ глобальный диалог производителей и потребителей энергоресурсов станет более полноценным, гармонично и в полной мере учитывающим интересы всех его участников.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Как Вы оцениваете потенциал воздействия газа на уровень международной безопасности?

БОХАНОВСКИЙ: Если Вы имеете в виду зависимость уровня энергетической безопасности Европы и мира в целом от стабильности и надежности поставок этого вида углеводородов, то здесь она прямая, зависящая в первую очередь от доли газа в общем балансе глобального и регионального энергопотребления. Региональное энергопотребление, как известно, обнаруживает тенденцию к явному росту, как с точки зрения текущей рыночной конъюнктуры, так и долгосрочных тенденций развития отрасли.

Безопасность в газовой сфере, как Вы знаете, сегодня разделена на безопасность поставщиков и потребителей. При этом первые во главу угла ставят надежный и долговременный спрос, минимизацию ценовых рисков, вторые – стабильность и гарантированность поставок, *оптимальные цены*, ряд других вопросов. Надо сказать, что, невзирая на все усилия, нередко диалог ведется по ряду из них в режиме *мимо друг друга*, не принося практических результатов.

Тем не менее, на настоящий момент можно констатировать наличие как целого ряда наработанных общих подходов, зафиксированных, в частности, в документах ООН, Большой восьмерки, иных форумов, так и не сокращающегося набора спорных тем, даже краткое перечисление которых явно выйдет за рамки данного интервью. Важным, однако, представляется то, что повсеместно растет понимание необходимости активнее задействовать такие инструменты, как вертикальная интеграция, взаимное проникновение капиталов и инвестиций производителей и потребителей газа.

Тема развития перекрестных инвестиций в *газовый ап- и даунстрим* стояла в центре дискуссий и на 10-й министерской встрече Форума стран – экспортеров газа, состоявшейся в алжирском г. Оран в апреле 2010 г.

В первой совместной декларации министры сформулировали идею активизации плодотворного диалога между производителями и потребителями природного газа в качестве важнейшего инструмента гармонизации ситуации на газовом рынке, его дальнейшего устойчивого и поступательного развития. ФСЭГ рассчитывает на то, что сообщество стран потребителей газа позитивно откликнется на этот призыв.

Как Генеральный секретарь ФСЭГ я постараюсь сделать все возможное для того, чтобы такой диалог начался, структурировался и привел нас к позитивным практическим результатам. Убежден, что он укрепит глобальную энергетическую безопасность, станет весомым вкладом в политическую стабильность в мире в целом.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Каковы были мотивы участников ФСЭГ избрать Генеральным секретарем именно Вас?

БОХАНОВСКИЙ: Я баллотировался на пост генсека ФСЭГ не в своем личном качестве, а в первую очередь как представитель России – глобальной энергетической державы, ведущего производителя и экспортера природного газа, обладателя его крупнейших запасов. Кроме того, являясь страной основателем Форума, мы стояли у истоков его зарождения в 2001 г. В пользу российской кандидатуры сыграло и то весьма значимое

и символичное, на мой взгляд, обстоятельство, что Устав Форума был принят в 2008 г. именно в Москве.

Полагаю, что, закрепив за мной роль Генерального секретаря Форума, страны-члены связали с этим выбором в первую очередь планы по динамизации деятельности организации, придания ей позитивного и продуктивного характера. Постараюсь сделать так, чтобы мой опыт государственной службы и работы в бизнес-структурах, в том числе и за рубежом, оказался максимально полезен для реализации уставных целей ФСЭГ.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Как Вы оцениваете нынешний уровень и перспективы российского участия в Форуме?

БОХАНОВСКИЙ: Уровень – как вполне достаточный для того, чтобы голос ФСЭГ звучал в концерте смежных и глобальных международных организаций уверенно и конструктивно. Первые шаги на этом направлении уже предпринимаются – налаживаются деловые контакты с такими релевантными для нас организациями, как Международное энергетическое агентство (МЭА), Международный экологический фонд (МЭФ), и рядом других.

Что же касается перспектив, то я бы связал их в первую очередь с реализацией уже упомянутых мною планов по налаживанию и институализации диалога стран – экспортеров и импортеров газа, созданием универсальной модели спроса и предложения на газ под эгидой ФСЭГ.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Форум стран – экспортеров газа часто называют *газовой ОПЕК*. Насколько это, на Ваш взгляд, оправдано?

БОХАНОВСКИЙ: Это растиражированный журналистский штамп, не более того. ФСЭГ не имеет картельных амбиций, не устанавливает каких-либо квот. Его инструментарий иной – диалог, сотрудничество, поиск взаимоприемлемых коллективных решений проблем газового рынка.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Согласно опасениям некоторых западных политиков, создание ФСЭГ позволяет России установить еще более жесткий контроль над энергопотреблением в государствах Европы. Как Вы могли бы прокомментировать такие опасения? Что предпринимается для снятия напряженности в данном вопросе?

БОХАНОВСКИЙ: Опасения такого рода, мягко говоря – продукт фантазий ангажированных политиков, по-прежнему мыслящих категориями времен холодной войны. Достаточно прочесть убедительные документы ФСЭГ – Устав и Соглашение о функционировании, чтобы убедиться в их полной необоснованности.

Россия на протяжении многих десятилетий надежно снабжает своих европейских соседей природным газом, обеспечивая в среднем треть их соответствующих потребностей. С вводом в строй новых Северного и Южного потоков энергобезопасность континента лишь возрастет. Ни о каком *жестком контроле* России речи, конечно же, не идет.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Какие стратегические задачи стоят перед Форумом на 2011 г.?

БОХАНОВСКИЙ: Помимо уже названных мною задач – закладка основ для исправления ситуации, сложившейся с недооцененностью природного газа как экологически относительно безупречного, самого чистого минерального топлива (особенно с точки зрения задачи снижения эмиссии парниковых газов), имеющегося в количествах, абсолютно достаточных для обеспечения экономического развития планеты на долгосрочную перспективу (порядка 250 лет).

Причем мы далеки от замыслов вести некую прямолинейную пропаганду в пользу природного газа. Необходима, на мой взгляд, систематичная и интенсивная информационная кампания по разъяснению преимуществ природного газа – очевидных, однако не всегда видимых широкой общественности, в том числе представителям разного уровня политического и делового менеджмента, гражданского общества, экологам.

Аналогичная работа, как все мы видим, сегодня ведется по альтернативным и возобновляемым источникам энергии, ядерной энергетике, ряду смежных тем. Газ здесь серьез-

Ю
Б
В
Р
Е
Т
Н
И

но отстает, необходимо наверстывать упущенное. Для того чтобы эта работа принесла искомый результат, необходимо консолидировать мировое общественное мнение, дать политический импульс усилиям по известной переоценке ценностей в области текущих энергетических приоритетов.

Уже цитировавшаяся мною 10-я министерская встреча ФСЭГ в г. Ороне инициировала рассмотрение вопроса о проведении в 2011 г. Всемирного газового саммита, который бы сумел стать важной вехой в работе на данном направлении.

И третий важный аспект – аналитический. Необходима системная работа по налаживанию сбора статистической информации по газовым рынкам, их главным игрокам, инвестиционным возможностям и потребностям, целому ряду их профильных параметров. Конечная цель – сделать их прозрачными, а значит, более предсказуемыми факторами экономического развития. С этой целью мы намереваемся создать симуляционную модель спроса-предложения в рамках ФСЭГ, а на первом этапе включиться по газовому профилю в статистическую работу по линии так называемой Совместной инициативы по нефтяным данным.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Планируется ли расширение списка участников ФСЭГ? Каковы возможности вступления во ФСЭГ Туркмении?

БОХАНОВСКИЙ: Учредительными документами ФСЭГ предусматривается возможность расширения организации за счет государств, разделяющих цели и задачи, сформулированные в ее Уставе. С моей точки зрения, во ФСЭГ должно быть представлено максимально возможное число государств, располагающих существенными запасами газа и ведущими его экспорт. Со многими из них нами уже ведутся *зондирующие*, пока неофициальные переговоры.

Что касается Туркменистана, то необходимо помнить о том, что он, как и Россия, входит в число государств-соучредителей ФСЭГ, располагает весьма крупными запасами этого вида топлива и является одним из крупных поставщиков газа на международные рынки. Я бы от всей души приветствовал положительное решение руководства этой страны о присоединения к Форуму.

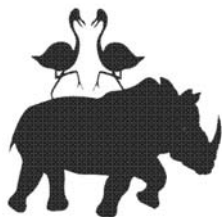
ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Существуют ли возможности взаимодействия ФСЭГ с другими международными структурами, такими как ООН, НАТО, ШОС?

БОХАНОВСКИЙ: Проблематика энергетической безопасности, важным компонентом которой является и природный газ, стоит в повестке дня многих международных организаций, и, конечно же, названных Вами тоже.

ФСЭГ намерен принять активное участие в ведущейся дискуссии об оптимальных путях и методах обеспечения энергетической безопасности. Полагаю, что ООН, и в частности такие организации, как Экономический и социальный совет ООН (ЭКОСОС), Центр международного промышленного сотрудничества ООН (ЮНИДО), Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП), Европейская экономическая комиссия (ЕЭК), станут нашими партнерами по обсуждению общих и специальных вопросов газовой повестки дня. Такое сотрудничество может в перспективе приобрести особую актуальность в связи с ситуацией, сложившейся вокруг Договора к Энергетической хартии (ДЭХ), в том числе в свете российской инициативы по радикальному совершенствованию правовой основы мировой торговли энергетическими ресурсами.

Не исключаю, что в перспективе ФСЭГ примет решение о необходимости соответствующего диалога с такими организациями, как НАТО и ШОС. Как я уже отметил, в настоящее время мы стараемся фокусироваться на установлении и развитии связей с родственными организациями – МЭА, МЭФ, ОПЕК и рядом других.

Тибор Тот:

«РЕЖИМ ДВЗЯИ – ЭТО ВОЗМОЖНОСТЬ ПЕРЕКРЫТЬ
ВСЕ ЛАЗЕЙКИ В ПОТЕНЦИАЛЬНОМ РАСПРОСТРАНЕНИИ
ЯДЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ»

Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) остается одним из важнейших элементов укрепления режима нераспространения ядерного оружия. США, играющие активную роль в области ограничения ядерных вооружений и пропагандирующие идею ядерного нуля, оказались среди тех государств, кто все еще не ратифицировал этот договор. Возможно ли изменение позиции официальных и непризнанных ядерных государств по отношению к ДВЗЯИ? Какими последствиями для международной безопасности грозит отсутствие в правовом поле ДВЗЯИ ключевых государств, обладающих ядерными технологиями? Какой является роль Российской Федерации в продвижении ДВЗЯИ?

Исполнительный секретарь Организации договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний Тибор Тот отвечает на вопросы Надежды Теллер, корреспондента Индекса Безопасности, выпускающего редактора периодических изданий ПИР-Центра: Ядерный Контроль и Вена+Женева.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) всегда занимал важное место в функционировании режима нераспространения ядерного оружия. Как бы Вы оценили текущую ситуацию с ДВЗЯИ и прогресс, достигнутый на сегодняшний день?

ТОТ: ДВЗЯИ является неотъемлемой частью режима нераспространения, который, если можно так выразиться, состоит из отдельных кирпичиков. Одним из таких кирпичиков служит ДВЗЯИ. Сюда можно также отнести механизмы гарантий, безъядерные зоны, экспортный контроль, и т.д. Такими же кирпичиками являются отрицательные гарантии безопасности, процесс разоружения, вопросы ядерной безопасности и двусторонние соглашения. Важно периодически контролировать прочность всех этих кирпичиков. Чем они крепче, тем крепче все здание, которое из них состоит. С этой точки зрения ДВЗЯИ является одним из исторически наиболее длинных кирпичей. Задумывался он еще во времена подписания Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО).

В 1995 г., когда действие ДНЯО было продлено на неопределенный срок, ДВЗЯИ упоминался в качестве отдельного принципа. Он также упоминался в качестве первого и второго шага, именно в таком порядке, среди 13 практических шагов по итогам конференции по рассмотрению действия ДНЯО 2000 г. Сам Договор о запрещении ядерных испытаний пока не вступил в силу, для этого его должны ратифицировать еще 9 государств. Однако членами Организации ДВЗЯИ уже являются 182 государства, а ратифицировала документ 151 страна. В 2000 г., когда была принята резолюция о 13 практических шагах, государств, ратифицировавших договор, насчитывалось всего 50. При этом Международной системы мониторинга вообще не существовало. Сейчас мы имеем 151 ратификацию и 250 действующих станций мониторинга. Наша система мониторинга уже про-

Ю
Р
В
Р
Е
Т
Н
И

демонстрировала свою эффективность в 2006 и 2009 гг. в контексте северокорейских ядерных испытаний.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Не секрет, что одной из ключевых стран, которые пока не ратифицировали договор, являются США. После прихода к власти новой администрации в Вашингтоне высказали свою приверженность договору. Администрация Барака Обамы сделала несколько заявлений о том, что будет добиваться ратификации. Когда именно, по Вашему мнению, можно этого ожидать? Принимает ли Ваша организация участие в каких-либо конкретных усилиях, направленных на ускорение ратификации ДВЗЯИ США?

ТОТ: Администрация Барака Обамы официально и недвусмысленно заявила о том, что будет добиваться ратификации договора. В пользу ратификации высказались сам президент, вице-президент, секретарь госдепартамента и министр обороны. Идея пользуется поддержкой как республиканцев, так и демократов. Здесь стоит упомянуть Рейкьявickскую инициативу и предложения Генри Киссинджера, Джорджа Шульца, Уильяма Перри и Сэма Нанна. За ратификацию выступает довольно широкий круг сенаторов. Однако это еще не означает, что на данный момент у нас есть 67 голосов. В администрации Барака Обамы намерены вынести вопрос на голосование, только имея твердые шансы на успех. В связи с этим, насколько я знаю, администрация проводит конкретную работу, направленную на обеспечение успешной ратификации. Сюда входит подготовка к выходу в ближайшее время обновленной версии профильного отчета Национальной академии наук от 2001 г., а также работа с ключевыми членами Сената. Это направление ведет вице-президент Джозеф Байден.

Однако и по вопросу ратификации, и по другим вопросам заручиться квалифицированным большинством голосов в Сенате нелегко. Именно в этом контексте следует рассматривать проблему ратификации ДВЗЯИ. Я бы хотел в связи с этим подчеркнуть, что тот прогресс, которого нам удалось достичь за последние 10–13 лет, стал возможен в том числе и благодаря работе США, в которых у власти тогда находились разные администрации. С этой точки зрения можно сказать, что свой вклад в дело продвижения к вступлению ДВЗЯИ в силу внесли как республиканцы, так и демократы. Важно будет не забывать об этом, когда в Сенате начнется сам процесс ратификации договора.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: В Приложении II к тексту ДВЗЯИ перечислены 44 государства, ратификация договора которыми необходима для его вступления в силу. Из этих 44 государств три – Индия, Пакистан и Северная Корея – на сегодняшний день даже не подписали договор. Налажены ли у Вас какие-либо контакты с этими тремя государствами и проводите ли Вы с ними какую-либо работу, направленную на вовлечение в процесс ДВЗЯИ?

ТОТ: Отсутствие Индии, Пакистана и Северной Кореи в списке стран, подписавших ДВЗЯИ, важно в более широком смысле. Участие этих стран во всех аспектах укрепления режима нераспространения имеет очень большое значение. Оставим пока за рамками разговора Северную Корею, для Индии и Пакистана участие в ДВЗЯИ является более приемлемым, чем некоторые другие меры по укреплению режима нераспространения.

Естественно, было бы очень важно добиться участия этих стран во всех без исключения аспектах режима нераспространения, особенно в самом ДНЯО. Существуют реальные перспективы участия Индии и Пакистана в многосторонних соглашениях, отражающих те обязательства, которые эти две страны уже взяли на себя в одностороннем или двустороннем порядке. Индия и Пакистан – как по отдельности, так и в двустороннем формате – уже сделали официальные заявления о моратории на ядерные испытания.

С материалами по вопросам разоружения вы можете ознакомиться в разделе «Пути ядерного разоружения» интернет-представительства ПИР-Центра по адресу <http://pircenter.org/view/disarmament>

Если они действительно серьезно относятся к этому мораторию, то наилучшим способом продемонстрировать серьезность своих намерений стало бы участие в многостороннем

соглашении. Это соглашение помогло бы им получить твердые гарантии того, что другие страны в их регионе и за его пределами связаны аналогичными обязательствами. Мы не хотели бы вступать в дискуссии по данному вопросу в таком формате, который бы лишь усложнил ситуацию. Мы прислушиваемся к мнению исследователей и специалистов из Индии и Пакистана в ходе различных форумов. Мы выжидаем подходящий момент и ждем соответствующих сигналов от этих двух стран.

Что касается Северной Кореи, то шестисторонние переговоры являются важным инструментом и механизмом решения ядерной проблемы на Корейском полуострове. Наша организация, и я в том числе, полагает, что запрет на ядерные испытания является важным составляющим компонентом достижения безъядерного статуса полуострова. Серьезного прогресса на пути к достижению этого статуса не добиться без взятия на себя Северной Кореей обязательств о прекращении ядерных испытаний в многостороннем формате.

К сожалению, проведение этой страной ядерных испытаний в 2006 и 2009 гг. стало серьезным фактором неопределенности, причем не только для стран Азиатско-Тихоокеанского региона, но и в глобальном масштабе. С каждым новым испытанием увеличивается риск распространения ядерных технологий. Мы сейчас не имеем контактов с Северной Кореей, однако мы бы хотели, чтобы этот вопрос стал неотъемлемой частью усилий по решению ядерной проблемы.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Давайте рассмотрим следующую гипотетическую ситуацию. Представим себе, что все государства из списка в Приложении II, за исключением одного или двух, ратифицировали договор. Считаете ли Вы, что в такой ситуации следовало бы добиваться условного вступления договора в силу? Каковы были бы преимущества и недостатки такого решения?

ТОТ: Все будет зависеть от того, о каких именно государствах идет речь. Не окажется ли так, что на достижение договоренностей об условном вступлении договора в силу будет потрачено больше времени, усилий и политического капитала, чем на достижение самой всеобщей ратификации? Вместо того чтобы тратить время и энергию на такое условное вступление договора в силу, я бы скорее задался следующим вопросом. Если, к примеру, все пять ядерных членов Совета Безопасности ООН ратифицировали договор, то в свете взятых на себя ядерными державами обязательств не проводить ядерных испытаний, в свете их обязательств по разоружению вправе ли мы ожидать и от остальных стран, что они возьмут на себя аналогичные обязательства?

Я думаю, что вправе. Существуют ли методы и способы убедить остальные страны взять на себя такие обязательства и пойти в правильном направлении? Я думаю, что существуют. Поэтому вопрос здесь заключается в том, считает ли международное сообщество, что на некоторые страны всеобщие правила не распространяются и что такие страны имеют *карт-бланш* на любые действия? Считает ли международное сообщество, что помимо 160–170 стран, которые уважают международные нормы, есть еще и другие страны, которые стоят выше этих норм? Я так не думаю.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Значит, Вы считаете, что будет легче убедить Северную Корею пойти на такие шаги?

ТОТ: Если в ситуации, когда все постоянные члены Совета Безопасности ООН ратифицировали юридически обязывающий договор, международное сообщество окажется неспособно убедить Северную Корею (опять же, речь идет о *мягких* методах убеждения), то в таком мире некоторые страны могут просто поставить себя выше всяких международных норм. Такая ситуация станет сигналом для некоторых стран. Пусть другие соблюдают нормы, а мы сами на эти нормы обращать внимание не будем.

Это будет неправильный сигнал. Он создаст брешь во всей системе договора. Если какая-либо из стран сможет продолжать ядерные испытания, это станет угрозой для безопасности всего региона и источником потенциального распространения ядерных технологий. С каждым новым ядерным испытанием достигается улучшение потенциальной ядерной боеголовки; становится все легче и легче оснастить такой боеголовкой

О
Р
В
Р
Е
Т
Н
Н

ракету. Это проблема не только для непосредственных соседей. Это гораздо более широкий вопрос распространения технологий, так как в режиме нераспространения будут оставаться лазейки. Такие лазейки нам не нужны. Пусть это прозвучит наивно, но я полагаю, что нам лучше *засучить рукава* и постараться все эти лазейки перекрыть. Если *поднапрячься*, то проблемы, на первый взгляд, трудноразрешимые могут нам оказаться вполне по силам.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Давайте теперь перейдем к верификационному режиму ДВЗЯИ, а именно Международной системе мониторинга. Не могли бы Вы кратко описать состояние этой системы на сегодняшний день?

ТОТ: Всего у нас должно быть около 340 станций и 250 коммуникационных объектов, т.е. в сумме приблизительно 600. На сегодняшний день из них уже существуют 560. Это очень высокий уровень готовности. Ядерные испытания, проведенные в 2006 и 2009 гг. Северной Кореей, стали напоминанием того, насколько полезной может быть эта система.

Почему? Она позволяет получать информацию в режиме, близком к реальному времени. Для тех, кто обсуждает вопрос, требующий внимания Совета Безопасности ООН, очень важно, имеется ли достаточно информации по вопросу; есть ли независимые источники информации, насколько вообще можно полагаться на надежность и достоверность поступающей верификационной информации и данных. Чтобы понять важность всех этих элементов, нет даже необходимости обращаться к недавним событиям. Именно в этой области мы можем сыграть очень полезную роль. Мы собираем данные из 90 стран мира, так что нет никаких сомнений в их достоверности. Наша система обработки данных абсолютно прозрачна. Страны, имеющие соответствующее программное обеспечение, могут даже проводить такую обработку самостоятельно. Им не приходится полагаться на чье-то слово, они сами могут все увидеть и проконтролировать.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Вы упомянули северокорейские ядерные испытания в 2006 и 2009 гг. Как бы Вы оценили работу Международной системы мониторинга во время этих испытаний? Как ее оценили сами государства-участники?

ТОТ: Во-первых, система сейчас функционирует в тестовом режиме. Мы пока стараемся оценить ее характеристики, так что официальной действующей системой верификации она еще не является. Что касается испытания в 2006 г., мощность которого оценивалась в 0,5 кт, то его зарегистрировали более 30 наших станций.

Когда переговорщики обсуждали в Женеве необходимый уровень чувствительности системы после ее полного развертывания, то считалось, что она должна быть способна зарегистрировать взрыв мощностью в 1 кт не менее чем на двух станциях. В 2006 г. мы имели взрыв мощностью в 2 раза ниже порогового уровня, при этом в самой системе работала только половина запланированного количества станций. Тем не менее, этот взрыв был зарегистрирован на более чем 30 станциях. Мы смогли задействовать еще одну технологию под названием *благородный газ*, несмотря на то, что у нас тогда работало лишь 25% сети *благородного газа*. Сам взрыв был крайне маломощный: 0,5 кт – это в 50 раз меньше, чем мощность взрыва при первых ядерных испытаниях в других странах. Таким образом, взрыв был в 50 раз слабее обычного, так что и выброс ядерного материала был намного меньше. Тем не менее, нам удалось обнаружить выброс *благородных газов*.

В 2009 г. мы не регистрировали никакого выброса *благородных газов*. Тогда его никто не регистрировал. У нас была 61 станция, зарегистрировавшая сейсмическое событие. Для того чтобы включить событие в наш бюллетень, достаточно было регистрации всего тремя станциями. Необработанную информацию мы выдали через доли секунды после взрыва, обработанную – менее чем через два часа, а совещание в Вене было проведено в девять утра того же дня.

Все это дает представление о нашем потенциале на будущее. Мы не использовали компонент режима, предусматривающий инспекции на местах. Он может быть задейство-

ван только после того, как начнет действовать вся остальная система. По инспекциям на местах мы пока проводим работу в режиме моделирования.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Не могли бы Вы коротко описать цель и механизм этих инспекций?

ТОТ: Они являются частью режима мониторинга, дополняют сбор, обработку и интерпретацию информации. Инспекции являются последним компонентом всего режима. Ввести этот компонент в действие сможет будущий Исполнительный совет.

По аналогии с Конвенцией о запрещении химического оружия мы эти инспекции называем *процедурой зеленой линии*, так что для нее понадобится одобрение Исполнительного совета. Конечно, к тому времени, когда заработают инспекции, у нас будут данные и информация, поступающие от Международной системы мониторинга и Международного центра обработки информации.

Масштабы инспекций на местах таковы: местом проведения инспекции может быть определена территория площадью до 1000 кв. км. В ней может принимать участие до 40 инспекторов. Срок проведения инспекций – до двух месяцев или даже больше, с применением оборудования общим весом в десятки тонн, относящегося к 10 разным технологическим группам.

Такие инспекции являются очень мощным и применяемым в самую последнюю очередь инструментом из широкого набора имеющихся у нас методик. Одну инспекцию мы уже провели в 2008 г. в Казахстане в качестве репетиции. Мы привезли более 50 т оборудования. В событии принимало участие более 200 человек. Всем было очень интересно посмотреть, как все происходит.

Мы провели в Казахстане целый месяц в условиях, которые являлись одновременно и зимними, и летними, и осенними, и весенними. Инспекция проходила на бывшем полигоне ядерных испытаний, на котором в прошлом было проведено более 500 взрывов. Место для репетиции, я считаю, мы выбрали очень удачное, позволяющее максимально приблизиться к реальной ситуации.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Проект, конечно, амбициозный. Каковы основные трудности в процессе разработки процедур инспекций на местах, и насколько близок этот процесс к завершению?

ТОТ: Как и с остальными элементами системы, работа еще продолжается. В ходе комплексной репетиции в Казахстане в 2008 г. мы провели проверку целого ряда аспектов: логистики, инфраструктурного компонента, процедуры активации инспекций. Некоторые другие компоненты еще только предстоит проверить. Сюда входят технологии постоянного мониторинга с воздуха, а также некоторые методики, применяемые в ходе второй фазы инспекции.

Мы продолжаем работу над оборудованием, над технологиями и методологией. Работа еще далеко не завершена. Эффективность режима в целом будет определяться суммой составляющих его элементов. В некоторых случаях можно будет получить всю необходимую информацию исключительно за счет применения Международной системы мониторинга. Только в тех случаях, когда необходима дополнительная информация, может появиться необходимость задействовать последний элемент – инспекции. В течение следующих двух-трех лет мы проведем подготовку к еще одной широкомасштабной инспекции, задействуем некоторые дополнительные технологии. Вот такое у нас положение на сегодняшний день.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Вы сказали, что инспекции – это инструмент, который будет применяться только тогда, когда все остальные средства исчерпаны. В случае с северокорейскими ядерными испытаниями, если бы договор уже вступил в силу, считали бы Вы, что возникла бы необходимость в проведении такой инспекции? Или уже имеющихся данных было бы достаточно, чтобы доказать нарушение договора?

ТОТ: Я думаю, что в случае с испытаниями 2006 и 2009 гг., если страна отрицает факт проведения ядерного испытания, то ей была бы предоставлена возможность это проде-

О
Р
В
Р
Е
Т
Н
И

монстрировать путем проведения инспекции. С нашей точки зрения, и в 2006, и в 2009 гг. были очень веские доказательства проведения ядерного испытания, и списать эти доказательства на некие естественные природные явления было бы очень тяжело.

Все имеющиеся улики, особенно по 2006 г., ясно указывают лишь на одно возможное объяснение: антропогенное событие ядерного характера. Однако в 2009 г. ни нами, ни другими наблюдателями не был зарегистрирован выброс радиоактивных частиц или *благородных газов*. Здесь, возможно, понадобилась бы инспекция на месте – не только как шанс для самой страны доказать, что ядерного испытания не было, но и для самого международного сообщества – как возможность окончательно прояснить истинную природу события. В обоих случаях важен сам факт того, что инструмент проверок у нас есть в наличии.

Не исключено, что страна, на которую пало подозрение, уйдет в глухую оборону касательно проведения инспекции, даже если есть соответствующее решение Исполнительного совета. Страна может нарушить свои обязательства. Это уже будет само по себе серьезное нарушение обязательств по верификации, вдобавок к подозрению в проведении незаконного ядерного испытания.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Вы упомянули, что Международная система мониторинга уже находится в очень высокой степени готовности. Чего недостает для полной готовности?

ТОТ: Мы бы хотели добиться дальнейшего прогресса в отношении, прежде всего, станций мониторинга, на которых применяются разные технологии. Мы делаем серьезный упор на технологии обнаружения радионуклидов и *благородных газов* и рассчитываем ввести в эксплуатацию дополнительные станции, использующие такие технологии. К примеру, в 2006 г. у нас было 10 станций, использующих технологию *благородных газов*. Сейчас их 24. Каждый год мы строим еще 5–6 таких станций и рассчитываем довести их общее число до 40. Мы также делаем серьезные инвестиции в инфразвуковые технологии.

Вопрос не только в станциях, но и в том, как обрабатываются данные, полученные этими станциями. Недавно мы включили инфразвуковые данные в процедуру обработки. Эти данные теперь отражаются в наших бюллетенях, которые собирают воедино информацию от сейсмических, гидроакустических, инфразвуковых и радионуклидных датчиков. Мы бы хотели продолжать развитие радионуклидной технологии и провести сертификацию наших станций. Сейчас мы проводим так называемый международный эксперимент по *благородным газам*. Некоторые из этих станций мы бы хотели сертифицировать.

Мы также увеличиваем скорость обработки данных. Недавно мы перешли на платформу *Linux*, в результате чего действие нашей вычислительной системы значительно возросло. Мы бы хотели добиться дальнейших улучшений в плане точности и разносторонности информации, а также методов передачи этой информации государствам-участникам.

Расширяется и география нашей сети. Недавно мы прошли отметку в 250 установленных станций. Всего запланировано 337. У нас появились станции в новых странах и регионах. Последняя из прошедших сертификацию станций находится в Туркменистане. Ожидается открытие новых станций.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Имеются ли какие-либо пробелы в Вашей сети станций с географической точки зрения – области, где Вы не имеете возможности вести мониторинг?

ТОТ: Как я уже говорил, мощность испытаний в Северной Корее составила всего 0,5 кт. Тем не менее, событие зарегистрировала 31 станция. Самая дальняя из них была расположена в Ла-Пасе, столице Боливии, на расстоянии 7000 км. Сейсмическая волна шла до станции 22 минуты, если я не ошибаюсь. Так что вопрос лишь в том, насколько малые сейсмические события целесообразно отслеживать. В отчете Национальной академии наук США за 2001 г. говорится, что с военной точки зрения значимость испытания мощностью менее 0,5 кт начинает уменьшаться, так что риск обнаружения, связанный с та-

ким испытанием, начинает перевешивать его военную ценность для самого государства. Именно с такой перспективы мы рассматриваем данный вопрос.

В 2006 г. нам удалось зарегистрировать взрыв мощностью 0,5 кт на 30 станциях. В то время у нас было в общей сложности всего 80 таких станций. Сейчас их в три раза больше. Так что чувствительность системы в северном полушарии уже приближается к 0,01 кт. Речь уже идет не о сотнях тонн тротилового эквивалента, а о десятках тонн. К примеру, нам удалось зарегистрировать и измерить мощность гидроакустического события, которое было вызвано 60 кг взрывчатки, на расстоянии почти 10 000 км. Речь идет о гидроакустической станции на архипелаге Хуан Фернандес (Чили), которая зарегистрировала событие, произошедшее у берегов Японии.

К сожалению, станция была разрушена во время цунами у побережья Чили. Это послужило напоминанием о том, что систему станций нам приходится не только строить, но и поддерживать в рабочем состоянии. Приходится считаться и с такими форс-мажорными событиями, как уже упомянутое цунами в Чили.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Система предупреждения о цунами сейчас является одной из гражданских областей применения Международной системы мониторинга. Какие еще существуют гражданские области применения и насколько они важны для Вашей организации?

ТОТ: Система предупреждения о цунами для нас, естественно, очень важна. Я бы хотел подчеркнуть, что у нас в рамках Международной океанографической комиссии при ЮНЕСКО существуют договоренности об обмене информацией с региональными центрами в Японии, на Гавайях, в Аляске и в целом ряде других стран, прежде всего в Тихоокеанском регионе. Однако, как показали события в Чили, цунами могут случиться где угодно, поэтому мы заинтересованы в установлении плодотворного сотрудничества в данной области и с другими странами. Мы поддерживаем контакт с различными правительствами и рассказываем им об эффективности нашей системы мониторинга. Мы надеемся, что те преимущества этой системы, которыми уже пользуются страны Тихоокеанского региона, будут также оценены государствами Карибского залива, западного и восточного побережья Африки и Средиземноморья. Нужно расширять круг стран, пользующихся преимуществами этой системы.

Существуют и другие гражданские применения системы в области сбора и обработки данных, а также обучения специалистов. Разные страны могут использовать собираемые нашей системой данные в своих целях, в том числе для мониторинга вулканических извержений, а также исследований структуры земной коры с использованием сейсмических данных. Инфразвуковые данные можно использовать для исследования природных явлений и подготовки к природным бедствиям.

Я только что встречался с послом Индонезии. Для этой страны характерны и цунами, и землетрясения, и извержения вулканов, и другие явления. Недавно даже метеорит упал где-то в Индонезии. Так что все эти гражданские области применения можно использовать на национальном уровне. Сама наша организация очень активно занимается системой предупреждения о цунами. Мы также проводим тренинги, расширяем технические возможности и проводим просветительную работу по остальным вопросам.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: И последний вопрос – о роли России в работе Вашей организации. В каких именно областях деятельности Организации ДВЗЯИ задействована Россия?

ТОТ: Для нас важно, что Россия является одной из первых стран, которые подписали и ратифицировали договор. К тому же она является одним из постоянных членов Совета Безопасности ООН. Очень важно и то, что из 32 станций, которые должны быть построены на территории Российской Федерации, более половины уже введены в эксплуатацию и прошли сертификацию. Это является крайне весомым вкладом России в систему мониторинга.

Россия также оказывает значительную научную и техническую поддержку, которая не ограничивается строительством станций мониторинга. Мы получаем ценные консуль-

Ю
Р
В
Р
Е
Т
Н

тации российских экспертов, ведем с ними плодотворные дискуссии. Нам помогают технические эксперты. Важен также финансовый вклад, который вносит Россия в нашу работу. Россия является для нас образцово-показательным партнером как в политических, так и в технических аспектах. Это партнерство проявляется довольно часто.

В сентябре прошлого года у меня состоялась встреча с министром иностранных дел России С.В. Лавровым. В ходе нее Россия вновь заявила о своей поддержке ДВЗЯИ. Эта поддержка крайне важна в условиях, когда нам необходимо обеспечить ратификацию договора оставшимися двумя постоянными членами Совета Безопасности ООН. Нам нужны эти ратификации, поэтому поддержка со стороны ядерной державы для нас крайне важна.

Ратификация ДВЗЯИ Россией является также важным сигналом в контексте более глубоких сокращений стратегического ядерного оружия. Я считаю, что ДВЗЯИ необходим для проведения таких сокращений. Запрет на ядерные испытания ограничит возможность обойти количественные ограничения за счет качественного улучшения ядерного оружия. После того как будут проведены глубокие количественные сокращения ядерных арсеналов, по моему мнению, следует надежно перекрыть возможность качественного усовершенствования арсеналов путем введения юридически обязательного верификационного режима. В этом плане для нас очень важна будет поддержка со стороны России.

Биляна Цветкова¹

ОПРОВЕРГАЯ МИФЫ: ПОЧЕМУ НЕ СТОИТ БОЯТЬСЯ УГРОЗЫ ЯДЕРНОГО ТЕРРОРИЗМА ИЗ РОССИИ

В пражской речи 5 апреля 2009 г. президент Барак Обама говорил о серьезности получившей широкое признание угрозы того, что террористы «стремятся купить, создать или похитить» атомную бомбу². Со времен окончания холодной войны часто утверждается, что одним из возможных источников ядерного оружия и материалов для террористов является огромный российский ядерный арсенал. Более того, по имеющейся рассекреченной информации, наивысшей считается угроза хищения именно российских ядерных материалов. Тем не менее, есть основания полагать, что чрезмерная озабоченность риском попадания российского ядерного оружия и материалов в руки террористов явно преувеличена. Вероятность этого крайне низка в силу следующих причин: усовершенствование системы охраны и безопасности ядерных материалов в России, отсутствие действующих каналов контрабанды ядерных материалов, недостаточный спрос, а также сложности производства и доставки ядерного оружия.

Многие эксперты и политики убеждены, что в настоящее время ядерный терроризм представляет собой угрозу самому существованию западного мира³. Одним из вариантов того, как террористы могут раздобыть средства ядерного поражения, считается контрабанда ядерного оружия или материалов из России. Риск хищения ядерных материалов трудно поддается количественной оценке, однако, по имеющейся незасекреченной информации, по состоянию на ноябрь 2008 г. именно в отношении России этот риск считался наивысшим⁴.

ЯДЕРНОЕ НАСЛЕДСТВО

Сразу после распада СССР на Западе существовала серьезная озабоченность касательно безопасности советского ядерного арсенала. Физически этот арсенал находился на территории четырех бывших советских республик, что создавало трудности в системе управления и контроля над советским ядерным оружием и материалами. Однако программы, направленные на вывоз ядерного оружия из бывших советских республик, оказались весьма эффективными. На территории России было успешно сконцентрировано 30 000–40 000 единиц этого оружия⁵.

После проведения значительных сокращений в соответствии с договорами СНВ от 1991 г. и СНП от 2002 г. количество ядерных боеголовок у России по состоянию на январь 2009 г. составляет 3909 единиц⁶. Несмотря на такой прогресс, Россия остается страной с наибольшим количеством ядерного оружия и материалов на планете. При этом количество бункеров и других объектов, где находятся это оружие и материалы, также выше, чем в любой другой стране – приблизительно 250⁷. По оценкам на октябрь 2009 г., в России имеется от 735 до 1365 т высокообогащенного оружейного урана, а также от 106 до 156 т плутония, пригодного для военного использования⁸. Многие эксперты полагают, что это оружие и материалы представляют собой риск в связи с отсутствием

З
И
Л
А
Н
А

внимания к этой теме со стороны правительства, а также недостаточными мерами учета и контроля⁹. Кроме того, считается, что серьезные экономические трудности, с которыми столкнулись ученые и специалисты российской ядерной отрасли, работающие на закрытых российских ядерных предприятиях, подталкивают их к воровству и продаже ядерного ноу-хау и материалов с целью личного обогащения¹⁰.

Однако в противоположность такому мнению, проведя системный анализ существующей информации, можно утверждать, что озабоченность риском попадания российского ядерного оружия и материалов в руки террористов явно преувеличена. Основаниями для такого вывода являются:

- ☐ усовершенствование системы охраны и безопасности ядерных материалов в России;
- ☐ отсутствие действующих каналов контрабанды ядерных материалов;
- ☐ недостаточный спрос;
- ☐ сложность использования ядерных материалов для производства и применения ядерного оружия.

Во-первых, международные инициативы и программы помощи, ведущую роль в которых сыграли США, в основном добились поставленной цели укрепления безопасности российского ядерного оружия и материалов. Программы, инициированные американской Национальной администрацией по ядерной безопасности (NNSA), Министерством энергетики и Министерством обороны, соглашения, подписанные американскими и российскими президентами, а также такие инициативы, как Мегатонны на мегаватты, значительно сократили вероятность утечки ядерных материалов путем укрепления безопасности хранения ядерного оружия и материалов на территории России и других бывших советских республик. К середине 2008 г. все необходимые меры безопасности были введены на 75% объектов на территории бывшего Советского Союза, где хранятся ядерные материалы, пригодные для оружейного использования¹¹. К июню 2009 г. этим программам удалось добиться практически полного успеха в укреплении мер безопасности на российских хранилищах ядерного оружия и материалов. В связи с этим бюджетный запрос по данным программам на 2010 фискальный год был сокращен. Ожидается, что в дальнейшем финансирование этих проектов будет плавно и неуклонно сокращаться по мере завершения всех запланированных работ на территории России¹². Кроме того, со времен окончания холодной войны в России уже существуют свои эффективные механизмы контроля за безопасностью ядерных материалов, однако американские эксперты часто недопонимают и недооценивают действенность таких механизмов.

Во-вторых, нет никаких оснований полагать, что на данный момент существуют стабильные и эффективные каналы по незаконному вывозу ядерных материалов из России. Нет указаний на то, что в данной области задействована российская организованная преступность. Большинство попыток вывоза ядерных материалов предпринимается непрофессионалами-одиночками, которые не имеют нужного опыта и особых шансов на успех¹³. Незаконная деятельность в данной области является весьма рискованной, а цена упущенных в результате этой деятельности возможностей в других областях очень высока. Поэтому профессиональные контрабандисты, судя по всему, не проявляют особого желания ввязываться в этот рискованный и неприбыльный бизнес.

В-третьих, особого спроса на такую контрабанду не наблюдается. Имеющаяся информация и выводы аналитиков показывают, что в мире существует лишь ограниченное количество государств, групп или отдельных лиц, которые готовы купить ядерное оружие или материалы – а каких-либо отработанных схем того, как эту готовность перевести в конкретные действия, практически не существует. Кроме того, значительную часть видимого спроса на самом деле создают засекреченные агенты полиции и спецслужб, которые изображают из себя покупателей с целью выйти на поставщиков. На данный момент не существует ни одного известного случая передачи ядерного оружия из рук в руки в обмен на деньги¹⁴. И хотя организация под руководством Кадыр Хана в 1970-х и 1980-х гг. передавала государствам, готовым за это платить, информацию, техноло-

гии и оборудование, необходимое для обогащения урана¹⁵, это совсем не то же самое, что покупка-продажа ядерной боеголовки. Таким бизнесом не занимался даже Кадыр Хан. Нередко утверждается, что подтвержденные МАГАТЭ случаи ядерной контрабанды представляют собой лишь вершину айсберга и что нам следует бояться неизвестного. Однако сбалансированный подход требует рассмотрения лишь существующих фактов и информации, чтобы избежать необоснованных и преувеличенных страхов.

В-четвертых, перед потенциальными ядерными террористами стоят серьезные препятствия на пути к производству оружия из ядерных материалов и его применению. Многие эксперты утверждают, что создать ядерное устройство несложно. Однако аргумент этот не слишком убедителен, учитывая, что потенциальные террористы смогут получить доступ к необходимым технологиям и оборудованию только при наличии у них государства-спонсора, которое готово помочь им в создании такого устройства. Вряд ли найдется государство, которому выгоды от сокрытия на своей территории террористов и оказания им помощи в создании атомной бомбы покажутся сопоставимыми с той ценой, которую международное сообщество заставит это государство заплатить после того, как бомба будет взорвана и станет известно ее происхождение. Однако прежде чем рассматривать подобные аргументы в деталях, следует провести краткий обзор технических аспектов создания ядерного оружия. Это поможет в понимании того, насколько реальна угроза утечки ядерного оружия и материалов из России, а также в целом угроза ядерного терроризма.

ТЕХНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Все ядерные устройства основаны на одном из двух процессов: ядерного расщепления и ядерного слияния. Наиболее часто используется процесс расщепления – именно в этом направлении обычно делают первые шаги государства или группы, желающие создать ядерное оружие. Устройство на основе этого процесса является более простым и требует менее развитой промышленной инфраструктуры¹⁶. Примером устройства на основе процесса ядерного слияния (синтеза) является термоядерная или водородная бомба. Поскольку производство таких устройств намного сложнее, на них мы в данном исследовании останавливаться не будем.

При производстве бомбы, использующей процесс расщепления ядра, прежде всего, следует определиться с типом используемого ядерного материала и конструкцией заряда. Оба этих решения будут определять дальнейшую стратегию террористической группы, которая желает создать ядерное устройство. Существуют значительные трудности в контрабанде определенных видов материалов, а также сложности производственных процессов, которые требуют доступа к промышленному оборудованию, ресурсам и технологиям. Известно два широко используемых конструктивных типа ядерного заряда – имплозивный и пушечный, а также два типа ядерного материала – плутоний и высокообогащенный уран (ВОУ). Имплозивный тип заряда более сложен. Он требует специального оборудования и сложных производственных процессов, которые считаются недоступными для негосударственных игроков. Пушечный механизм относительно прост и не требует в своем производстве применения настолько сложных технологий¹⁷. Этот тип заряда можно применять только в сочетании с ВОУ в качестве ядерного материала, при этом объем ВОУ должен быть не менее 50 кг, а степень очистки – не менее 90%¹⁸. Ниже будет показано, что это очень большие объемы по сравнению с масштабами известных случаев утечки ядерных материалов.

Вероятность использования плутония негосударственными игроками для производства ядерного оружия низка в связи с его высокой радиоактивностью и технологической сложностью создания устройства на его основе¹⁹. Более предпочтительным материалом для террористической группировки, желающей создать ядерное устройство, считается ВОУ, поскольку с ним намного легче работать. Он не представляет собой особой опасности, поскольку имеет низкую радиоактивность. Его можно брать голыми руками или перевозить в рюкзаке за спиной. Он не обнаруживается большинством детекторов радиации. Кроме того, ВОУ не имеет альтернатив при использовании в устройствах с технологически более простым пушечным методом детонации.

Объем ВОУ, необходимый для достижения критической массы при детонации, обратно пропорционален уровню его обогащения. Концентрация изотопов U-235 в оружейном ВОУ составляет более 90%. При таком уровне обогащения использование технологически более сложного имплозивного метода детонации позволяет обойтись всего лишь 25 кг ВОУ²⁰. В то же время при использовании урана 20-процентной степени обогащения для достижения критической массы понадобится около тонны материала. Соотношение между степенью обогащения и критической массой крайне важно для оценки опасности, которую представляет собой контрабандный ядерный материал, а также вероятности того, что на его основе может быть создано ядерное устройство²¹.

НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ

По информации из Базы данных по незаконному обороту ядерных материалов МАГАТЭ, в период с окончания холодной войны до начала 2008 г. было зарегистрировано более 1000 подтвержденных случаев контрабанды и других видов незаконного оборота ядерных и радиоактивных материалов²². Однако значительное большинство этих случаев либо оказались впоследствии ложной тревогой, либо не представляли особой опасности, поскольку объемы и качество попавших в незаконный оборот материалов были слишком низкими для использования в производстве ядерного оружия. По последним имеющимся данным МАГАТЭ, в период с 1993 по начало 2008 г. было зарегистрировано 1340 подтвержденных случаев незаконного оборота тех или иных ядерных материалов. Однако только в 18 из этих случаев контрабандным материалом был ВОУ или плутоний (см. Таблицу 1).

Таблица 1. Подтвержденные случаи незаконного оборота плутония и ВОУ в 1993–2007 гг.²³

Дата	Место	Материал	Описание инцидента
24 мая 1993 г.	Вильнюс, Литва	150 г ВОУ	В хранилище банка было обнаружено 4,4 т бериллия, из них 140 кг было загрязнено ВОУ
Март 1994 г.	Санкт-Петербург, Россия	2,972 кг ВОУ	Был арестован мужчина, у которого обнаружили ВОУ. Материал, который он ранее похитил с ядерного объекта, предназначался для незаконной продажи
10 мая 1994 г.	Тенген-Вихс, Германия	6,2 г плутония	В здании при полицейском обыске был обнаружен плутоний
13 июня 1994 г.	Ландшут, Германия	0,795 г ВОУ	Была арестована группа лиц, незаконно завладевшая ВОУ
25 июля 1994 г.	Мюнхен, Германия	0,24 г плутония	Было конфисковано небольшое количество смеси PuO_2-UO_2 . Инцидент был связан с последующей конфискацией более крупной партии в Мюнхенском аэропорту 10 августа 1994 г.
10 августа 1994	Аэропорт Мюнхена, Германия	363,4 г плутония	Конфискация смеси PuO_2-UO_2
14 декабря 1994 г.	Прага, Чехия	2,73 кг ВОУ	Полиция задержала партию предназначавшегося для незаконной продажи ВОУ
Июнь 1995 г.	Москва, Россия	1,7 кг ВОУ	Был арестован мужчина, у которого обнаружили ВОУ. Материал, который он ранее похитил с ядерного объекта, предназначался для незаконной продажи
6 июня 1995 г.	Прага, Чехия	0,415 г ВОУ	Полиция задержала образец ВОУ

Дата	Место	Материал	Описание инцидента
8 июня 1995 г.	Ческе Будеювице, Чехия	16,9 г ВОУ	Полиция задержала образец ВОУ
29 мая 1999 г.	Руссе, Болгария	10 г ВОУ	Таможенники задержали мужчину, пытавшегося контрабандой провезти партию ВОУ через таможенный пункт
Декабрь 2000 г.	Карлсруэ, Германия	0,001 г плутония	Смесь радиоактивных материалов, в которую входило мизерное количество плутония, была украдена с бывшего пилотного завода по переработке ядерных материалов
16 июля 2001 г.	Париж, Франция	0,5 г ВОУ	Арестовано трое человек, у которых при обыске был обнаружен ВОУ. Арестованные искали покупателя
26 июня 2003 г.	Садахло, Грузия	~170 г ВОУ	Арест при попытке незаконной перевозки ВОУ через границу
Март-апрель 2005 г.	Нью-Джерси, США	3,3 г ВОУ	Был случайно выброшен пакет, содержащий ВОУ
24 июня 2005 г.	Фукуи, Япония	0,0017 г ВОУ	На атомной электростанции был утерян детектор нейтронного потока
1 февраля 2006 г.	Тбилиси, Грузия	79,5 г ВОУ	Группа лиц была арестована при попытке незаконной продажи ВОУ
30 марта 2006 г.	Хеннигсдорф, Германия	47,5 г ВОУ	Властями обнаружены следы ВОУ на куске трубы, найденной среди металлолома на металлургическом заводе

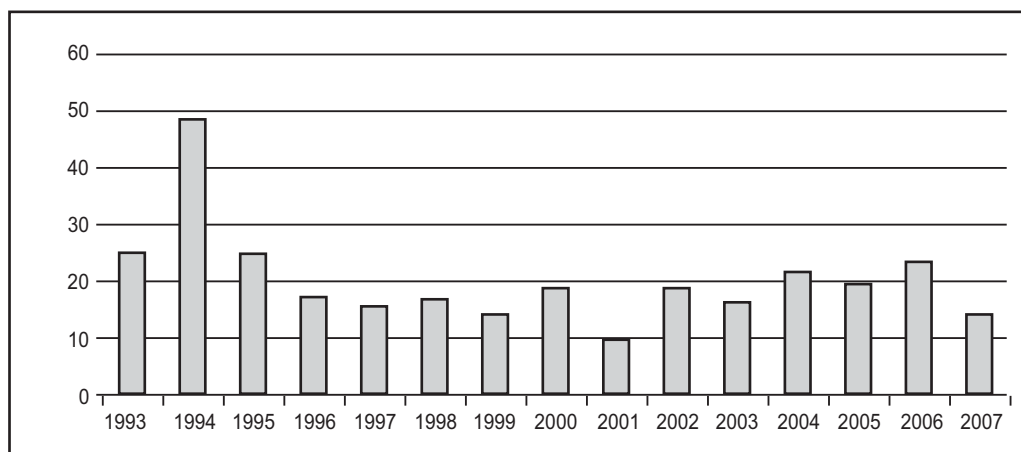

Из этих 18 случаев в двух произошла случайная потеря небольшого количества ядерного материала. Еще в одном случае на металлургическом заводе были обнаружены следы ВОУ на металлической трубе в металлоломе, то есть как таковых доказательств хищения материала и попадания его в незаконный оборот в данном случае не было. В результате остается 15 подтвержденных случаев незаконного оборота ядерных материалов в период с 1993 по начало 2008 г. в масштабах всего мира. В тех случаях, когда материалом являлся ВОУ, степень его обогащения неизвестна, поэтому трудно установить, подходит ли этот материал для создания ядерного оружия²⁴. Однако имеющейся информации достаточно, чтобы сделать следующий вывод: объем всего ядерного материала, который попал в незаконный оборот с 1993 г. в масштабах всего мира, намного меньше необходимого для создания хотя бы одной атомной бомбы. А из всех подтвержденных случаев незаконного оборота ядерных материалов лишь в 1,3% случаев похищенный материал входил в список необходимых для создания ядерного оружия.

Таким образом, становится очевидным, что объем ядерных материалов, незаконно вывезенных из России со времени окончания холодной войны, совсем не так уж велик. Более того, по последним доступным данным МАГАТЭ за период до 2007 г., после 1995 г. наблюдалось резкое сокращение общих объемов контрабанды таких материалов (см. *Рисунок 1*).

Учитывая огромное количество ядерного оружия и материалов на территории России после распада СССР, а также значительное внимание общественности к данному вопросу, стоит подробнее остановиться на различных объяснениях такой динамики. Как уже отмечалось, в данном исследовании предлагается четыре основных объяснения: усовершенствование системы безопасности и охраны ядерных материалов в России, отсутствие действующих каналов контрабанды ядерных материалов, недостаточный спрос, а также сложности производства и доставки ядерного оружия.

Рисунок 1. Инциденты, вошедшие в Базу данных по незаконному обороту МАГАТЭ, связанные с незаконным владением и другой преступной деятельностью в 1993–2007 гг.²⁵

УКРЕПЛЕНИЕ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ НА ЯДЕРНЫХ ОБЪЕКТАХ

Мнение о слабости системы защиты российских хранилищ ядерных материалов является причиной обеспокоенности среди американских экспертов и политиков в свете угрозы глобального ядерного терроризма²⁶. Подобная озабоченность, равно как и конкретные действия, направленные на устранение недостатков в данной области, вполне логичны. Именно в России сконцентрировано около 70% мировых запасов БОУ, а значит, она должна являться одной из основных точек приложения усилий по предотвращению распространения ядерного оружия и материалов²⁷.

Однако в настоящий момент подобные опасения становятся все менее обоснованными, поскольку мерам, принятым самой Россией и международным сообществом (в коих ведущую роль сыграли Соединенные Штаты), в целом удалось улучшить отчетность и уровень безопасности на российских ядерных объектах²⁸. Оценивать успех в таких сложных вопросах – дело непростое. В данной статье оценка успеха в укреплении безопасности ядерных объектов дается на основании того, насколько финансируемым программам в данной области удалось достичь первоначально поставленных задач. В частности, критерием успешности и эффективности программ по укреплению мер безопасности зданий, где хранятся ядерные боеголовки и материалы, является фактическое внедрение усиленных мер отчетности и безопасности на объектах в России и других бывших советских республиках, предусмотренных вышеуказанными программами. По программам, нацеленным на сокращение запасов ядерных боеголовок и материалов, критерием успеха является выполнение планов по уничтожению и утилизации. По программам, нацеленным на стабилизацию занятости специалистов-ядерщиков, критерием успеха является сочетание достигнутых целей программы и анализа улучшившейся экономической ситуации в России.

В данной статье не утверждается, что всем вышеперечисленным программам удалось добиться полной безопасности хранения ядерного оружия и материалов на российских объектах. В связи с огромным количеством самих объектов, трудностями получения и оценки количественных данных, а также ограниченностью доступа к информации и общей статистике по ядерной тематике такой вывод лежит за пределами рамок данного исследования. Однако в нашем исследовании утверждается, что вышеперечисленным программам и механизмам удалось добиться успеха, а значит, внести положительный вклад в укрепление безопасности российских ядерных объектов²⁹.

Меры, принятые после распада СССР в целях укрепления безопасности российского ядерного оружия и материалов, можно разделить на две широкие категории. В первую входят меры, предпринятые различными департаментами правительства Соединенных Штатов и другими международными партнерами совместно с российским правительством. Ко второй относятся меры, принятые российским правительством самостоятельно. Как будет показано ниже, вторая категория мер вызывает противоречия и не до конца понимается. Поэтому ее роль часто недооценивается американскими исследователями и политиками.

Соединенные Штаты являются основным спонсором программ, нацеленных на предотвращение ядерных утечек с российских хранилищ. Американское Министерство обороны сообщает, что по состоянию на конец 2007 г. им было потрачено около 5 млрд долл. на инициативы в данной области. К концу 2008 г. эта цифра превысила 6 млрд. Общий объем средств, необходимый для достижения целей программы до фискального 2013 года оценивается в 8137,5 млн долл.³⁰. ЕС, Япония и Канада являются партнерами Соединенных Штатов в деле предотвращения распространения российских ядерных материалов путем сокращения стратегических ядерных ресурсов, укрепления безопасности оставшихся запасов, снятия с вооружения ядерных подводных лодок и обеспечения занятости специалистов, ранее работавших с ядерным оружием, в других отраслях промышленности³¹.

Ключевые программы по России, спонсируемые США, можно разделить на три основные группы:

- ❑ программы по непосредственному укреплению безопасности ядерных материалов и оружия в странах бывшего СССР;
- ❑ программы, нацеленные на уничтожение и переработку ядерного оружия и материалов;
- ❑ программы обеспечения занятости специалистов-ядерщиков³².

За выполнение первой группы американских инициатив отвечают в основном NNSA и Министерство обороны. К ведению NNSA относятся программы в разделах «Материалы», «Защита», «Контроль» и «Учет» (МЗКУ). Именно на эти программы приходится самая большая доля бюджетного финансирования в данной группе³³. Министерство обороны отвечает в основном за программы, связанные с разделами «Безопасность хранилищ ядерного оружия» и «Безопасность перевозок ядерного оружия в России».

NNSA успешно обеспечила вывоз всего ядерного оружия из бывших советских республик, полностью консолидировав оружие из Казахстана, Беларуси и Украины в России. Поэтому основной задачей программ NNSA в настоящее время является обеспечение безопасности запасов ядерных материалов в самой России. Усилия в данном направлении также продвигаются вперед быстро и успешно³⁴. По состоянию на конец 2008 г. NNSA обеспечила введение всесторонних дополнительных мер безопасности на приблизительно 75% зданий на территории бывшего СССР, в которых хранятся годные к оружейному применению ядерные материалы. На этот показатель удалось выйти к середине 2008 г.³⁵. По существующим оценкам, программы МЗКУ в России близки к завершению, поэтому ожидается постепенное сокращение их бюджетного финансирования с 2010 фискального года³⁶.

Продвигаются вперед и инициативы по укреплению мер прозрачности американской и российской ядерной отрасли. Усилия здесь в основном направлены на усовершенствование мер учета и контроля над ядерными материалами. Меры учета материалов особенно важны для обнаружения хищений и могут сами по себе являться серьезным препятствием для тех, кто готов совершить хищение, только будучи уверенным, что оно останется незамеченным. На многих российских объектах на настоящий момент такие меры либо не введены должным образом, либо не всегда выполняются. К примеру, на многих объектах, где хранятся ядерные материалы, за прошедшее десятилетие не проводился ежегодный переучет имеющихся в наличии контейнеров. К числу других нарушений относится маркировка ядерного оружия и материалов восковыми печатями,

которые можно легко стереть. С целью усовершенствования механизмов учета NNSA совместно с российским правительством предприняла целую серию инициатив, направленных на обеспечение российских объектов оборудованием, необходимым для эффективного учета. Эти инициативы успешно продвигаются вперед в соответствии с планами³⁷.

Вторая группа спонсируемых США программ, относящаяся к разделу «Укрепление безопасности хранения ядерного оружия», преимущественно находится в ведении Министерства обороны. Так же, как и программам МЗКУ под руководством NNSA, этим программам удалось достичь значительных успехов в выполнении поставленных задач. Поскольку эти программы также вышли на финишную прямую, бюджетный запрос на их финансирование в 2010 фискальном году сократился по сравнению с предыдущим годом на 8 млн долл. и составил 15 млн. Более того, этот сокращенный бюджет будет израсходован в основном на обучение и тренинг. Еще одна программа в ведении Министерства обороны, «Безопасность перевозок ядерного оружия в России», нацелена на перевозку российских ядерных боеголовок либо в центральные хранилища с усиленными мерами безопасности, либо на предприятия по утилизации. Бюджет этой программы за последнее время вырос, что является признаком ее успеха. Данный факт свидетельствует о том, что Россия готова к сотрудничеству в сокращении своего арсенала ядерных боеголовок и усилении мер безопасности при хранении³⁸. Всем вышеперечисленным программам удалось значительно укрепить технологические возможности России в области мониторинга и безопасности, а значит, и снизить вероятность хищений ядерного оружия и материалов с последующим их применением террористами³⁹.

Еще одной сферой деятельности, которой занимается Министерство энергетики США, является укрепление культуры безопасности среди персонала ядерных объектов. Под культурой безопасности понимается в основном уровень компетенции и сознательности персонала⁴⁰. В отличие от хранилищ ядерного оружия, которые охраняются высокопрофессиональным военным персоналом, большинство мест хранения ядерных материалов, пригодных для создания оружия, находятся под охраной малооплачиваемых и плохо обученных солдат-призывников⁴¹. С целью повышения культуры безопасности и квалификации российского охранного персонала американское Министерство энергетики инициировало специальную пилотную программу на нескольких российских ядерных объектах. В рамках инициативы начали работу координаторы культуры безопасности, которые проводят тренинги и семинары для российского охранного персонала, а также снабжают его обучающими видеоматериалами. После проведения Братиславского саммита по ядерной безопасности в 2005 г. программа повышения культуры безопасности была расширена, и к ней присоединились еще несколько российских ядерных хранилищ⁴².

К инициативам второй категории спонсируемых США программ, нацеленных на уничтожение российского ядерного оружия и оружейных материалов, относится программа «Мегатонны на мегаватты», известная также как Соглашение о закупке ВОУ. В рамках данной инициативы Россия в 1993 г. начала конверсию оружейного ВОУ (общим объемом 500 т) в низкообогащенный уран (НОУ) для использования в качестве топлива для американских ядерных реакторов. В ходе процесса, называемого разубоживанием, степень обогащения урана снижается, что делает его непригодным для использования в ядерном оружии. Первая партия НОУ в рамках инициативы была передана США 31 мая 1995 г. С тех пор в общей сложности было передано 11 000 т НОУ, полученного разубоживанием 375 т ВОУ. Это составляет 75% того объема ВОУ (500 т), который подлежит переработке в рамках Соглашения⁴³. Такие результаты наглядно демонстрируют успешность инициативы. Дополнительным ее преимуществом для России является то, что часть полученных от продажи НОУ средств (общая сумма превышает 8,5 млрд долл.) направляется на финансирование национальных программ в области ядерной безопасности и переработки ядерных материалов⁴⁴.

Третья группа мер, инициированных Соединенными Штатами, направлена на обеспечение занятости ядерного персонала. Программы в этой области направлены на трудоустройство специалистов-ядерщиков в гражданских отраслях после их выхода на пенсию либо увольнения. Целью данной инициативы является недопущение ситуации, при

которой специалисты-ядерщики могут продать свои знания террористам или другим заинтересованным покупателям, которые позднее могут перепродать эти знания террористам. Спонсорами нескольких подобных программ выступили также ЕС и Япония⁴⁵. Существовавшие до недавних пор опасения того, что трудные финансовые обстоятельства могут подтолкнуть специалистов-ядерщиков к продаже своих знаний ради денег, сейчас кажутся все менее обоснованными. Рост российской экономики снизил этот риск до такой степени, что США недавно начали расширять программы в данной области, но уже в совсем другом географическом направлении. Теперь уже считается, что риск продажи ядерного ноу-хау террористам специалистами-ядерщиками гораздо более актуален для Ирака и Ливии⁴⁶. Более того, некоторые программы, в том числе Глобальная инициатива по предотвращению распространения, в последнее время подверглись критике за то, что запросили дополнительное финансирование: существует мнение, что в этих программах уже вообще нет необходимости ввиду улучшения экономической ситуации в России⁴⁷.

Ко второй широкой категории мер по укреплению безопасности российского ядерного оружия и материалов относятся шаги, предпринимаемые самим российским правительством. По мнению многих американских ученых и экспертов, российские инициативы в данной области недостаточны⁴⁸. Нам же представляется, что такая оценка базируется в основном на различиях в подходах американских и российских официальных лиц к вопросам оперативной деятельности, а также на различной оценке эффективности российских методов предотвращения хищений и контрабанды ядерных материалов. Мы полагаем, что отличия российских подходов от американских не делают их заведомо менее эффективными. Наблюдатели часто не учитывают тот факт, что и сама Россия очень обеспокоена перспективой ядерного терроризма на своей территории и что риск ядерного теракта в России весьма значителен, во многом ввиду интенсивного и затяжного конфликта в Чечне. Чеченские группы уже неоднократно демонстрировали свою жестокость и готовность приносить в жертву мирное население. В том, что эти группы заинтересованы в приобретении ядерных материалов, нет никаких сомнений⁴⁹. Поэтому нелогично утверждать, что сама Россия ничего не предпринимает, чтобы предотвратить такое развитие событий. Более того, попытки в данном направлении террористами уже предпринимались, но пока что их удавалось предотвратить⁵⁰.

С одной стороны, следует признать, что пока еще России есть над чем работать и что критика со стороны ядерных специалистов и политиков иногда вполне оправдана. Но, с другой стороны, важно признавать и положительные аспекты существующей российской системы безопасности ядерного оружия и материалов, которые будут описаны чуть ниже, и понимать значение их вклада в общий уровень безопасности российского ядерного комплекса.

Одной из основных претензий к российской системе хранения ядерного оружия и материалов со стороны западных специалистов является недостаток централизованного контроля над этой системой, серьезного внимания к данной тематике со стороны государства, а также финансовых инвестиций в безопасность ядерных объектов⁵¹. После распада СССР российское правительство проводило политику децентрализации и делегирования полномочий органам власти на местах. Это дало региональным администрациям и муниципальным органам более широкие полномочия в управлении российскими ядерными объектами. С 2000 г. бывший президент В.В. Путин обратил эту политику вспять и начал процесс рецентрализации, что привело к укреплению власти федерального правительства в регионах⁵². В настоящее время наследие относительной региональной автономии фактически приняло форму многоуровневой системы надзора и мониторинга, в которой на первом уровне находится сама администрация ядерного объекта, а на последующих – региональные и федеральные агентства по надзору. У этих различных уровней имеются одновременно и независимые, и частично дублирующие полномочия по надзору над ядерным комплексом, в результате чего юридическое разделение ответственности имеет вид матрешки⁵³.

Эта сложная система отношений между центром и регионами вызывает серьезную обеспокоенность в российском правительстве, поскольку для нее характерны недостаток координации и неразбериха в отношении того, кто на самом деле управляет ядерны-

ми объектами. Однако в некоторых аспектах такое дублирование полномочий скорее укрепляет контроль над ядерными объектами, чем ослабляет его. В некоторых регионах местные и федеральные органы власти наладили партнерство, разделяя между собой груз ответственности и экономические дивиденды⁵⁴. В частности, за последние годы российское правительство укрепило свой контроль над ядерными объектами через представителей ФСБ, которые ограничивают доступ к ранее закрытым ядерным городам и которые также усилили свое присутствие на ядерных объектах. По некоторой информации, представители ФСБ занимают должности заместителей директоров по безопасности на таких объектах. Эти сотрудники воспринимаются американскими экспертами как помеха на пути к осуществлению программ МЗКУ, поскольку они ограничивают доступ экспертов на ядерные объекты. Однако более плотный контроль со стороны ФСБ можно также воспринимать как позитивный фактор, поскольку с 1996 г. сотрудники службы внесли весомый вклад в предотвращение хищений ядерных материалов⁵⁵.

Сотрудничество между центром и регионами во многих отношениях все еще проблематично из-за нежелания региональных элит поступаться своей региональной автономией и политическим влиянием федеральному правительству. Однако в некоторых регионах это сотрудничество укрепляет безопасность ядерного оружия и материалов⁵⁶. Более того, по мнению эксперта в области нераспространения В.А. Орлова, «большинство проблем (связанных с ядерным регионализмом), существовавших в прошлом десятилетии, успешно разрешены, как своими силами, так и с использованием международной поддержки». Поэтому вопрос региональной автономии «определенно больше не является серьезным фактором»⁵⁷.

Кроме того, у региональных политических игроков есть серьезный стимул для эффективного мониторинга и контроля над ядерными объектами. Такие вопросы очень сильно влияют на популярность политиков среди местного электората. Ядерная безопасность является весьма волнующим вопросом для российского населения в связи с ее влиянием на здоровье местных жителей и окружающую среду. Хорошим примером внимания местных властей к данной проблематике являются действия бывшего губернатора Мурманской области Ю.А. Евдокимова, который привлек внимание федеральных властей к серьезным проблемам с финансированием утилизации ядерных подводных лодок в своем регионе, а также к недостаточному уровню безопасности этого процесса. Он тесно сотрудничал с федеральным правительством и давал ему полезные рекомендации относительно необходимых шагов⁵⁸. Региональные лидеры, очевидно, полагают, что успешное разрешение ядерных проблем в своей сфере ведения, по примеру Мурманской области, поможет им хорошо себя зарекомендовать в глазах высшего руководства и будет способствовать их дальнейшей карьере. Кроме того, если региональные и местные администрации демонстрируют инициативу и активность по ядерным вопросам, это увеличивает вероятность выделения средств из Москвы на различные программы на ядерных объектах в соответствующих регионах, а также на различные сопутствующие проекты, которые оценит местный электорат⁵⁹.

Еще одной положительной областью сотрудничества между федеральным правительством и регионами является новый характер отношений, который установился между военным и местным политическим руководством. Финансовые трудности в 1990-х гг. иногда приводили к тому, что федеральное правительство было не в состоянии вовремя выплачивать зарплаты военному персоналу на ядерных объектах. Поэтому уровень безопасности, обеспечиваемой военными частями, на многих ядерных хранилищах был недостаточен. В связи с серьезными финансовыми проблемами после 1990 г., которые отразились на российских военных, в нескольких регионах федеральное правительство достигло соглашений с местными властями о совместном финансировании военных частей. Благодаря такой политике удалось поднять уровень безопасности на ядерных хранилищах, охраняемых военным персоналом⁶⁰.

Выработанные региональными властями специфические механизмы преодоления существующих проблем, а также вышеописанные программы сотрудничества между центром и регионами, конечно, отличаются от американских подходов. Однако им, по-видимому, удалось внести существенный вклад в дело обеспечения безопасности российского

ядерного оружия и материалов. Поэтому роль этих механизмов следует учитывать при анализе общего уровня безопасности российского ядерного оружия и материалов.

Вторым источником трений и непонимания между западными и российскими экспертами является российский упор на оперативную работу по сбору информации, а не на технические методы мониторинга и обеспечения безопасности⁶¹. Когда американские эксперты и менеджеры программ приезжают в Россию и не находят там в больших количествах ни детекторов радиации, ни камер слежения, они тут же делают вывод о том, что российские меры безопасности недостаточны. Российская система безопасности включает в себя привычные ограждения, заборы и охранников у ворот ядерных объектов. Однако в остальном она полагается на широкую агентурную сеть, задача которой – отслеживать попытки хищений и продажи ядерного оружия и материалов с российских объектов⁶². Во многом это объясняется бессмысленностью применения в российских условиях высокотехнологичного детекторного оборудования, которое обнаруживает даже самые незначительные следы радиации. Уровень фоновой радиационной загрязненности в России очень высок, а детекторы радиации не в состоянии отличать ядерную контрабанду от обычного загрязнения, постоянно выдавая ложные сигналы. К примеру, такие детекторы постоянно срабатывают, если рядом посадить дерево, загрязненное низкоуровневой радиацией, или если у кого-то из сотрудников объекта в принесенной из дому еде находится кусок рыбы, пойманной в загрязненной радиацией местном озере⁶³. Поэтому, приезжая в Россию, американские специалисты часто обнаруживают, что высокотехнологичные детекторы радиации, за установку которых на российских объектах они заплатили, отключены персоналом объекта⁶⁴.

В местах расположения российских ядерных хранилищ уровень радиационной загрязненности деревьев, рыбы и других объектов постоянно приводит к срабатыванию детекторов радиации. А это, в свою очередь, дает возможность пронести партию ядерного материала под прикрытием безобидных фонащих объектов, таких как кусок рыбы. В результате высокотехнологичные детекторы оказываются неэффективными и лишь усыпляют бдительность охранников. В подобных ситуациях полагаться на высокие технологии в целях предотвращения хищений ядерных материалов становится просто бессмысленным. Еще одним недостатком детекторов радиации, которые в настоящее время устанавливаются в России, является их неспособность обнаружить ВОУ, если он хотя бы минимально экранирован⁶⁵.

Существует также мнение, что поскольку детекторы эти большие и установить их незаметно не представляется возможным, наблюдательный и находчивый контрабандист легко сможет их вовремя обнаружить и обойти с использованием альтернативных маршрутов⁶⁶.

В силу вышеуказанных причин одних лишь детекторов радиации недостаточно для охраны российских объектов. Поэтому российские методы могут оказаться полезным дополнительным инструментом в укреплении безопасности ядерных материалов. Американские эксперты эти методы часто не до конца понимают или просто не знают об их существовании, поэтому они нередко сомневаются в их эффективности. Конечно, нельзя с уверенностью утверждать, что данные методы сами по себе достаточны для обеспечения сохранности ядерных материалов в России. Однако факты (а скорее, их отсутствие) свидетельствуют о том, что российский подход продемонстрировал определенный уровень эффективности, поскольку до сих пор не произошло ни одного ядерного теракта ни в самой России, ни за ее пределами.

Следует также учесть, что со значительным улучшением экономической ситуации внутри России резко снизились опасения того, что российские ядерные специалисты могут не устоять перед соблазном похитить и продать партию ядерных материалов⁶⁷. Инфляцию, достигшую 2000% вскоре после окончания холодной войны, удалось обуздать, а за последнее десятилетие российская экономика показала серьезный рост благодаря увеличению поступлений от экспорта нефти. Удалось добиться значительного бюджетного профицита⁶⁸. К 2002 г. средняя месячная зарплата сотрудников на ядерных исследовательских объектах составила 209 долл., что значительно превышало уровень

средней российской зарплаты, который в том году достиг 146 долл. Более того, кроме увеличения среднего уровня зарплат, прекратились задержки с их выплатами⁶⁹.

Хорошим индикатором уровня уверенности российского правительства в эффективности оперативной модели обеспечения безопасности ядерных объектов является принятая в середине 2007 г. российская программа по укреплению радиационной и ядерной безопасности на 2008–2015 гг. Бюджет программы предусмотрен на уровне 5,8 млрд долл. По имеющейся информации бюджетные ассигнования на усиление охраны ядерных объектов в рамках программы весьма незначительны. Наибольшая часть бюджета программы будет направлена на дезактивацию и меры пассивной безопасности⁷⁰. Такое распределение финансовых ресурсов указывает на то, что Россия не видит срочной необходимости в усилении охраны своих ядерных объектов и бункеров. Следовательно, российское правительство не считает, что применяемый сейчас подход, то есть сочетание оперативной и технической разведки, не справляется с поставленными задачами и нуждается в срочном изменении.

Более того, как показывают факты, предотвратить попытки незаконного оборота ядерных материалов пока что удавалось в основном именно благодаря работе агентов и своевременной оперативной информации, а не благодаря детекторам радиации⁷¹. Из всех 18 зарегистрированных МАГАТЭ случаев обнаружения похищенного ВОУ или плутония только в одном фигурирует детектор радиации. Благодаря такому детектору была обнаружена партия ВОУ в Грузии в 2003 г. В остальных же 17 случаях успеха удалось добиться благодаря информации, полученной от соучастников хищения и случайных свидетелей, либо благодаря работе оперативников, изображавших из себя покупателей ядерного материала⁷².

ОТСУТСТВИЕ ДЕЙСТВУЮЩИХ МАРШРУТОВ КОНТРАБАНДЫ

В настоящее время не существует каких-либо четких данных, указывающих на существование работающего канала по переправке ядерного оружия или материалов из России в руки потенциальных покупателей. Во всех известных случаях контрабанды действующими лицами были непрофессионалы, которые либо пытались провести одиночные сделки, либо брали взятку в обмен на обеспечение несанкционированного доступа на ядерный объект. О каком-либо стабильном канале контрабанды речь не шла⁷³. Широко распространены предположения о том, что западные правительства просто не имеют информации о существующих каналах контрабанды. Однако с уверенностью можно сказать лишь одно: в подавляющем большинстве случаев незаконного оборота действующими лицами являются непрофессионалы, пытающиеся проверить одиночную и плохо организованную сделку. Кроме того, известно, что лишь в очень немногих подобных сделках (менее 2% от общего количества) фигурирует пригодный для создания оружия ядерный материал⁷⁴.

Существуют опасения по поводу участия российской организованной преступности в каналах по переправке ядерного оружия и материалов за пределы страны. Однако доказательств такого участия практически не имеется, как нет, скорее всего, и самого участия. Основная причина такого положения дел – экономическая неэффективность ядерного черного рынка. Он слишком рискован и не обещает гарантированных доходов⁷⁵. Российская ФСБ утверждает, что ядерная контрабанда не входит в сферу интересов ни одной из крупных преступных группировок. У организованной преступности есть другие, менее рискованные и более прибыльные источники доходов. «Какой смысл везти через несколько границ килограммы урана, на переработку и обогащение которого нужны годы, плюс еще несколько месяцев на поиск потенциального клиента, – считают российские аналитики. – Какой смысл этим заниматься, если можно просто вывозить из страны цветные металлы или зарабатывать миллионы на банковских манипуляциях и валютном рынке?»⁷⁶ Более того, организация каналов по контрабанде ядерных материалов вообще маловероятна хотя бы потому, что сама природа товара исключает наличие стабильного источника его поставок для контрабанды.

Созданию канала по контрабанде ядерных материалов мешают также и препятствия организационно-практического плана. Даже если отдельному лицу или организованной группе удастся похитить или купить где-нибудь в России партию ядерного материала, последующие шаги по вывозу этой партии за пределы страны крайне рискованны. Существуют три основных маршрута контрабанды различных товаров из России: через Европу, через Казахстан и через Кавказ и далее через Турцию⁷⁷.

В прошлом излюбленной целью потенциальных продавцов ядерных материалов была Европа. Однако сейчас положение дел изменилось в связи с наличием эффективных агентурных сетей, которые перехватывают большую долю контрабандных материалов до того, как владельцы успевают их продать⁷⁸.

Маловероятно, что такое полицейское государство, как Казахстан, будет благосклонно смотреть на попытки контрабандистов провезти через его границы ядерный материал – хотя бы потому, что после распада СССР Казахстан добровольно вернул все ядерное оружие в Россию. Более того, Астана уже наглядно продемонстрировала свою готовность к сотрудничеству в борьбе с распространением ядерных материалов. Свидетельством тому является наличие детекторов радиации, установленных Соединенными Штатами на границах Казахстана с Россией (а также с Турцией)⁷⁹. Кроме того, Казахстан участвует в программе по борьбе с распространением оружия массового поражения, стартовавшей в 2003 г. под эгидой Министерства обороны США. Программа нацелена на сокращение вероятности незаконного вывоза ядерного оружия и материалов из бывших советских республик. Бюджет программы на 2010 фискальный год был увеличен, и сообщается, что основная доля дополнительного финансирования – около 62,4 млн долл. – будет потрачена на программы по предотвращению распространения расщепляющихся и радиоактивных материалов в Казахстане⁸⁰.

Чтобы провезти контрабанду через Кавказ и далее Турцию, контрабандисту понадобится форс в три дня по сравнению с российскими правоохранителями, а также способность преодолеть весьма нелегкий рельеф местности⁸¹. Кроме того, маршрут через Турцию связан с высоким риском попасть в поле зрения местных властей. В тех областях, где правительство не контролирует национальную границу – например, некоторые участки турецко-российской границы – местные племенные лидеры контролируют весь регион и хорошо знают, кто и что через этот регион провозит. Поэтому идентифицировать и задержать ядерных контрабандистов в данных регионах намного легче: местное население сразу замечает подозрительных иностранцев. В частности, считается, что ни один человек не может пересечь южные границы России без ведома главы местного клана⁸². Даже если контрабандистам удастся успешно пересечь границу и попасть в Турцию, они рискуют попасть в поле зрения турецкой сельской полиции, которая контролирует приграничные районы. Так же, как и на территории России, турки создали целую сеть сбора информации в целях защиты местных деревень⁸³.

НЕДОСТАТОЧНЫЙ СПРОС

Одной из ключевых причин, по которой российские ядерные материалы не представляют серьезной угрозы в плане возможного ядерного теракта, является практически полное отсутствие спроса на эти материалы. Даже авторы книг, заявляющих об угрозе всему миру со стороны ядерных террористов, признают, что спроса на ядерное оружие и материалы практически не существует, как не существует, вероятно, и функционирующего рынка. Ренесслир Ли в своей провокационно названной книге «Smuggling Armageddon» («Контрабандный Армагеддон») пишет, что «рынок, на котором можно продать похищенные ядерные материалы, очень узок, мелок и недоступен для многих потенциальных продавцов»⁸⁴. Американский эксперт Грэм Аллисон, который много написал по данной тематике, утверждает в своей книге «Preventing Nuclear Anarchy» («Предотвращение ядерной анархии»), что доказательств существования спроса на похищенный или нелегально приобретенный ядерный материал практически нет, равно как и нет доказательств существования самого ядерного черного рынка⁸⁵. В статье, опубликованной в 2004 г., Аллисон писал, что по состоянию на 2004 г. не было «ни единой атомной бомбы или боеголовки из бывшего Советского Союза», которую бы «обнаружили в другой стра-

не или на международном черном рынке»⁸⁶. Этот факт подтверждают и многочисленные недавние публикации. В американском Брифинге по национальной безопасности и нераспространению за 2009 г. говорится, что «не существует убедительных доказательств того, что какой-либо террористической группе удалось заполучить ядерное оружие или материалы, необходимые для его изготовления»⁸⁷. В своей работе «Securing the Bomb» («Как обезопасить бомбу?») Мэттью Банн говорит о наличии признаков того, что высшее оперативное руководство *Аль-Каиды* слабо владеет информацией по ядерной тематике. «И Халид Шейх Мухаммед, и Абу Зубайда одно время считали, что уран, который на самом деле обладает слабой радиоактивностью, является подходящим материалом для грязной радиоактивной бомбы, – пишет Мэттью Банн. – Власти арестовали нескольких других оперативников *Аль-Каиды*, которые пытались раздобыть уран для грязной бомбы»⁸⁸. Эксперт делает вывод о том, что и *Аль-Каида*, и японская террористическая группа *Аум Синрике* столкнулись со значительными трудностями в своих попытках организовать ядерный теракт. Этот факт показывает, что получить атомную бомбу является сложной задачей даже для финансово мощных террористических группировок⁸⁹.

Современные террористические организации обладают, по крайней мере, в определенном ограниченном смысле, рациональным подходом к использованию различных средств в своих целях. Они не хотят преждевременно попасться в руки властей, пытаясь заполучить труднодоступные и хорошо охраняемые средства массового поражения, если для их задач не хуже подойдут и обычные вооружения. Похоже, что, исходя из подобных соображений, эти организации избегают ядерного черного рынка. С их точки зрения, риск обнаружения и ареста в данном случае крайне велик, а шансы заполучить достаточное количество ядерных материалов для создания эффективного ядерного оружия слишком малы, чтобы оправдать этот риск. Факты показывают, что террористы предпочитают использовать оружие (либо такие объекты, как самолеты, в качестве оружия), которое не отслеживается с особой тщательностью на международном уровне и на перехват которого не будут немедленно направлены усилия правоохранительных органов по всему миру. Правая рука Усамы бен Ладена Айман аль-Завахири так прокомментировал возможность использования оружия массового поражения: «Мы на него (ядерное оружие) обратили внимание только из-за постоянных его упоминаний нашими врагами, которые утверждают, что собрать такое оружие несложно и необходимые для этого материалы легко приобрести»⁹⁰. Эта цитата служит еще одним подтверждением аргумента о том, что существующий на сегодня спрос на ядерное оружие со стороны террористов крайне незначителен.

Кроме того, эксперты полагают, что цена ВОУ оружейной степени обогащения, скорее всего, будет слишком высока и большинство террористических организаций просто не будут в состоянии ее заплатить. В свою очередь, такие соображения заставляют даже те организации, которым эта цена была бы по карману (к примеру, *Аль-Каиду*), задуматься над тем, не лучше ли эти деньги потратить на другие цели, учитывая трудности, с которыми придется столкнуться на каждом этапе подготовки к ядерному теракту. Невозможно точно сказать, по какой именно цене ядерный материал может быть выставлен на продажу на черном рынке. Информации об уже прошедших сделках купли-продажи практически нет, поэтому и оценки строить не на чем. Однако по самым приблизительным прикидкам, относящимся к 1990-м гг., один килограмм ВОУ мог стоить на черном рынке от 16 тыс.⁹¹ до 60 млн долл.⁹². Комментарии, сделанные в 2004 г. бывшим командующим российских ракетных войск, генерал-полковником В.И. Есиным, подтверждают, что цена ядерного оружия и материалов на черном рынке должна быть очень высока. По словам В.И. Есина, ядерные устройства типа бомба в чемодане, весом около 152–155 кг, можно создать, однако такая бомба «будет настолько дорогой, что ни одно государство не сможет ее себе позволить»⁹³. В целом же, независимо от конкретной цены, текущее состояние дел на ядерном черном рынке показывает, что свои деньги террористы могут потратить с гораздо большей отдачей на другие цели. Большинство попыток продаж на этом рынке предпринимается непрофессионалами, и попытки эти плохо организованы, что является еще одним поводом усомниться в шансах подобных сделок на успех⁹⁴. Учитывая все вышеперечисленные аргументы, неудивительно, что террористы предпочитают использовать обычное оружие и взрывчатку, которые им хорошо знакомы. Ору-

жие массового поражения для них слишком дорого и сопряжено с большими рисками, а приобрести его очень трудно⁹⁵.

Кроме чисто экономических соображений, при которых затраты на приобретение ядерного оружия сопоставляются с вероятной отдачей, в исламском сообществе с недавних пор началось активное обсуждение моральной допустимости убийства мирных жителей. Эта тема обсуждается даже среди экстремистских исламских группировок. Один из отцов-основателей *Аль-Каиды*, автор двух книг, излагающих фундаментальные принципы этой организации, недавно выпустил новую книгу. В ней он утверждает, что ислам запрещает массовые убийства гражданских лиц⁹⁶. Книга вызвала оживленные дебаты среди предводителей *Аль-Каиды* относительно того, насколько оправдана жестокость их операций. И хотя по имеющейся информации это обсуждение пока не привело к каким-либо конкретным изменениям, оно само по себе является свидетельством наметившегося раскола в идеологическом фундаменте *Аль-Каиды*. Этот раскол может стать дополнительным препятствием для группировок, стремящихся к проведению ядерного теракта, поскольку такой теракт подвергнется осуждению по моральным соображениям со стороны все большего количества мусульман⁹⁷.

В свете такого анализа соотношения затрат на приобретение ядерного оружия и потенциальной отдачи, а также появившихся в последнее время идеологических разногласий в радикальной исламской среде возникает вопрос о том, насколько обоснованы опасения некоторых экспертов относительно высокой вероятности ядерного теракта⁹⁸.

СЛОЖНОСТЬ СОЗДАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ

У террористов есть три основных способа приобрести ядерное оружие: похитить уже готовое, купить его или создать самостоятельно, предварительно раздобыв необходимый ядерный материал. В исследовательских и политических кругах существует широкий консенсус относительно того, что первые два варианта в настоящее время крайне маловероятны и рассчитывать потенциальные ядерные террористы могут лишь на третий вариант⁹⁹. Существуют убедительные доводы в пользу того, что ни одна из существующих террористических группировок не в состоянии самостоятельно произвести оружейный ядерный материал на основе урана или плутония в связи с высокой сложностью производственного процесса¹⁰⁰. Следовательно, если террористы задались целью самостоятельно создать ядерное устройство, им сперва придется купить, похитить или получить от третьей стороны необходимый ядерный материал, а уж затем на его основе собрать устройство, в котором произойдет эффективная детонация этого материала. Именно такой сценарий ядерного теракта эксперты считают наиболее вероятным – однако и он сопряжен с серьезными трудностями.

Для начала следует отметить, что приобрести уже существующее ядерное устройство террористам будет крайне нелегко. И демократические правительства, и диктаторские режимы считают ядерное оружие своим ключевым национальным достоянием и принимают соответствующие меры по охране, мониторингу и учету этого оружия¹⁰¹. Учитывая текущую международную ситуацию и ту серьезность, с которой международное сообщество рассматривает проблему ядерного распространения, крайне маловероятно, что хоть одно государство пойдет на передачу либо продажу ядерного оружия террористам. Учитывая гарантированные последствия для страны, оказавшей подобную помощь террористам, трудно себе представить, что даже одно из государств-изгоев решится на такой шаг¹⁰².

Кроме того, даже если ядерное устройство будет похищено из российского хранилища, это устройство почти наверняка не будет находиться в рабочем состоянии. Российские ядерные боеголовки требуют тщательного техобслуживания каждые 68 лет. Устройство, вовремя не прошедшее такое обслуживание, будет неэффективным¹⁰³. Учитывая эту особенность, тот факт, что со времен распада СССР не произошло ни одного ядерного теракта, может иметь два объяснения: либо во время перевозки ядерного оружия из бывших советских республик не было украдено ни одного устройства, либо украденные устройства оказались нерабочими. Кроме того, российское ядерное оружие имеет

сложную электронную систему защиты, которая способна предотвратить любую попытку произвести детонацию каким-либо непредусмотренным способом¹⁰⁴.

С серьезными препятствиями столкнутся террористы и в том случае, если они пойдут по пути хищения ядерного материала и самостоятельной сборки ядерного устройства на его основе. Подобная задача окажется особенно сложной, если у террористической группировки нет государства-спонсора, которое бы смогло оказать помощь в этом процессе. Учитывая вышеприведенное краткое описание принципов создания ядерного оружия и различных его типов, группировке, желающей создать собственную атомную бомбу, понадобится огромное количество оборудования, высококвалифицированные инженеры, а также подходящее место для сборки устройства.

Считается, что в настоящее время ни одна террористическая организация, в том числе и *Аль-Каида*, не имеет необходимых для создания ядерного устройства интеллектуальных ресурсов¹⁰⁵. Японская группировка *Аум Синрикэ* в 1993 г. попыталась самостоятельно наладить обогащение урана в Австралии, однако в итоге потерпела неудачу и отказалась от этой инициативы в связи с непреодолимыми техническими трудностями самого процесса¹⁰⁶. Следовательно, террористам придется заручиться помощью иностранных ученых и специалистов, без которых не удастся наладить производственный процесс. А это создает серьезные риски для всей террористической организации. Привезти группу зарубежных специалистов и обеспечить ее проживание в стране, где базируются террористы, будет нелегко. Эту группу наверняка заметит местное население, особенно в условиях многих ближневосточных стран, где между жителями традиционного существуют прочные родственные и общинные связи¹⁰⁷. Поэтому риск обнаружения и ареста делает такую работу практически невозможной без явной или негласной санкции государства, на территории которого она происходит.

Крайне маловероятно, что хоть одно государство осмелится пойти на риск сотрудничества с террористами, работающими над созданием ядерного оружия, ввиду неизбежной последующей реакции международного сообщества¹⁰⁸. Возмездие, которое постигнет такое государство в случае успешного проведения ядерного теракта, перевесит все те материальные или идеологические дивиденды, которые может принести сотрудничество с ядерными террористами¹⁰⁹. В силу всех этих соображений шансы террористов на успешное создание ядерного устройства представляются весьма незначительными.

РЕКОМЕНДАЦИИ

Во-первых, в целях обеспечения безопасности российского ядерного оружия и материалов никогда не будет лишним дополнительное ужесточение надзора. Здесь пригодятся многие стандартные рекомендации по оптимизации политики в данной сфере: это и укрепление законности в России, и борьба с коррупцией, и укрепление центрального контроля, координации, системы учета и мониторинга в ядерной сфере, а также дальнейшее развитие оперативной сети, чья единственная задача – отслеживать незаконную деятельность в этой сфере в масштабах всей страны.

Во-вторых, американским экспертам стоит переместить центр своего внимания с российского ядерного оружия на потенциально более насущные проблемы безопасности, которым в настоящее время не уделяется достаточно внимания со стороны экспертного сообщества и государственного финансирования¹¹⁰. В ядерной сфере примером такой насущной проблемы, которая требует к себе более пристального внимания, является риск получения ядерного оружия или материалов террористами с помощью идеологически им симпатизирующих государств, таких как Пакистан, Иран, Ирак, Северная Корея или Ливия¹¹¹. Случай с организацией Кадыр Хана уже продемонстрировал всему миру готовность пакистанских ученых поделить ноу-хау с идеологически близкими государствами¹¹².

Европейский Союз в последние несколько лет уже начал работу в данном направлении, что подтвердил в своем письме автору данного исследования Ларс Гуннар Вигемарк, глава Отдела политики безопасности генерального директората Еврокомиссии по меж-

дународным отношениям. На просьбу оценить уровень риска того, что российское ядерное оружие или материалы будут использованы для совершения ядерного теракта, он заявил следующее:

«В последние годы основная угроза нераспространению исходила не из России или бывших советских республик, а из таких регионов, как Азия, Ближний Восток и Северная Африка. Вместе с нашими партнерами по Большой восьмерке, ЕС в настоящее время продумывает методы противодействия растущей угрозе распространения оружия массового уничтожения, исходящей из регионов помимо бывшего Советского Союза. Мы стараемся принимать во внимание эти новые угрозы при определении программ в рамках новой инициативы “Инструмент стабильности”»¹³.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данном исследовании была предпринята попытка провести подробный анализ связи между контрабандой российского ядерного оружия и материалов, с одной стороны, и угрозой ядерного терроризма, с другой.

Следует признать очевидные трудности измерения качественных характеристик, таких как уровень безопасности и угроз. Нелегко прийти к однозначным выводам, исследуя тематику, по которой имеется совсем немного открытой информации. В этой области часто приходится полагаться на факты из третьих рук. Несмотря на все эти ограничения, в данном исследовании доступная нам информация используется для систематического опровержения широко распространенного мнения о том, что контрабанда ядерного оружия и материалов из России является серьезной угрозой. Данная работа не ставит своей целью доказать, что возможность ядерного теракта с использованием контрабандных российских ядерных материалов можно полностью исключить. Не подлежит сомнению и то, что еще много можно сделать для укрепления безопасности российских ядерных объектов.

Основной вывод исследования заключается в следующем: нынешняя озабоченность Россией как потенциальным источником ядерного оружия и материалов, которые могут быть использованы для совершения ядерного теракта, явно преувеличена. Основными аргументами в пользу этого мнения являются укрепление системы охраны и безопасности российских ядерных материалов, достигнутое преимущественно с помощью США, а также благодаря улучшению ситуации в самой России; отсутствие действующих каналов контрабанды ядерных материалов; недостаточный спрос; а также сложности производства и применения ядерного оружия.

Нет никаких сомнений в чрезвычайной важности задачи предотвращения ядерного терроризма. Как заявил бывший президент США Джордж Буш-младший, для американцев «высшим приоритетом является предотвращение попадания оружия массового уничтожения в руки террористов». В своей пражской речи президент Барак Обама напомнил нам о серьезности данной проблемы, заявив, что «террористы стремятся купить, создать или похитить» атомную бомбу¹⁴. Однако в современных условиях экономического кризиса и сокращений финансирования глобально важных программ защита миллионов людей от угрозы ядерного терроризма требует более сбалансированной и реалистичной оценки потенциальных угроз, а также более эффективного распределения ресурсов, от которых зависит наша способность предотвратить ядерную катастрофу. 🐘

Примечания

¹ Автор выражает благодарность Джону Стрэнквисту (Кембридж, Великобритания) за помощь в подготовке исследования.

² Remarks by U.S. President Barack Obama, Hradcany Square, Prague, Czech Republic, 2009, April 5, http://www.whitehouse.gov/the_press_office/Remarks-By-President-Barack-Obama-In-Prague-As-Delivered/ (последнее посещение – 1 марта 2010 г.).

- ³ Ibid; Peace and Security Initiative 2009, National Security and Nonproliferation Briefing Book, November 2008, P. 29; Bunn Matthew. *Securing the Bomb*, Cambridge, MA and Washington, D.C.: Project on Managing the Atom, Harvard University, and Nuclear Threat Initiative, November 2008, P. 7–14; Frost Robin M. The Nuclear Black Market, *Adelphi Papers*, № 378, 2005, P. 11–24.
- ⁴ Bunn Matthew. *Securing the Bomb*, Cambridge, MA and Washington, D.C.: Project on Managing the Atom, Harvard University, and *Nuclear Threat Initiative*, November 2008, P. 7.
- ⁵ Allison Graham et al. *Avoiding Nuclear Anarchy: Containing the Threat of Loose Russian Nuclear Weapons and Fissile Material*, Cambridge: MIT Press, 1996, P. 6; Allison Graham. Nuclear Terrorism: How Serious a Threat to Russia? *Russia in Global Affairs Online Edition*, September/October 2004, http://belfercenter.ksg.harvard.edu/publication/660/nuclear_terrorism.html (последнее посещение – 1 марта 2010 г.); Peace and Security Initiative 2009, National Security and Nonproliferation Briefing Book, November 2008, P. 29.
- ⁶ Russia Profile. Introduction. *Nuclear Threat Initiative*, http://www.nti.org/e_research/profiles/Russia/index.html (последнее посещение – 1 марта 2010 г.).
- ⁷ Bunn Matthew. *Securing the Bomb*, P. 7, 48.
- ⁸ Russia Profile. Introduction. *Nuclear Threat Initiative*, http://www.nti.org/e_research/profiles/Russia/index.html (последнее посещение – 1 марта 2010 г.).
- ⁹ Bunn Matthew. *Securing the Bomb*, P. 23–28.
- ¹⁰ Ibid, P. 7; Rensselaer Lee. Reappraising Nuclear Security Strategy, *Policy Analysis* 571, June 14, 2006, CATO Institute, P. 1.
- ¹¹ Bunn Matthew, *Securing the Bomb*, P. 10.
- ¹² Newman Andrew, Bunn Matthew. *Funding for U.S. Efforts to Improve Controls Over Nuclear Weapons, Materials, and Expertise Overseas: A 2009 Update*, Cambridge, MA, and Washington, D.C.: Project on Managing the Atom, Harvard University, and *Nuclear Threat Initiative*, June 2009, P. 3–5.
- ¹³ IAEA Database on Illicit Trafficking, Fact Sheet Figures 2007, *International Atomic Energy Agency*, 2008, http://www.iaea.org/NewsCenter/Features/RadSources/PDF/fact_figures2007.pdf (последнее посещение – 1 марта 2010 г.); Bunn Matthew, *Securing the Bomb*, P. 23–24; Lee Rensselaer, Nuclear smuggling: Patterns and Responses, *Parameters*, 2003, P. 100–101; Lee Rensselaer, *Smuggling Armageddon: The Nuclear Blackmarket in the Former Soviet Union and Europe*, New York: St. Martin's Press, 1998, P. 15–19.
- ¹⁴ IAEA Database on Illicit Trafficking, Fact Sheet Figures 2007, *International Atomic Energy Agency*, 2008, http://www.iaea.org/NewsCenter/Features/RadSources/PDF/fact_figures2007.pdf (последнее посещение – 1 марта 2010 г.).
- ¹⁵ Corera Gordon. *Shopping for Bombs: Nuclear Proliferation, Global Insecurity and the Rise and Fall of the AQ Khan Network*, New York: Oxford University Press, 2007.
- ¹⁶ Allison Graham et al. *Avoiding Nuclear Anarchy*, Appendix B.
- ¹⁷ Ferguson Charles D. Preventing Catastrophic Nuclear Terrorism, *Council on Foreign Relations Special Report*, 2006, March 11, P. 7–8.
- ¹⁸ Ibid, P. 5.
- ¹⁹ Langewiesche William. *The Atomic Bazaar*, New York: Farrar, Straus and Giroux, 2007, P. 21–22.
- ²⁰ Ibid, P. 24.
- ²¹ Следует упомянуть и третий тип ядерного устройства, известный как радиологическое оружие (РО), или *грязная бомба*. Такое оружие иногда называют *ядерной бомбой для бедных*, потому что ее намного легче сконструировать, чем ядерное оружие. Такое устройство требует намного меньшего количества дорогого ядерного материала, но уровень технических знаний для его создания все равно нужен серьезный. Многие аналитики считают РО скорее оружием массовой паники, чем массового поражения, поскольку его применение может привести лишь к небольшому (либо вообще нулевому) количеству жертв, однако способно посеять панику и, возможно, массовую дезориентацию среди населения. Таким образом, данный тип устройств относится к отдельной категории оружия и не будет рассматриваться в данном исследовании.
- ²² IAEA Database on Illicit Trafficking, Fact Sheet Figures 2007.

²³ Ibid.

²⁴ IAEA. Incidents Involving HEU and Pu Confirmed to the ITDB, 1993 – 2006, http://www.iaea.org/NewsCenter/Focus/NuclearSecurity/pdf/heu-pu_1993-2006.pdf (последнее посещение – 1 марта 2010 г.).

²⁵ IAEA Database on Illicit Trafficking, Fact Sheet Figures 2007.

²⁶ Bunn Matthew. Securing the Bomb, P. 23–27; Allison Graham, Nuclear Terrorism: How Serious a Threat to Russia? *Russia in Global Affairs Online Edition*, September/October 2004, http://belfercenter.ksg.harvard.edu/publication/660/nuclear_terrorism.html (последнее посещение – 1 марта 2010 г.).

²⁷ Ferguson Charles D. Preventing Catastrophic Nuclear Terrorism, P. 14.

²⁸ Bunn Matthew. Securing the Bomb, P. 21; Ньюман и Банн, *Финансирование американских усилий*, 3–6.

²⁹ Более детальное обсуждение критериев успеха см.: Bunn Matthew. Securing the Bomb, Cambridge, MA and Washington, D.C.: Project on Managing the Atom, Harvard University, and *Nuclear Threat Initiative*, November 2008.

³⁰ Cooperative Threat Reduction, Annual Report to Congress Fiscal Year 2008, U.S. Department of Defense, 2008, December 31, P. 32; *Fiscal Year 2010 Budget Estimates*, Defense Threat Reduction Agency, U.S. Department of Defense, 2009, P. 471.

³¹ Protecting Against the Spread of Nuclear, Biological and Chemical Weapons, CSIS Report, Volume 4: Russian Perspectives and Priorities, *Nuclear Threat Initiative*, 2003, P. 3.

³² Newman Andrew, Bunn Matthew. Funding for U.S. Efforts to Improve Controls Over Nuclear Weapons, Materials, and Expertise Overseas: A 2009 Update. P. 3–13.

³³ Ibid, P. 3–4.

³⁴ Ibid, P. 3–5; Bunn Matthew. Securing the Bomb, P. 21–23.

³⁵ Bunn Matthew. Securing the Bomb, P. 10.

³⁶ Ibid, P. 21–23; Newman Andrew, Bunn Matthew. Funding for U.S. Efforts to Improve Controls Over Nuclear Weapons, Materials, and Expertise Overseas: A 2009 Update, P. 5.

³⁷ Bunn Matthew, Securing the Bomb, P. 31–32.

³⁸ Newman Andrew, Bunn Matthew. Funding for U.S. Efforts to Improve Controls Over Nuclear Weapons, Materials, and Expertise Overseas: A 2009 Update, P. 6.

³⁹ Ibid, P. 3–5; Allison et al. Avoiding Nuclear Anarchy, P. 14; Bunn Matthew. Securing the Bomb.

⁴⁰ По определению Натана Буша, культура безопасности состоит из трех основных компонентов: первое – насколько весь персонал знает и выполняет принятые нормы и процедуры; второе – использование имеющейся техники для охраны и обеспечения безопасности; и третье – эффективность внедрения правил и процедур безопасности. Поэтому приемлемый уровень культуры безопасности включает в себя: четко определенные стандарты, за выполнением которых строго следят; знание и использование сотрудниками имеющихся технических средств по обеспечению безопасности; и соблюдение правил и процедур персоналом. См.: Busch Nathan, Holmes E. and James R. *The Human Factor and the Problem of Nuclear Security in Russia, Perspectives on Political Science*, № 3, 2005, P. 154–161; Khripunov Igor et al. *Nuclear Security Culture: The Case of Russia*, Athens, GA: Center for International Trade and Security, 2004, P. 5–17.

⁴¹ Bunn Matthew. Securing the Bomb, P. 26–27; Allison Graham. Nuclear Terrorism: How Serious a Threat to Russia?

⁴² Bunn Matthew. Securing the Bomb, P. 31.

⁴³ Important Stage in Implementation of HEU Agreement, Another Shipment of Low Enriched Uranium Set sails to the USA within the Framework of the HEU Agreement, Press Center of Nuclear Energy and Industry, 2009, September 22, http://www.minatom.ru/en/news/17178_22.09.2009 (последнее посещение – 1 марта 2010 г.).

⁴⁴ Существует целый ряд программ, спонсируемых американским правительством, которые также нацелены на сокращение плутониевого ядерного материала и боеголовок в России. Однако в связи с низкой вероятностью использования плутония для подготовки ядерного теракта,

которая обоснована в данном исследовании в разделе «Технические аспекты», эти программы в данном разделе обсуждаться не будут. См.: Newman Andrew, Bunn Matthew, Funding for U.S. Efforts to Improve Controls Over Nuclear Weapons, Materials, and Expertise Overseas: A 2009 Update, P. 10–12. Более детальную информацию по юридическим аспектам переговоров между Россией и США по контролю над вооружениями см.: Woolf Amy F. Nuclear Arms Control: The U.S.-Russian Agenda, *CRS Issue Brief for Congress*, Washington, D.C.: The Library of Congress, 2006.

⁴⁵ ЕС является главным спонсором Международного научно-технического центра (ISTC) и сестринской организации STCU в Киеве. Спонсорами также выступают США и Япония. Оба центра занимаются в основном трудоустройством ученых и инженеров, работавших с оружием массового уничтожения. За последние 15 лет важная работа была также проделана и в других странах бывшего СССР, в том числе в Центральной Азии и на Кавказе. Ларс-Гуннар Вигемарк, глава Отдела политики безопасности генерального директората Еврокомиссии по международным отношениям, электронное письмо автору, 2008, 4 апреля.

⁴⁶ Newman Andrew, Bunn Matthew. Funding for U.S. Efforts to Improve Controls Over Nuclear Weapons, Materials, and Expertise Overseas: A 2009 Update, P. 8.

⁴⁷ Ibid, P. 9.

⁴⁸ Woolf Amy F., Nuclear Weapons in Russia: Safety, Security, and Control Issues. *CRS Issue Brief for Congress*, Washington D.C.: Library of Congress, 2003, P. 3–5; Bunn Matthew, Securing the Bomb, P. 27–32.

⁴⁹ Lee Rensselaer. Smuggling Armageddon: The Nuclear Blackmarket in the Former Soviet Union and Europe, P. 136; Allison Graham, Nuclear Terrorism: How Serious a Threat to Russia?

⁵⁰ Bunn Matthew. Securing the Bomb, P. 24.

⁵¹ Ibid, P. 27.

⁵² Evstafiev Dmitry, Orlov Vladimir. Center-Periphery Relations and Russian's Nuclear Infrastructure, Preventing Nuclear Meltdown: Managing Decentralization of Russian's Nuclear Complex, England: *Ashgate Publishing Company*, 2004, P. 21.

⁵³ Ibid, P. 21–22.

⁵⁴ Ibid, P. 35–36.

⁵⁵ Rensselaer Lee. Reappraising Nuclear Security Strategy, P. 3–4; Bukharin Oleg. The FSB and the U.S.-Russian Nuclear Security Partnership. *Nonproliferation Review*, Spring 2003, P. 137–146.

⁵⁶ Evstafiev Dmitry, Orlov Vladimir. Center-Periphery Relations and Russian's Nuclear Infrastructure. P. 35–36.

⁵⁷ Орлов В.А., президент ПИР-Центра, электронное письмо автору, 2008, 17 ноября.

⁵⁸ Evstafiev Dmitry, Orlov Vladimir. Center-Periphery Relations and Russian's Nuclear Infrastructure. P. 31.

⁵⁹ Ibid, P. 30.

⁶⁰ Jasinski Michael. The Military, the Regions, and Nuclear Weapons. Preventing Nuclear Meltdown: Managing Decentralization of Russia's Nuclear Complex. England, *Ashgate Publishing Company*, 2004, P. 88–90.

⁶¹ Langewiesche William. The Atomic Bazaar, P. 45.

⁶² Ibid, P. 45.

⁶³ Ibid, P. 45; Bukharin Oleg. The FSB and the U.S.-Russian Nuclear Security Partnership, P. 137–146.

⁶⁴ Bunn Matthew, Securing the Bomb, P. 30.

⁶⁵ Ibid, P. 14.

⁶⁶ Newman Andrew, Bunn Matthew. Funding for U.S. Efforts to Improve Controls over Nuclear Weapons, Materials, and Expertise Overseas: A 2009 Update, P. 7.

⁶⁷ Ibid, P. 8.

- 68 Allison Graham. Nuclear Terrorism: How Serious a Threat to Russia?; Bunn Matthew. Securing the Bomb, P. 137.
- 69 Rensselaer Lee. Reappraising Nuclear Security Strategy, P. 3.
- 70 Bunn Matthew. Securing the Bomb, P. 28.
- 71 Ibid, P. 14; IAEA Database on Illicit Trafficking, Fact Sheet Figures 2007.
- 72 Bunn Matthew. Securing the Bomb, P. 72
- 73 Ibid, P. 23–25; IAEA Database on Illicit Trafficking, Fact Sheet Figures 2007; Lee Rensselaer, Smuggling Armageddon: The Nuclear Blackmarket in the Former Soviet Union and Europe, P. 4; Zaitseva Lyudmila, Kevin Hand. Nuclear Smuggling Chains, *American Behavioral Scientist*, P. 46, № 6, February 2003, P. 822–844.
- 74 IAEA Database on Illicit Trafficking, Fact Sheet Figures 2007, <http://www.iaea.org/NewsCenter/News/2007/itdb.html> (последнее посещение – 1 марта 2010 г.).
- 75 Venter Al J. Allah's Bomb: The Islamic Quest for Nuclear Weapons, Guilford CT: *Lyons Press*, 2007, P. 20.
- 76 Ibid, P. 63.
- 77 Ibid, P. 73.
- 78 Lee Rensselaer. Smuggling Armageddon: The Nuclear Blackmarket in the Former Soviet Union and Europe, P. 73; Ларс-Гуннар Вигемарк, глава Отдела политики безопасности генерального директората Еврокомиссии по международным отношениям, электронное письмо автору, 2008, 4 апреля.
- 79 Langewiesche William. The Atomic Bazaar, P. 49–55.
- 80 Newman Andrew, Bunn Matthew. Funding for U.S. Efforts to Improve Controls Over Nuclear Weapons, Materials, and Expertise Overseas: A 2009 Update, P. 7.
- 81 Langewiesche William. The Atomic Bazaar, P. 50.
- 82 Ibid, P. 64.
- 83 Saban Kardas. Turkey Debates the Village Guard System. *Eurasia Daily Monitor*, № 90, 2009, [http://www.jamestown.org/single/?no_cache=1&tx_ttnews\[tt_news\]=34976](http://www.jamestown.org/single/?no_cache=1&tx_ttnews[tt_news]=34976) (последнее посещение – 1 марта 2010 г.).
- 84 Lee Rensselaer. Smuggling Armageddon: The Nuclear Blackmarket in the Former Soviet Union and Europe, P. 11.
- 85 Allison Graham et al. Avoiding Nuclear Anarchy, P. 13.
- 86 Allison Graham. Nuclear Terrorism: How Serious a Threat to Russia?
- 87 Peace and Security Initiative 2009, P. 29.
- 88 Bunn Matthew. Securing the Bomb, P. 12.
- 89 Ibid, P. 12; Ferguson Charles D. Preventing Catastrophic Nuclear Terrorism, P. 5.
- 90 Mueller John. Overblown: How Politicians and the Terrorism Industry Inflate National Security Threats, and Why We Believe Them, New York: *Free Press*, 2006, P. 25.
- 91 The Demand for Black Market Fissile Material. *Nuclear Threat Initiative*, www.nti.org/e_research/cnmv/threat/demand.asp (последнее посещение – 1 марта 2010 г.). Описаны попытки Ирака приобрести БОУ в Казахстане до 1994 г.
- 92 Lee Rensselaer. Smuggling Armageddon: The Nuclear Blackmarket in the Former Soviet Union and Europe, P. 43; IAEA Database on Illicit Trafficking, Fact Sheet Figures 2007.
- 93 Could Al Qaeda Have a Bomb, *Yezhenedlny Zhurnal*, March, 2004, P. 20–22; Allison Graham. Nuclear Terrorism: How Serious a Threat to Russia?
- 94 IAEA Database on Illicit Trafficking, Fact Sheet Figures 2007.
- 95 Mueller John. Overblown, P. 25; Bunn Matthew. Securing the Bomb, P. 12.
- 96 Bunn Matthew. Securing the Bomb, P. 13.

- ⁹⁷ Ibid, P. 13; Wright Lawrence. The Rebellion Within, *The New Yorker*, 2008, June 2, P. 37–53.
- ⁹⁸ По оценке Грэма Аллисона, сделанной в 2004 г., вероятность ядерного теракта в течение следующих 10 лет составляет более 50%. Мэттью Банн в 2006 г. оценил вероятность ядерного теракта в течение следующих 10 лет в 29%. См.: Bunn Matthew. Securing the Bomb, P. 14.
- ⁹⁹ Allison Graham. Nuclear Terrorism: How Serious a Threat to Russia?
- ¹⁰⁰ Peace and Security Initiative 2009, P. 29; Ferguson Charles D. Preventing Catastrophic Nuclear Terrorism, P. 5–6; Bunn Matthew. Securing the Bomb, P. 12.
- ¹⁰¹ Bunn Matthew, Securing the Bomb, P. 14.
- ¹⁰² Langewiesche William. The Atomic Bazaar, P. 65; Bunn Matthew, Securing the Bomb, P. 14.
- ¹⁰³ Ibid, P. 19.
- ¹⁰⁴ Ibid, P. 19.
- ¹⁰⁵ Mueller John. Overblown, P. 17; Peace and Security Initiative 2009, P. 29.
- ¹⁰⁶ Ferguson Charles D. Preventing Catastrophic Nuclear Terrorism, P. 5.
- ¹⁰⁷ Langewiesche William. The Atomic Bazaar, P. 69.
- ¹⁰⁸ Ibid, P. 20.
- ¹⁰⁹ Ibid, P. 65.
- ¹¹⁰ Mueller John. The Atomic Terrorist: Assessing the Likelihood, *Conference Paper*, Ohio State University, 2008, January 1, P. 143–157.
- ¹¹¹ Newman Andrew, Bunn Matthew. Funding for U.S. Efforts to Improve Controls over Nuclear Weapons, Materials, and Expertise Overseas: A 2009 Update, P. 8; Bunn Matthew. Securing the Bomb, P. 32–35.
- ¹¹² Mueller John. The Atomic Terrorist: Assessing the Likelihood, P. 143–147; Bunn Matthew. Securing the Bomb, P. 34–35.
- ¹¹³ Ларс-Гуннар Вигемарк, глава Отдела политики безопасности генерального директората Еврокомиссии по международным отношениям, электронное письмо автору, 2008, 4 апреля.
- ¹¹⁴ Allison Graham. How to Stop Nuclear Terror. *Foreign Affairs*, January/February, 2004; Remarks by U.S. President Barack Obama, Hradcany Square, Prague, Czech Republic, 2009, April 5, http://www.whitehouse.gov/the_press_office/Remarks-By-President-Barack-Obama-In-Prague-As-Delivered/ (последнее посещение – 1 марта 2010 г.).

Надежда Арбатова

ЗАМОРОЖЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Кавказский кризис августа 2008 г. поставил отношения России и Запада на грань новой холодной войны. Россия и США оказались *на волоске* от прямой военной конфронтации в Черном море. Однако именно этот кризис вновь привлек международное внимание к инициативе президента Д.А. Медведева о необходимости создания новой архитектуры безопасности в Европе на основе юридически обязывающего договора. После окончания холодной войны и устранения угрозы глобального конфликта Европа стала одним из самых стабильных регионов в мире.

Сегодня всеми признается, что традиционное восприятие безопасности, которое осталось нам в наследство от холодной войны, безусловно, утратило свое значение. Угрозой европейской безопасности являются не противостояние военных блоков и стран, не вероятность войны между ними, не гонка вооружений, а распространение оружия массового уничтожения (ОМУ), международный терроризм, открытые и латентные конфликты.

Становление новых независимых государств после распада бывшей Югославии и СССР породило множество новых проблем. Одной из них является сепаратизм национальных меньшинств, достаточно многочисленных для того, чтобы рассчитывать на собственную государственность, что может стать причиной вооруженных конфликтов¹.

Существующие *замороженные конфликты* – в Нагорном Карабахе, Приднестровье и до Кавказского кризиса в Абхазии и Южной Осетии традиционно воспринимались на Западе как часть российской политики в СНГ, направленной на сохранение контроля над этим пространством. Реальная картина гораздо сложнее. *Замороженные конфликты* имеют, по крайней мере, три измерения – внутреннее, российское/СНГ и международное, которые находятся в тесной диалектической взаимосвязи.

ВНУТРЕННЕЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЗАМОРОЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ НА ПРОСТРАНСТВЕ СНГ

Внутреннее измерение *замороженных конфликтов* тесно переплетено с их истоками. Внешние игроки не могли бы *вбивать клинья* между сторонами, вовлеченными в эти конфликты, если бы для раздора между ними не было оснований. С распадом бывшего СССР начался рост этнического насилия в тех бывших советских республиках, где этнические, религиозные и территориальные проблемы существовали еще до прихода советской власти.

Вражда между мусульманами-азербайджанцами и христианами-армянами в Нагорном Карабахе длилась столетиями. Однако современная фаза конфликта в этом регионе началась в 1988 г. после сообщений о создании армянского движения по освобождению Нагорного Карабаха от азербайджанцев. Декларация отделения от Азербайджана, про-

З
И
Л
А
Н
А

возглашенная в феврале 1988 г., стала конечным итогом давнего неприятия армянским населением Нагорного Карабаха политики серьезных ограничений культурной и религиозной свободы, практикуемой центральными властями СССР и Азербайджана. Более важной причиной стал территориальный конфликт из-за земли.

Полномасштабные боевые действия разгорелись в конце зимы 1992 г. и привели к серьезному кровопролитию и разрушениям. К концу войны, в 1994 г. армяне полностью контролировали не только анклав, но также и около 9% азербайджанской территории за его пределами. Эти земли контролируются ими и сейчас. Соглашение о прекращении огня, достигнутое при посредничестве российской стороны, было подписано в мае 1994 г.; тогда же был начат – и продолжается до сих пор – процесс мирных переговоров между Арменией и Азербайджаном при посредничестве Минской группы ОБСЕ².

В Грузии дезинтеграционные процессы, которые происходили на территории всего бывшего СССР, обострили конфликты и в Южной Осетии и Абхазии, пробуждая националистические настроения и привлекая на свет прошлые обиды всех сторон-участниц этих конфликтов. Лозунг «Грузия – для грузин» президента Звиада Гамсахурдия послужил катализатором сепаратистских настроений у осетин и абхазов. Политическое руководство автономного региона Южная Осетия стремилось повысить статус региона путем его воссоединения с Северо-Осетинской автономной республикой, входившей в состав Российской Федерации. В качестве контрмеры Тбилиси, как в свое время это сделал и Слободан Милошевич в отношении Косово, в 1990 г. упразднил статус автономии Южной Осетии, поскольку грузинские националисты не считали осетин коренным народом.

В Абхазии была другая ситуация. Абхазы имели право на сохранение своего политического статуса, будучи коренным народом, при условии значительного расширения прав грузин, составлявших большинство населения Абхазии к 1990 г. вследствие сталинской политики *переселения народов* и миграционных тенденций в более позднее время. Грузины оспаривали политические привилегии абхазской титульной нации, составлявшей всего 18% населения. Лидеры абхазского национального движения отказались признать полномочия грузинского политического руководства в Тбилиси и еще до распада СССР стали предпринимать попытки повысить статус Абхазии с автономной до союзной республики.

После развала СССР они потребовали предоставления ей равного с Грузией статуса в рамках свободной федерации. Эскалация напряженности в спорах вокруг политического статуса вылилась в войну 1992–1993 гг., в которой грузинские войска, состоявшие в основном из полувоенных формирований, вмешались в политический конфликт между двумя основными национальностями Абхазии. Открытая стадия конфликта завершилась победой абхазских войск, воевавших при поддержке националистических движений с Северного Кавказа и российских военных.

Под мандатом СНГ на линии прекращения огня между противоборствующими сторонами в 1994 г. были размещены миротворческие силы. ООН направила в зону конфликта военных наблюдателей и осуществляла посредничество между двумя сторонами при координирующей роли России, однако переговоры по вопросу политического статуса не привели к каким-либо существенным результатам. Оставалась нерешенной проблема с возвращением грузинских беженцев. Спонтанные стычки между грузинскими партизанами и абхазским ополчением привели к возобновлению боевых действий и вызвали новую волну беженцев из региона, пополнивших ряды внутренне перемещенных лиц³.

В отличие от Южной Осетии, Абхазия не стремилась войти в состав Российской Федерации. Августовский конфликт 2008 г., начатый руководством Михаила Саакашвили под предлогом восстановления конституционного порядка на территории Грузии, привел к провозглашению независимости Южной Осетии и Абхазии при поддержке России. Как это ни парадоксально, именно президент Михаил Саакашвили претворил в жизнь лозунг «Грузия – для грузин».

Растущие на фоне дезинтеграционного процесса в СССР национальные устремления Молдавии, конец коммунистического правления в соседней Румынии в декабре 1989 г., быстрый процесс сближения между двумя государствами, включая частичное откры-

тие границы между ними 6 мая 1990 г., заставили многих в Приднестровье поверить в скорую возможность союза между Кишиневом и Бухарестом с перспективой оказаться в составе Румынии. Русскоговорящее население опасалось, что оно больше не сможет требовать возвращения русскому языку статуса официального. Во время войны по обе стороны конфликта широко было распространено мнение о том, что в ближайшем будущем Молдавия, скорее всего, воссоединится с Румынией, что приведет к отчуждению русского населения. Эти опасения привели к созданию в 1990 г. Приднестровской молдавской советской социалистической республики (ПМССР).

Она была провозглашена просоветскими сепаратистами, надеявшимися сохранить Приднестровье в составе СССР после того, как стало ясно, что Молдавия получит от него независимость. ПМССР никогда не была признана властями СССР ни в Москве, ни в Кишиневе. В 1991 г. Приднестровская молдавская советская социалистическая республика сменила название на Приднестровскую молдавскую республику. Война в Приднестровье представляла собой ряд вооруженных столкновений ограниченного масштаба, в которых принимали участие Республиканская гвардия ПМР, ополчение и казацкие формирования, поддерживаемые российской 14-й армией, с одной стороны, и молдавская полиция/военные, с другой.

Эти стычки начались еще в ноябре 1990 г. – в Дубоссарах, обострились на волне местных инцидентов, произошедших 1 марта 1992 г., после принятия только что получившей независимость Молдавии в ООН, и перемежались временными перемириями. Столкновения продолжались на протяжении всей весны – начала лета 1992 г., вплоть до заключения соглашения о прекращении огня (в том же году, 21 июля), которое действует до сих пор⁴. Хотя на начальном этапе конфликта этнический фактор играл определенную роль, из всех *замороженных конфликтов* проблема Приднестровья имеет, главным образом, политический характер.

Несмотря на экономическую, политическую, культурную и этническую специфику *замороженных конфликтов*, а также их различия в плане геополитического положения, все они имеют определенные общие существенные черты. Среди этих черт – горечь поражения доминирующей титульной этнической группы в конфликте с сепаратистами в результате вмешательства внешней силы, фактор беженцев (за исключением Приднестровья), потеря территориальной целостности, а также тот факт, что на смену коммунизму в новых независимых государствах пришел национализм. Исключение в начале 1990-х гг. составляла только Россия, где коммунистический строй был повержен революционными демократами, тогда как российские националисты выступали за возрождение советской империи.

Национализм титульных наций стал основной движущей силой в формировании государственности в этих странах, подавляя самосознание национальных меньшинств и принимая различные формы от украинизации российских фамилий в Крыму до прямого военного насилия, как это было в Грузии, Молдавии, Азербайджане. Практически сразу национализм в бывших республиках СССР приобрел явную антироссийскую направленность. Националистические силы в новых независимых государствах (ННГ) перенесли на российское руководство всю ответственность за произвол бывшей советской власти на том основании, что реальные механизмы управления СССР и РСФСР были слиты воедино. Россия стала естественным объектом всевозможных комплексов, подозрений, негативных оценок и эмоций (неважно, обоснованных или нет), с одной стороны, и амбиций, ожиданий, претензий, нередко эгоистичных и заведомо неправомερных, – с другой⁵.

РОССИЙСКИЙ ФАКТОР В ЗАМОРОЖЕННЫХ КОНФЛИКТАХ

Российский аспект *замороженных конфликтов* представляет собой результат сложного и противоречивого взаимодействия следующих факторов – внутреннего развития России, ее политики по отношению к соседним государствам (которые еще недавно были составными частями высокоинтегрированной тоталитарной империи) и ее отношений с Западом в переходный период от коммунизма к новому государственному устройству.

Последний элемент играет ключевую роль в определении международного измерения *замороженных конфликтов*, выходящего далеко за рамки самого процесса разрешения конфликтов.

После *коллапса СССР* Россия столкнулась с необходимостью сформулировать новую стратегию в отношении зоны ее жизненных интересов – СНГ. Однако российская политика в отношении государств СНГ на всем протяжении 1990-х гг. определялась дихотомией руководства России, которое не могло решить главную дилемму в *ближнем зарубежье*. Обращаться ли с ними как с совершенно независимыми иностранными государствами, например, назначая цены на уровне мировых за поставки энергоносителей? Сохранять особые отношения с помощью признания определенного статуса российских военных и гражданских лиц за рубежом, использования промышленных и военных объектов, сохранения единой системы обороны, вмешательства в случае внутренних конфликтов на территории этих государств, защиты бывших советских границ и т.д.? Дилемма России осложнялась тем, что, с одной стороны, Россия не могла игнорировать проблемы на пространстве СНГ, с другой стороны, ее силы и ресурсы для их решения резко сузились.

Сейчас на Западе повсеместно распространено мнение, что политика *ельцинской России* была гораздо более демократичной и либеральной, чем во времена президента В.В. Путина. Однако большинство проблем, относящихся к сфере напряженных отношений Москвы со странами ГУАМ, коренится в 1990-х гг. Сам факт того, что организация ГУАМ (первоначально ГУУАМ⁶) была создана в 1996 г., является наилучшим свидетельством этой мысли. Тон политике ельцинского руководства в отношении стран СНГ задавал *неоимперский идеализм*, парадоксальным образом совпадавший с восприятием российских коммунистов, веривших в искреннее стремление бывших советских наций к воссоединению (вопреки воле своих элит) и возрождению былого имперского величия.

Собрание СНГ под эгидой России и необходимость решения конкретных проблем побудили ее руководство к установлению *особых отношений* с государствами СНГ. В конечном счете, это свелось к тому, что Россия стала играть роль *донора* для новых независимых государств в обмен на их политическую лояльность. Подобная политика заставляла Россию занимать более жесткую позицию по вопросу отношений с Украиной и другими республиками, оказывая на них давление при решении вызывающих разногласия вопросов территориального, этнического, экономического и военного характера. Таким образом, ГУУАМ является результатом этой непродуманной и деспотичной политики.

Кроме того, сильнейший урон российским национальным интересам, включая сферу отношений с государствами СНГ и внутреннее эволюционное развитие страны, нанесла война в Чечне. Не сумев трансформировать СНГ из института, призванного обеспечить *цивилизованный развод*, в интегрирующую организацию с *гибкой геометрией*, Россия пыталась использовать уязвимые места государств СНГ, на территории которых оставались неразрешенные конфликты, для того, чтобы сохранить свои позиции в так называемом *ближнем зарубежье*.

Оглядываясь назад, следует признать, что политика Москвы, как в отношениях с Украиной и Молдавией, так и в Закавказском регионе в первой половине 1990-х гг., когда, собственно, закладывались отношения между новыми независимыми государствами, вышедшими из СССР, была недальновидной и контрпродуктивной. Особенно наглядно просчеты ельцинско-козыревского курса проявились в отношении Грузии, которая по определению являлась для России приоритетным партнером в Кавказском регионе.

Политика Москвы оказалась здесь еще более неудачной, нежели ее отношения с Украиной и другими государствами СНГ. Благодаря поддержке, оказываемой Россией абхазским сепаратистам, и как результат разгоревшейся в это же время гражданской войны, Грузия оказалась на грани полного развала и дезинтеграции национального государства. Грузинский президент Эдуард Шеварднадзе был вынужден поддержать идею вступления Грузии в СНГ и обратился к России с просьбой о вводе российских войск, благодаря чему его главный соперник внутри страны, Звиад Гамсахурдия, потерпел поражение, а на абхазском фронте удалось добиться статус-кво.

В результате непродуманной политики Москвы в отношении Грузии среди широких масс населения и политической элиты, а также в грузинском парламенте начали расти антироссийские настроения, и Тбилиси стал предпринимать попытки дистанцироваться от России. Грузия стала быстро сближаться с Турцией и Азербайджаном и задумываться над идеей присоединения к НАТО. Впоследствии состояние Грузии как *жертвы* поддержанного Москвой сепаратизма и проблема беженцев из двух анклавов помогли прийти к власти радикальному националисту Михаилу Саакашвили с его антироссийской политикой и курсом на вступление в НАТО. Это, в свою очередь, лишило Россию стимула способствовать мирному урегулированию проблем непризнанных республик.

Иными словами, в 1990-е гг. Россия сделала немало ошибок в своей политике на постсоветском пространстве, пытаясь превратить его в зону своего доминирования путем неприкрытого поощрения сепаратизма в соседних странах, через поддержку лояльных, но репрессивных режимов, путем навязывания оставшегося со времен СССР военного присутствия и применяя грубый шантаж поставками энергоресурсов. «Причем за редкими исключениями вся эта политика не имела конкретных целей, кроме возрождения хоть какой-то коалиции стран-сателлитов для повышения мирового престижа и самоутверждения России. Запад, противодействуя проектам и структурам СНГ, не превращал это в *камень преткновения* в отношениях с Россией, поскольку остальная внешняя и внутренняя политика Москвы его вполне устраивала»⁷. Представляется, что главная проблема российского руководства в отношениях со странами СНГ состояла в том, что Россия, находящаяся в процессе посткоммунистической трансформации, не могла служить для этих стран привлекательной моделью социально-экономического и политического развития. Она пыталась решить вопрос сохранения своих позиций на постсоветском пространстве традиционным методом *кнута и пряника*.

В последнее десятилетие политика Москвы в отношении СНГ сместилась в прагматичную плоскость. Отходя от эфемерных имперских прожектов, Москва поставила во главу отношений с соседями транзит энергетического экспорта в Европу, скупку перспективных предприятий и инфраструктур, инвестиции в разведку и добычу природных ресурсов, сохранение действительно важных военных баз и объектов, сотрудничество в борьбе с новыми трансграничными угрозами и взаимодействие по гуманитарным вопросам. Москва примирилась с тем, что путем создания ГУАМ отдельные государства постсоветского пространства активно пытались выйти из сферы ее влияния.

Политика России в СНГ в последние десятилетия, несмотря на ее более *реалистичный тон*, не может быть оправдана и поддержана по каждому из ее аспектов. Встревоженный антироссийским *привкусом оранжевых революций*, Кремль сделал несколько серьезных ошибок (например, поздравления с победой в президентских выборах 2004 г., направленные В.В. Путиным В.Ф. Януковичу до официального объявления их результатов; эксцессы огульной антигрузинской кампании осени 2006 г.). Конфликты с Украиной, Грузией и Белоруссией из-за цен на энергоресурсы и транзитных тарифов вызвали и продолжают вызывать в адрес России обвинения в том, что она практикует политику *энергетического империализма и шантажа*. Не оправдывая нередко ультимативную форму российских требований, следует признать, что переход на мировые цены на энергоресурсы представляет собой отказ от бывшей имперской политики экономических льгот в обмен на лояльность в политическом или военно-стратегическом плане. Это было подтверждено в равной степени прагматическим подходом Москвы к соседям, столь разным, как Украина, Грузия, Армения и Белоруссия⁸.

Что касается *замороженных конфликтов*, то в большинстве случаев политика России в последние десятилетия была сфокусирована в первую очередь на предотвращении силового варианта разрешения конфликтов в соседних странах. Сегодня после кризиса вокруг Южной Осетии стало очевидно, что было бы лучше, если бы Россия более активно работала над обеспечением мирного разрешения этих *замороженных* конфликтов. В отсутствие взаимовыгодных решений, приемлемых для всех сторон, вовлеченных в конфликты, эта политика, безусловно, не являлась наилучшим вариантом. Вероятно, это негласно признается и грузинским руководством, и многими западными политиками.

Российские войска были размещены в качестве миротворческих контингентов в рамках мандата СНГ в Абхазии, Южной Осетии и Приднестровье при вынужденном согласии грузинского и молдавского руководства, что являлось постоянным источником напряженности в отношениях с соседними странами и Западом. Однако эти миротворческие силы были введены для предотвращения возобновления насилия тогда, когда никто на Западе не желал наводить порядок на постсоветском пространстве. Только после того, как это пространство было относительно стабилизировано, Запад стал проявлять недовольство и нетерпение по поводу присутствия российских миротворцев в Грузии и Молдавии.

Кавказский кризис явился катализатором новых процессов в СНГ. С одной стороны, Россия четко провела *красную линию*, показав США и НАТО, что ее неприятие расширения альянса на страны СНГ не является *пустыми словами*. С другой стороны, обращает на себя внимание и то, что в ходе военной кампании и в вопросе признания независимости Южной Осетии и Абхазии Россия практически оказалась в одиночестве. Ни один из ее союзников и партнеров по ОДКБ, ЕвразЭС, ШОС не занял четкой позиции по юго-осетинскому конфликту, не оказал морально-политической поддержки ее действиям. Казахстанский лидер Нурсултан Назарбаев суммировал опасения российских партнеров по СНГ: «Содружество не имеет никаких рычагов и механизмов для вмешательства в такие конфликты, как Южная Осетия. А когда что-то случается, то говорят: а почему страны СНГ молчат? Принцип территориальной целостности любого государства признан всемирным сообществом. Мы – все государства СНГ – выступаем против сепаратизма, и подобные сложные межнациональные вопросы должны решаться мирным, переговорным путем. Военного решения таких конфликтов не существует»⁹.

Несомненно, этот факт будет иметь последствия как для СНГ в целом, так и для отношений России со странами СНГ. «Перед всеми странами – соседями России теперь встает дилемма – как обеспечивать свою безопасность. Собственно, здесь есть всего два варианта – искать гарантии вовне, то есть, прежде всего, у США, либо искать какого-то нового взаимодействия с Россией, которое сделает ее дружественной страной»¹⁰. Последний вариант будет зависеть от того, какие уроки вынесла Россия из югоосетинского кризиса. Умение создавать коллективные позиции в рамках международного сотрудничества является залогом успешной политики любого крупного государства. После Кавказского кризиса Россия предприняла ряд попыток по укреплению СНГ и в рамках саммитов Содружества, и в формате ОДКБ. В немалой степени относительноному сплочению СНГ помог и мировой экономический и финансовый кризис, который несколько укрепил роль России в качестве *главного менеджера* Содружества.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ АСПЕКТ

Международный аспект замороженных конфликтов выходит далеко за рамки международного участия в процессе разрешения конфликтов. Отношения России со странами СНГ, на территории которых остаются неразрешенные конфликты, являются составным элементом значительно более широкой среды безопасности. Планы Запада по созданию новой системы безопасности на основе НАТО и Евросоюза, членом которых Россия не является, балканский опыт и перспективы расширения НАТО на пространство СНГ неизбежно усиливали и продолжают усиливать великодержавные настроения в российской политической элите. В России усиливаются опасения относительно западной стратегии *выдавливания* Москвы из сферы ее жизненных интересов – СНГ. Формально Кавказский кризис 2008 г. был вызван локальными событиями, но в основе его глубинных причин лежала политика неуклонного расширения НАТО на восток вопреки позиции России.

После того как проблема советского ядерного наследия была решена, Запад стал воспринимать дезинтеграционные процессы на территории СНГ в качестве ключевого условия демократизации этих стран и гарантии того, что на постсоветском пространстве никогда не возродится СССР – в какой бы то ни было форме. Этот подход был столь же ошибочен, как и *собираение* СНГ Россией в 1990-х гг. без четко сформулированных интересов и целей для каждого конкретного случая. Более того, поддержка Западом *оран-*

жевых революций ради идей демократии приобрела явно антироссийский характер, что вызывало неприятие России. Прозападные лидеры в Украине и Грузии исходили из того, что их антироссийская риторика является неременным условием для быстрого вхождения в западные институты.

Надуманная и ложная дилемма *Запад или Россия?* в отношении пространства СНГ препятствовала и продолжает препятствовать международному сотрудничеству в сфере урегулирования замороженных конфликтов. С одной стороны, участие России является крайне важным для процесса разрешения конфликтов, хотя часто его рассматривают не как элемент решения, а как часть самой проблемы. С другой стороны, Запад опасается того, что вклад России в разрешение *замороженных проблем* усилит ее позиции в странах СНГ. Например, это было одной из причин (как это воспринимается в России) негативной реакции на *План Козака* по урегулированию Приднестровского конфликта. Составленный в 2003 г. тогдашним первым заместителем главы президентской администрации Дмитрием Козаком, этот план был отвергнут в Молдавии с подачи США, Европейского Союза и других международных акторов. Молдавия отклонила *План Козака* за несколько часов до его планируемого подписания в результате давления со стороны западных приверженцев жесткой линии. За исключением Нагорного Карабаха, где Запад, так же как Россия, занимает равноудаленную позицию, во всех остальных конфликтах он оказывал однозначную поддержку Грузии и Молдавии и противодействовал России.

Международный контекст в отношении замороженных конфликтов в СНГ ухудшался с каждым повторным обсуждением проблемы статуса Косово. Россия пыталась предотвратить поспешное решение по статусу Косово, заявляя о том, что косовский прецедент *даст зеленый свет* сепаратистским движениям и вызовет цепную реакцию в этом регионе, на постсоветском пространстве и в Европе – от Испании до Великобритании. Одностороннее провозглашение независимости Косово 17 февраля 2008 г., поддержанное США и ведущими европейскими странами против воли Сербии и в нарушение норм международного права, создало риск эскалации *замороженных конфликтов* и возникновения новой напряженности между Россией и Западом.

Аргументируя позицию России о признании независимости Южной Осетии и Абхазии, Д.А. Медведев назвал это решение трудным: «Этот шаг не был предпринят с легкостью, без всестороннего анализа возможных последствий. Игнорируя предостережения России, западные страны поспешили признать незаконное провозглашение независимости Косово от Сербии. Мы постоянно уверяли, что после этого станет невозможно говорить абхазам и осетинам (а также десяткам других этносов по всему миру), что им не подходит то, что подходит косовским албанцам. В международных отношениях нельзя иметь одно правило для некоторых и другое – для других»¹¹.

Представляется, что главная угроза для стабильности Европы в условиях сохраняющихся латентных конфликтов – соперничество между Россией и Западом на постсоветском пространстве. Как отмечал министр иностранных дел РФ С.В. Лавров, мы не можем согласиться, когда исторически обусловленные взаимные привилегированные отношения между государствами на пространстве бывшего Советского Союза пытаются выдать за некую сферу влияния. Если принять такую логику, то под это определение попадают Европейская политика соседства, Восточное партнерство и многие другие проекты Евросоюза, не говоря уже о проектах НАТО, решения по которым принимаются без участия России, без участия стран, на которые они распространяются¹².

КАВКАЗСКИЙ КРИЗИС КАК ОТРАЖЕНИЕ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Кризис вокруг Южной Осетии явился воплощением проблем, существовавших во всех трех измерениях, описанных выше. Отсутствие разумной реинтеграционной стратегии у грузинского руководства в отношении Абхазии и Южной Осетии, попытка решить сложнейшие проблемы через членство в НАТО привели к размораживанию конфликтов на территории Грузии. Москва неоднократно посылала сигналы Вашингтону и Брюсселю относительно того, что расширение НАТО на Грузию и Украину при отсутствии ясной по-

литики альянса по отношению к России чревато новой конфронтацией. Никто на Западе не принял всерьез этих предупреждений, исходя из того, что Россия уже *проглотила* расширение НАТО на страны ЦВЕ, *проглотит* и это.

Кроме того, Кавказский кризис отразил три фундаментальных противоречия постбиполярной эпохи:

- ❑ противоречие между принципом территориальной целостности и правом наций на самоопределение,
- ❑ противоречие между правом наций на суверенитет и на невмешательство внешних сил в их внутренние дела и правом наций на *гуманитарную интервенцию*,
- ❑ противоречие между правом наций свободно выбирать организации для обеспечения своей безопасности и правом наций противостоять расширению военных союзов, если оно воспринимается как угроза их национальной безопасности.

Кавказский кризис наглядно показал, что ни одна из существующих организаций безопасности, призванных разрешать такие конфликты, не оказалась способной эффективно выполнить свои обязанности. Совет Безопасности ООН не смог быстро и конструктивно отреагировать на разгоравшийся конфликт, погрязнув в *бесплодных дискуссиях*. НАТО под давлением США однозначно заняла сторону Грузии в конфликте. ОБСЕ – ключевой участник процесса урегулирования *замороженных конфликтов* – оказалась *парализованной*. Европейский Союз, строго говоря, не являющийся организацией безопасности и не имеющий своего, отдельного от НАТО, пространства безопасности, оказался единственным международным партнером России, который по собственной инициативе взял на себя трудную посредническую миссию в конфликте. Однако и ЕС допустил серьезную ошибку, когда уступил президенту Михаилу Саакашвили шестой пункт мирного плана, согласованного с Москвой, о международных переговорах по статусу Южной Осетии и Абхазии, заменив его пунктом о международных переговорах по региональной безопасности. В итоге то, что было *возможным*, стало *неизбежным*.

Угроза большого конфликта вокруг Украины, который мог бы стать началом нового противостояния в Европе, *реанимировала* дискуссию на Западе вокруг инициативы Д.А. Медведева о необходимости создания новой архитектуры безопасности в Европе на основе юридически обязывающего договора. Заметное влияние на подходы стран Европы к обсуждению вопросов европейской безопасности оказал и газовый кризис в отношениях между Россией и Украиной в январе 2009 г. Инициатива президента Д.А. Медведева, выдвинутая в Берлине в июне 2008 г., воплотилась в проект Договора о европейской безопасности в ноябре 2009 г.

Многие на Западе критически отнеслись и к самой идее, восприняв ее как пропагандистскую инициативу в духе миролюбивых предложений СССР, и к самому проекту Договора, увидев в нем попытку России *вбить клин* между Европой и США. В действительности предложение Д.А. Медведева является обращением ко всем государствам евроатлантического региона сделать то, что они должны были сделать после окончания холодной войны, когда взамен биполярной системы безопасности не было создано ничего нового.

НОВАЯ СИСТЕМА ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАК ПУТЬ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ КОНФЛИКТОВ

Представленный Москвой проект Договора о европейской безопасности – попытка разрешить самое главное для России противоречие о расширении НАТО на пространство СНГ. Несмотря на критику со стороны Запада относительно попыток Москвы установить *droit de regard* в отношении НАТО, проект Договора налагает равные обязательства на его участников, то есть каждое из положений Договора применимо и к России. Кроме того, само название *проект Договора* предполагает активное участие сторон в его обсуждении, выдвижении альтернативных предложений и подходов.

Тем не менее, следует признать, что, несмотря на то, что расширение НАТО вопреки позиции России напрямую связано с будущим *замороженных конфликтов*, проект Договора не говорит ничего о других противоречиях постбиполярной эпохи.

Сохраняют ли свое значение *десять заповедей* Хельсинкского заключительного акта, установившего основные принципы диалога и сотрудничества в Европе? Изменилась ли приоритетность этих принципов сегодня? Если принцип территориальной целостности государств сохраняет прежнее значение и сегодня, то как быть с независимостью Косово, Южной Осетии и Абхазии? Являются ли они исключением из правила, своего рода порождением *смутного времени*, предшествовавшего новым договоренностям? Имеет ли право на отделение самопровозглашенная Приднестровская республика в случае *аншлюса* Молдавии Румынией? Эти и многие другие вопросы предполагают детальный анализ хельсинкских принципов на основе как действующего международного права, так и принятия новых правовых норм там, где это потребуется. Избирательное применение хельсинкских принципов, их интерпретация в зависимости от соображений политической целесообразности сторон чреваты лишь новыми конфликтами.

Немаловажным является и вопрос о самой архитектуре европейской безопасности, без которой Договор просто *повиснет в воздухе*. Глава российского МИД, С.В. Лавров, неоднократно подчеркивал, что Россия не предлагает создавать какие-либо новые организации, а также отменять или ликвидировать какие-либо из существующих организаций. С этой позицией согласен и Запад. Как же построить новую архитектуру, не меняя самих институтов?

В связи с этим наиболее оптимальным представляется функциональное перераспределение ролей между существующими институтами в соответствии с основными направлениями европейской безопасности – экономической и энергетической безопасностью, внешней безопасностью, безопасностью внутри европейского региона, международно-правовыми и гуманитарными аспектами безопасности.

Очевидно, что ООН останется глобальной зонтичной организацией международной безопасности. Что же касается непосредственно европейской безопасности, то те функции, которые традиционно выполняла ОБСЕ в сфере экономического и военного сотрудничества, должны быть перераспределены между другими институтами, которые давно взяли на себя выполнение этих задач. В ведении ОБСЕ могут и должны остаться международно-правовые и гуманитарные вопросы безопасности при партнерской роли Совета Европы. Площадка ОБСЕ может оставаться форумом для обсуждения наиболее важных проблем европейской безопасности.

Основой экономической, но, прежде всего, энергетической безопасности в Европе должно являться сотрудничество между ЕС, Россией, Украиной, другими странами СНГ и Турцией. Партнерскую роль на этом направлении, несомненно, может и должно играть Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС). Интересам укрепления энергетической безопасности в евроатлантическом регионе способствовало бы принятие единой энергетической хартии, учитывающей интересы стран-производителей, потребителей и транзитных государств, а также создание единой энергетической системы, исключающей конфликты в этой сфере.

Такая система юридически и институционально должна быть выстроена на долгосрочной основе, общих правилах обмена активами и общих нормах суда и арбитража. Только такая единая *кровеносная система* положит конец трубопроводным конфликтам и нецелесообразному расходованию финансовых и иных ресурсов.

Внешняя безопасность Европы, в первую очередь, противодействие нераспространению оружия массового уничтожения (ОМУ) и международному терроризму, должна обеспечиваться через сотрудничество США/НАТО и России (в рамках Совета Россия–НАТО). При этом к данному сотрудничеству должна привлекаться Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) для решения проблем безопасности в Центральной Азии, необходимо участие Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) при урегулировании конфликтных ситуаций на Дальнем Востоке. Этого невозможно достичь без

радикальных изменений в отношениях между Россией и НАТО, признания ОДКБ руководством НАТО и выработки новой совместной стратегии безопасности.

Безопасность в рамках европейского региона, прежде всего, предупреждение и урегулирование конфликтов в большой Европе, а также борьба с экстремизмом, могли бы быть обеспечены через сотрудничество ЕС в рамках Европейской политики безопасности и обороны (ЕПБО), России и тяготеющих к ЕС постсоветских государств. В этих целях необходимо формирование общего корпуса быстрого реагирования для выполнения миротворческих задач и принуждения к миру. Наряду с этим должны быть созданы новые международные механизмы мониторинга, арбитража и посредничества.

Представленная модель новой архитектуры европейской безопасности предполагает тесное взаимодействие всех государств евроатлантического региона, отказ от концепций *сфер влияния* и *соперничества* на постсоветском пространстве. Сегодня эта модель выглядит слишком идеалистичной. Даже в России, которая является инициатором крупномасштабного проекта, нет широкого консенсуса по обсуждаемым вопросам европейской безопасности, не говоря уже о странах ЕС и НАТО. Тем не менее, только последовательное создание твердой правовой базы в отношениях России со странами ЕС и НАТО, адекватной требованиям сегодняшнего времени, является необходимой предпосылкой для взаимодействия важнейших партнеров евроатлантического региона в решении насущных проблем европейской безопасности, в первую очередь конфликтов, остающихся в Европе.

Примечания

- ¹ The Balkan Survey. The Economist. 14 January 1998. P. 5.
- ² Страны СНГ. Русские и русскоязычные в новом зарубежье. Информационно-аналитический бюллетень. 2007. № 181, декабрь. С. 17.
- ³ The roots of the conflict. *Conciliation Resources*. 1999. www.c-r.org/our-work/accord/georgia-abkhazia/conflict-roots.php (последнее посещение – 12 июля 2010 г.).
- ⁴ Edward Ozhiganov. The Republic of Moldova: Transdniester and the 14 th Army. Managing Conflicts in the Former Soviet Union (Alexei Arbatov, Abram Chayes, Antonia Handler Chayes and Lara Olson, ed.). Cambridge, 1997. P. 164–189.
- ⁵ Косолапов Николай. Становление субъекта российской внешней политики. – *Pro et Contra*. 2001. Т. 6, № 1–2.
- ⁶ Группа ГУУАМ (Грузия, Украина, Узбекистан, Азербайджан и Молдавия) была официально создана в качестве политического, экономического и стратегического союза, ставящего целью укрепление независимости и суверенитета входящих в ее состав бывших республик СССР.
- ⁷ Арбатов Алексей. Москва–Мюнхен: новые контуры российской внутренней и внешней политики. *Рабочие материалы. Московский Центр Карнеги*. 2007. № 3. С. 13.
- ⁸ Арбатов Алексей. Цит. соч. С. 18.
- ⁹ Власов Алексей. Конец многовекторности. *Россия в глобальной политике*. 2008. Т. 6, № 5, сентябрь–октябрь. С. 106.
- ¹⁰ Результаты войны в Южной Осетии могут изменить всю конфигурацию отношений России с Западом. *ИА REGNUM*. 2008, 22 августа. <http://www.regnum.ru/news/1045270.html> (последнее посещение – 12 июля 2010 г.).
- ¹¹ Медведев рассказал, почему признал независимость Южной Осетии и Абхазии. *Газета по-киевски*. 2008, 27 августа. http://mycityua.com/russia_vs_west/2008/08/27/110052.html (последнее посещение – 12 июля 2010 г.).
- ¹² Внешняя политика России и новое качество геополитической ситуации. *Лента ПМР*. 2008, 15 декабря. <http://www.tiras.ru/v-mire/5685-lavrov-vneshnjaja-politika-rossii-i.html> (последнее посещение – 12 июля 2010 г.).

Дмитрий Данилов

ДОГОВОР О ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ТРЕУГОЛЬНИКА ЕС–США–НАТО

Без малого год назад, мир широко и торжественно праздновал 20-летнюю годовщину падения Берлинской стены, разделявшей не только Германию, но и Европу. Но стала ли Европа единой и безопасной после окончания холодной войны? Несмотря на то, что все страны европейской системы безопасности провозглашают это главной целью, несмотря на созданные институты сотрудничества, Европа продолжает оставаться весьма разобщенной. Одна из ключевых проблем заключается в сохраняющемся разделении *политической Европы* – на расширяющееся евроатлантическое пространство и *другую Европу*, от западных границ России. Россия, отстаивая свои важнейшие интересы безопасности, по-прежнему сталкивается с *корпоративным кодексом* и непониманием Запада.

Запад, формируя собственную *зону стабильности*, по-прежнему видит в европейской политике России *имперские мотивы* и силовое давление, а более чем явные проявления этого – в военном конфликте с Грузией. На смену военной конфронтации пришло своего рода военное сосуществование России и Запада. Оно, как показала война в Грузии, отнюдь не исключает военно-политических конфликтов на континенте. Солидарность, проявленная Западом в отношении *маленькой Грузии*, якобы испытавшей на себе неадекватную мощь российской военной машины, заставила задуматься о вероятности сценариев новой конфронтации. Михаил Саакашвили *делал ставку* отнюдь не на свою военную силу, а на поддержку Запада, прежде всего США, и играл на российско-западных разногласиях.

ПОСЛЕДСТВИЯ КАВКАЗСКОГО КРИЗИСА И ИДЕЯ ДЕБ

События на Кавказе действительно стали ударом по системе европейской безопасности, но в западных странах в это вкладывают совсем иной смысл, чем в России. Запад обвинил как раз Россию в сломе сложившихся отношений и нарушении главных правил. *Неприемлемые и непропорциональные действия* – самые мягкие оценки в адрес Москвы, прозвучавшие из Европы. Вашингтон был куда менее сдержан и прямо обвинил Россию в Кавказском кризисе. Хотя на деле практически все понимали, кто начал войну. Но на Западе об этом *красноречиво молчали*, поскольку за произошедшими кардинальными изменениями в зонах конфликтов в Грузии отчетливо проявились меняющиеся геополитические очертания огромной России. Не западная критика, а такая реакция, построенная на аксиоме *во всем виновата Россия*, стала оскорбительной не только для Кремля, но и для большинства россиян, и, конечно, для осетин с абхазами. Лишь через год ситуация стала меняться, когда доклад международной комиссии во главе с Хайди Тальявини подтвердил, что первоначальный военный ответ России на нападение Грузии на российских миротворцев в Южной Осетии был оправдан, хотя последующие действия российских войск и признаны чрезмерными.

И на Западе, и в России понимают, что события на Кавказе заставляют рассматривать положение дел в европейской системе безопасности в категориях *до* и *после*. Дело в том, что европейская система безопасности *до* Москву не устраивала, о чем российское руководство постоянно говорило западным партнерам. Россия продолжала протестовать против политики расширения НАТО, против поддержки самопровозглашенной независимости Косово, против планов размещения американской ПРО в Европе, заявляя, что Запад вплотную подошел к *красной черте* в отношениях с Москвой. Вспомним хотя бы громкие *мюнхенские*, в феврале 2007 г., *призывы* В.В. Путина к *честному диалогу*, которые на Западе называли неправильными и провокационными, а кандидат в президенты США Джон Маккейн охарактеризовал как самую агрессивную речь российского лидера с момента окончания холодной войны.

Иными словами, предметный диалог с учетом российских озабоченностей *до Грузии* явно не получался. А после «оккупации Россией части Грузии и признания независимости двух сепаратистских образований», констатирует европейская пресса, «внезапно вновь возник вопрос: является ли Россия по-прежнему партнером Запада или она снова стала его врагом?»¹. Поэтому если Запад после грузинских событий сожалеет о крушении сложившейся системы безопасности, о том, что *нельзя дважды войти в одну воду*, Москва, наоборот, с еще большей убежденностью говорит, так дальше жить нельзя. Конфликт в Грузии видится из России как новый рубеж, за которым необходим поиск новых ответов на вызовы безопасности. Дилемма остается прежней, но становится предельно острой. Или мы строим единую Европу безопасности и сотрудничества – или скатываемся к новому *изданию* холодной войны, к философии и стратегии взаимного сдерживания, которые неизбежно включают и военно-политические инструменты.

В контексте Кавказского кризиса в повестке дня европейской безопасности с особой остротой встал вопрос о том, насколько жизнеспособна российская идея продвигания к юридически обязывающему Договору о европейской безопасности (ДЕБ). Многие эксперты высказали мнение, что *после Грузии* шансы пойти по этому пути *упали до нулевой отметки*, поскольку на Западе не верят в *добрые намерения* Москвы, которая *загоняет себя в изоляцию*. Однако, как подчеркивает российское руководство, есть и обратная сторона. Другого пути, кроме как двигаться совместно к преодолению кризиса, к сотрудничеству и взаимовыгодному практическому партнерству, налаживать механизмы взаимодействия и действовать сообща, нет.

Как подчеркнул президент Д.А. Медведев в октябре 2008 г. на международной конференции по вопросам мировой политики в Эвиане, конфликт на Кавказе продемонстрировал, насколько неэффективна существующая архитектура европейской безопасности². Как известно, он сформулировал основные принципы, которым должен отвечать ДЕБ. Ключевой принцип *равной безопасности* подразумевает три *не*: не обеспечивать свою безопасность за счет безопасности других; не допускать (в рамках любых военных союзов или коалиций) действий, которые ослабляют единство общего пространства безопасности; не позволять, чтобы развитие военных союзов осуществлялось в ущерб безопасности других участников договора. Идея ДЕБ предполагает формирование *сетевой структуры безопасности*, объединяющей как национальные государства, так и существующие организации и союзы вокруг единых целей и задач противодействия современным вызовам и угрозам, в первую очередь – военно-политическим. Именно в сфере *жесткой безопасности* остро ощущается дефицит взаимного доверия и сотрудничества, что создает преграды для создания надежной всеобъемлющей системы общеевропейской безопасности.

В принципиальном плане российская инициатива – это, прежде всего, попытка преодоления существующего и углублявшегося в последние годы *водораздела* – Запад и Восток, ЕС–НАТО–США и Россия, *они и мы*. Это, следовательно, поиск ответа на вопрос, который со времени окончания холодной войны с каждым днем стоит все острее: каким образом *вписать* Россию в европейскую архитектуру, если она не может стать частью ее нынешних опорных элементов – расширяющихся НАТО и ЕС. Для многих на Западе ответ очевиден. России предлагается присоединиться к западным ценностям и постепенно интегрироваться в западное (евроатлантическое) пространство. Россия, не видя себя частью евроатлантической системы, стремится найти модели двустороннего сбли-

жения и равноправного сотрудничества на *внеблоковой основе*³. Предлагаемый Договор отражает именно такую философию.

Официальная российская точка зрения состоит в том, что нельзя чувствовать себя в Европе комфортно – ни в НАТО, ни в ЕС, если не учитываются приоритетные интересы не входящей в них России. Многие понимают это достаточно ясно, и поэтому Москва имеет все основания рассчитывать на позитивную заинтересованность в обсуждении российской инициативы. Конечно, прогнозировать развитие подобных крупных международных проектов, для воплощения которых необходима политическая воля, объединяющая европейских лидеров, довольно сложно. Но работу над Договором о европейской безопасности необходимо рассматривать не как одно из возможных направлений структурной реформы, а как решение задачи исторического масштаба – слома структур сдерживания, доставшихся от холодной войны, и создания общей системы безопасности – равной и неделимой – от Ванкувера до Владивостока.

Вопрос в том, насколько они в практическом плане могут быть интересны партнерам России. И здесь существуют большие сложности, даже если не умножать их на *грузинский коэффициент*. Ведь каждое государство на пространстве ОБСЕ, каждый адресат российского предложения должен понять, какую *добавленную стоимость* это предложение в себе заключает. Каким образом их можно сбалансировать с другими приоритетами, и в частности, с интересами в рамках евроатлантических опор – Европейского Союза и НАТО? Не повлияет ли новый российский подход на жизнеспособность западных институтов безопасности, значимость которых их члены ни в коей мере не склонны преуменьшать?

Поэтому формирование новой общеевропейской системы, очевидно, невозможно как альтернатива действующей. Существующая архитектура нуждается не в замене, что в принципе невозможно, а в трансформации. Договор важно рассматривать не столько как новый механизм для разрешения разногласий и проблем, сколько как итог укрепления доверия и отношений сотрудничества между Россией и ее партнерами по всем линиям.

РОЛЬ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Каковы же уроки Кавказского кризиса и что происходит на практике в отношениях между Россией и ее европейскими партнерами? Прежде всего, отношения нормализовались, и довольно быстро. Евросоюз признал, что не готов переносить свое несогласие с политикой Кремля по Грузии на весь комплекс российско-европейских отношений, менять ранее сформулированный курс и подходы. Несмотря на все разговоры о слабости ЕС, о внутренних раздорах и отсутствии единства, он оказался как нельзя кстати и для России, и для Запада.

ЕС пригодился тогда, когда остальные игроки на европейской площадке не смогли или не захотели участвовать в урегулировании конфликта. Международные структуры ООН и ОБСЕ оказались явно слабы и неспособны действовать оперативно, брать на себя лидерство. США заблокировали проведение, по обращению Москвы, внеочередной встречи Совета Россия–НАТО, а затем отношения с альянсом были *заморожены*. При этом Вашингтон не только жестко критиковал Россию, но и подкрепил это практическими шагами: было подписано соглашение с Польшей по ПРО; по инициативе госдепартамента США были введены односторонние санкции в отношении *Рособоронэкспорта*; приостановлено действие соглашения о сотрудничестве в области мирного атома.

ЕС продемонстрировал свою нужность и странам – участницам этого объединения. Одни, такие как Франция, взявшая на себя главную ответственность в качестве председателя ЕС, смогли использовать ситуацию для сохранения линии на активное сотрудничество с Россией и на укрепление Евросоюзом своей Общей внешней политики и политики безопасности в целом. Другим, таким как Польша и страны Балтии, требовавшим *наказать* Москву и занять в отношении России, вслед за Вашингтоном, соответствующую

щую консолидированную позицию, было удобно перенести главную ответственность на Брюссель и Париж, а *жесткость* демонстрировать в рамках НАТО и ОБСЕ.

Таким образом, Евросоюз взял на себя крайне важную миссию посредника в конфликте и роль *добраго полицейского* в контактах с Кремлем. ЕС отказался от каких-либо санкций, продемонстрировал готовность и способность действовать конструктивно в ситуации, когда другие – США и НАТО – напротив, пошли на обострение отношений. Возникший после войны 1999 г. в Югославии вакуум между Россией и Западом в сфере безопасности также был отчасти компенсирован развитием контактов России с ЕС по линии только открывшегося проекта Европейской политики безопасности и обороны (ЕПБО).

Однако тогда это был только диалог, необходимость *поддерживать отношения на плаву*, теперь же Евросоюз оказался способным выдавать конкретные результаты. При всей очевидной ограниченности возможностей ЕС в сфере международной безопасности подобное *европейское представительство* в российско-западных отношениях и конфликтах стало видимым новшеством, и это повышает его значимость в качестве важного партнера России на евроатлантическом пространстве.

Важно и то, что Кавказский кризис заставил сделать встречные практические шаги, к которым также можно применить слово *впервые*, и именно по линии Россия–ЕС, которая продолжала выстраиваться в конструктивном ключе, в отличие от отношений Россия–НАТО.

Впервые Россия и Евросоюз, фактически в качестве представителя Запада, смогли договориться по теме, которая вызвала очень серьезные разногласия между двумя сторонами. План Медведева–Саркози – показатель того, как можно договариваться по подобным вопросам при существенных разногласиях. До этого времени в политическом диалоге России и ЕС таких попыток по существу не предпринималось. Брифинги были, обмены политическими позициями были, несогласия были, а вот стремления к серьезным компромиссам и их достижению – не было.

Впервые, это второе, Россия *дала зеленый свет* на операцию ЕПБО на территории СНГ. Это очень важное и серьезное изменение в практической политике безопасности России, в ее политических отношениях с ЕС и с Западом в целом. Понятно, что ни США, ни НАТО в сложившихся обстоятельствах не могут рассчитывать на подобную поддержку их военной активности на постсоветском пространстве.

И, наконец, президент Д.А. Медведев подписывает Указ о направлении вертолетного контингента в поддержку миссии Европейского Союза в Чаде – причем 1 сентября 2008 г., то есть в день открытия чрезвычайного саммита ЕС по кавказским событиям. Это третье *впервые*: ведь мы из декларации в декларацию *переписывали готовность* обеих сторон развивать практическое сотрудничество в области миротворчества, в том числе в сфере транспортной авиации (еще в октябре 2000 г. Россия и ЕС приняли соответствующие решения).

Тем не менее, если посмотреть на все эти *впервые*, на все эти достижения, можно ли сказать, что они придали какое-то новое качество отношениям Россия–ЕС, а тем более Россия–Запад в сфере внешней безопасности? Вряд ли, поскольку *августовская шокотерапия* не привела к какому-то лечению хронических болезней. Политический диалог развивается, но он вернулся к прежней планке.

А между тем, если мы посмотрим на *дорожную карту* создания общего пространства внешней безопасности (она обсуждается на переговорах Россия–ЕС), там предусмотрено соответствующее *окно возможностей*. В *дорожной карте* отмечается, что по многим вопросам стороны могли бы выходить на общие политические позиции. Но ведь ясно, что для этого нужно развивать институциональную базу. Брюссель постоянно повторяет: мы не можем, это нереально, учитывая институциональную специфику ЕС. Так ли это? И да, и нет. Если есть цель, если есть политическая воля, то задачу решить можно. Из Брюсселя и раньше, между прочим, звучало, что ЕС принципиально не может идти на создание специального института сотрудничества с Россией, то есть такой структуры,

которая затем все же была создана и работает сейчас – Постоянный совет партнерства.

Есть ли прогресс в политическом сотрудничестве Россия–ЕС на постсоветском пространстве, в частности, во взаимодействии по Грузии? Фактически нет. Существующая в этом регионе миссия ЕС достаточно слабая, прежде всего, в силу ее мандата, европейская интерпретация которого не совпадает с российской. Как результат, взаимодействие и координация между Россией и ЕС в этой сфере фактически отсутствуют и особых перспектив не видно. Согласованные действия России и ЕС после беспорядков в Молдавии в апреле 2009 г. были действительно важны для стабилизации ситуации. Однако затем Москва и Брюссель опять отошли на ранее занятые позиции и не готовы искать совместные решения. В Евросоюзе поддерживают, например, желание нового молдавского правительства заменить российских миротворцев международной гражданской миссией, фактически миссией ЕС.

Россия, естественно, настаивает на сохранении переговорно-миротворческого формата. А через месяц после начала беспорядков в Кишиневе Евросоюз открыл новую программу – Восточное партнерство, в рамках которой теперь и развивает отношения с шестью постсоветскими республиками: Украиной, Беларусью, Молдовой, Азербайджаном, Арменией, Грузией. Москва сразу же выразила озабоченность, что эта новая политика ЕС может расходиться с российскими интересами, а в экспертных комментариях ясно зазвучала тема столкновения интересов России и ЕС на постсоветском пространстве.

Есть ли видимые примеры практического сотрудничества России и ЕС, помимо операции в Чаде? По существу, нет. Вертолетный контингент России в Чаде свою задачу выполнил, был переведен под управление ООН, на этом оперативное сотрудничество России и Европейского Союза закончилось. Партнеры пока не видят возможностей и сценариев дальнейшего взаимодействия. С большой натяжкой можно говорить о сотрудничестве в борьбе с пиратством у берегов Сомали. Там ЕС проводит самостоятельную операцию «Аталанта», так же как и российская корабельная группа действует самостоятельно, и по существу речь идет лишь об общей координации мероприятий между всеми участниками.

В то же время понятно, что содействие России в выполнении операции ЕС в Чаде неправильно было бы считать просто каким-то символом сотрудничества. Это очень важное событие и опыт, который, в принципе, позволит расширить сотрудничество по многим направлениям. Это и обмен информацией, и стандартизация, это и военно-техническое сотрудничество и т.д. Но для того, чтобы эффект мультипликатора работал, проекты практического сотрудничества России и ЕС не должны быть разовыми, необходимо искать и находить возможности сотрудничества (например, в такой перспективной сфере, как борьба с морским пиратством), а для этого необходима политическая воля.

РОССИЯ–НАТО

Похожие проблемы характерны и для отношений между Россией и НАТО, несмотря на их более широкую военно-политическую повестку по сравнению с ЕС. К сожалению, «новая эра в сотрудничестве Россия–НАТО», об открытии которой стороны объявили в мае 2002 г.⁴, окончилась так же, как и старая – *замораживанием* отношений. И в том, и в другом случае со стороны Альянса их *размораживали* новые генеральные секретари, с приходом которых легче обсуждать перевод отношений из кризиса в новое качество. О чем это свидетельствует?

Во-первых, о том, что новое качество, которое связывали, прежде всего, с созданием восемь лет назад Совета Россия–НАТО, так и не состоялось. Во-вторых – что поле практического взаимодействия также остается довольно ограниченным, а ущерб от сворачивания отношений по политико-идеологическим мотивам отнюдь не критичен. Хотя, например, в паре Россия–ЕС подобные *американские горки* фактически исключены. Но при этом, в-третьих, существуют сферы взаимовыгодного (или, скорее, вынужденного) сотрудничества, где оно в любом случае продолжается – конкретно, по Афганистану.

И, в-четвертых, обе стороны заинтересованы в скорейшем восстановлении отношений, которые крайне важны для каждой из них в рамках реализации своих интересов и приоритетов политики безопасности.

Итак, политический диалог и сотрудничество восстановлены, но вопросы, связанные с их будущим содержанием, остаются. Россию не устраивает простое механическое восстановление отношений, поскольку на прежнем этапе Москва постоянно подчеркивала свою неудовлетворенность их характером и особенно работой СРН. Совет практически превратился в зал для брифингов, которыми обменивались Россия и НАТО, когда Москва озвучивала российские озабоченности, а Брюссель принимал их к сведению.

Классический пример – речь бывшего генсека НАТО Яапа де Хооп Схеффера в Варшаве в марте 2009 г., когда отмечалась 10-летняя годовщина вступления в Альянс первой тройки стран бывшего восточного блока, а так же, по его словам, благополучного завершения холодной войны. Это выступление еще интересно и тем, что его можно рассматривать как *передачу эстафеты* от уходящего генсека новому генсеку – Андерсу Фог Расмуссену.

Несмотря на то, что расширение НАТО и ее военной инфраструктуры остается одной из ключевых озабоченностей России, в Альянсе по-прежнему уверены, что не правы те, кто видят в расширении создание нового разделения. Несмотря на недавнюю войну в Грузии, которая во многом подкреплялась евроатлантическими устремлениями ее руководства, Яап де Хооп Схеффер уверен, что «благодаря стратегии расширения и партнерства НАТО, так же как и Европейского Союза, наш континент никогда не был настолько стабилен и настолько безопасен»⁵. Альянс, по его утверждению, прислушивался к тем озабоченностям России по поводу расширения, которые полагал легитимными (интересно, к каким же?). В противном случае они считались неприемлемыми, и России ясно указывали, что Европа не может оставаться заложником отживших концепций *сфер влияния*. И вывод – подводя баланс, такой подход себя полностью оправдал: Союз вырос за пять лет с 16 до 26 членов (теперь 28), и ему удалось углубить отношения с Россией.

Подобный баланс с российской стороны выглядит по-иному. НАТО расширяется, соответствующим образом развивает свой потенциал и инфраструктуру, а российские возражения в расчет не принимаются. Попросту говоря – *а Васька слушает да ест*. Говорить же о достигнутом углублении отношений на фоне их очевидного кризиса не только не серьезно, но даже оскорбительно для партнера.

Яап де Хооп Схеффер признает, что после войны в Грузии многие полагают, что подобная *двойная стратегия* исчерпала себя, а некоторые считают, что расширение из решения превращается в проблему европейской безопасности. Однако он продолжает настаивать на необходимости сохранения прежнего подхода. Может ли это устроить Россию, которая, по свидетельству Яапа де Хооп Схеффера, остается одним из трех главных вызовов в определении стратегии НАТО? Ведь если нет, а это именно так, то со второй (русской) частью баланса вряд ли что-то получится.

Надо сказать, что некоторые и до войны в Грузии понимали, что *двойная стратегия* в любом случае не может работать в результате прихода к власти *цветных режимов* в Грузии и Украине, когда в практическую плоскость был перенесен вопрос об их членстве в Альянсе. Вашингтон предпринял все усилия, чтобы убедить своих союзников по НАТО ускорить процесс интеграции Украины и Грузии и предоставить им План действия по членству (ПДЧ) на Бухарестском саммите в апреле 2008 г.

Но уже тогда Франция и Германия отказались следовать за Вашингтоном и были поддержаны рядом европейских союзников, таких как Италия, Испания, Бельгия, Нидерланды. Конечно, основным доводом *европейской оппозиции* было то, что Украина и Грузия не достигли уровня внутреннего реформирования и стабильности, необходимого для получения ПДЧ, и особым препятствием является неурегулированность конфликтов в Грузии. Однако крайне важно, что весомым мотивом отказа стал учет позиции Москвы. По словам главы российского МИД С.В. Лаврова, это неизбежно могло привести к резкому ухудшению наших отношений и с Альянсом, и с ведущими его членами, и с

нашими соседями⁶. Берлин и Париж согласны с тем, что Россия не имеет *права вето* в этом вопросе, но не считают правильным игнорировать серьезные российские озбоченности, нарушать сложившееся равновесие между Европой и Россией, баланс сил в Европе. Французский премьер Франсуа Фийон заявил, что Париж хочет вести по этому вопросу диалог с Россией. Президент Франции Николя Саркози призвал последовать примеру В.В. Путина и говорить с Кремлем откровенно о проблемах безопасности, учитывая и *свидетельство доброй воли* – предложение о транзите через Россию грузов для снабжения международных сил содействия безопасности (ИСАФ)⁷.

После Бухарестского саммита вопрос о членстве Украины и Грузии в НАТО был отодвинут на неопределенное время. Североатлантический Совет в декабре 2008 г. подтвердил отказ предоставить ПДЧ Украине и Грузии. На юбилейном саммите в Страсбурге-Келе 3–4 апреля 2009 г. лидеры Альянса просто процитировали решения Бухарестского саммита о том, что Украина и Грузия станут членами НАТО, но без указания каких-либо временных рамок этого процесса.

Это существенным образом меняет ситуацию в отношениях между НАТО и Россией, которые вышли в своей практической политике из-под нараставшего прессинга проблемы расширения. Во-первых, готовность выполнить критерии Альянса не может быть достигнута Украиной и Грузией в короткие сроки. Во-вторых, кризис на Кавказе кардинально изменил ситуацию на постсоветском пространстве и создал новые барьеры для членства Украины и, тем более, Грузии в НАТО. В-третьих, новая администрация США, несомненно, учитывает политические провалы Дж. Буша-младшего, более взвешенно подходит к этому и другим вопросам, вызывавшим острые разногласия между США и Европой.

Президент Барак Обама не предпринимает попыток повлиять на Францию и Германию, чьи возражения против приема Украины и Грузии только укрепились и являются частью их политической позиции. В-четвертых, расширение евроатлантических институтов на Балканы рассматривается в Европе как несомненный приоритет. Принятие в НАТО на ее Страсбургском саммите Албании и Хорватии для Франции и Германии гораздо более значимый результат политики расширения, чем предельно конфликтный, несвоевременный и в целом неоправданный шаг, который Дж. Буш-младший призывал сделать в направлении Украины и Грузии.

В обозримой перспективе Грузия не может претендовать на членство в НАТО, по крайней мере, пока сохраняет претензии на Абхазию и Южную Осетию. Украина далека от внутреннего единства, в том числе по поводу членства в НАТО, и при президенте В.Ф. Януковиче прекратит настойчиво стучать в двери Альянса. Эти факты позволяют России и НАТО развивать отношения, исходя из сложившегося статус-кво и снизившегося уровня конфликтности, хотя соперничество между Россией и Западом на постсоветском пространстве продолжает оставаться довольно острым.

Россия на всех уровнях, на официальном и экспертном, выражала свою неудовлетворенность работой СРН. Создание этого органа рассматривалось как прорыв к новым отношениям равноправного сотрудничества, причем не только между Россией и НАТО. Это был образец для российско-западного партнерства, например – между Россией и ЕС. Москва постоянно призывала НАТО наполнить Совет должным содержанием, сделать его эффективным органом для выработки совместной политики и совместных действий. В ответ Брюссель продолжал отмечать, что удовлетворен работой Совета, подчеркивая его важную роль.

Претензии России заключаются, прежде всего, в том, что страны НАТО по-прежнему выступают в Совете не в национальном качестве, как было предусмотрено, а с заранее согласованных позиций. Часто Россия не может добиться от партнеров включения в повестку СРН тем, которые она хотела бы обсуждать. По мнению Москвы, Совет так и не вышел на масштабные проекты сотрудничества. В связи с этим показательно, что НАТО отказала России в проведении чрезвычайной сессии СРН по военному конфликту в Грузии, хотя такая процедура предусмотрена Римской декларацией в случае кризисных ситуаций. Причина отказа состояла в том, что Альянсу необходимо было время для внутренних консультаций и выработки общей позиции.

После возобновления работы СРН, первое (неформальное) заседание которого на уровне министров иностранных дел прошло 27 июля 2009 г., появились явные признаки готовности стран НАТО двигаться навстречу России. Сигналы об этом лидеры Альянса дали во время саммита в Страсбурге-Келе, где объявили о стремлении возобновить диалог и сотрудничество с Россией: «Мы готовы оценить в Совете Россия–НАТО возможности, которые позволят сделать его более эффективным и ценным инструментом для нашего политического диалога и практического сотрудничества»⁸. Неудовлетворенность Москвы формированием повестки дня СРН и отсутствием заинтересованного и конструктивного обсуждения российских озабоченностей также, очевидно, будет учитываться в НАТО: «Мы преданы делу использования Совета Россия–НАТО в качестве форума для политического диалога по всем вопросам – и по тем, по которым мы согласны, и по тем, по которым мы не согласны, – с целью решения проблем, реагирования на озабоченность и укрепления практического сотрудничества»⁹.

Уже в декабре 2009 г. СРН принял решение провести совместный обзор вызовов и угроз XXI века, то есть то, что Россия настойчиво, но безрезультатно предлагала НАТО раньше. Также принят документ о дальнейшем развитии механизмов Совета. Возобновляются наши контакты по военной линии. В соответствии с принятым на 2010 г. планом были возобновлены программы практического сотрудничества: мероприятия по повышению оперативной совместимости, по поиску и спасанию на море, взаимодействию в борьбе с пиратством, по ПРО, по контролю воздушного движения и другие. Открыты новые возможности военно-технического сотрудничества, в частности, по модернизации Россией вертолетов типа *МИ*.

В феврале 2010 г. в Москву прибыла *группа мудрецов* НАТО под руководством Мадлен Олбрайт, сформированная генсеком Андерсом Фог Расмуссеном для работы над новой стратегической концепцией союза, которая должна быть принята в ноябре на Лиссабонском саммите. Такое внимание вполне объяснимо, учитывая особый интерес Москвы к концептуальным подходам НАТО: «В целом дальнейшее развитие нашего партнерства с НАТО будет в значительной степени зависеть от того, как пойдет работа над стратегической концепцией Альянса»¹⁰. Но главное в том, что впервые будущее реформирование Альянса обсуждается с Россией, и едва ли не впервые за долгие годы визит группы Мадлен Олбрайт продемонстрировал желание, по ее словам, *слушать и слышать*. Для этого группа встречалась не только с официальными лицами, но и с российским экспертным сообществом. Один из основных вопросов, интересовавших *натовских мудрецов*, – российское видение Совета Россия–НАТО. Российские эксперты подтвердили, что считают СРН неэффективным, и прежде всего потому, что он до сих пор использовался преимущественно как форум для политического диалога. Для перевода отношений Россия–НАТО в новое качество – реального стратегического партнерства, необходимо трансформировать СРН в институт совместной выработки и принятия решений.

Изучение возможностей перевода отношений Россия–НАТО в новое качество и соответствующее реформирование СРН перенесено в Североатлантический союз в практическую плоскость, в том числе в рамках разработки новой стратегии Альянса. «Ближайшей целью является не нахождение точной формулы взаимодействия с Москвой, а начало стратегического диалога, который ясно продемонстрирует, что члены НАТО искренне желают соединить Россию с евроатлантическим сообществом. Диалог может начаться с изучения путей большей результативности Совета Россия–НАТО. Члены НАТО должны ответить на призыв Москвы посмотреть свежим взглядом на новую архитектуру европейской безопасности»¹¹.

АМЕРИКАНСКИЕ ВЕКТОРЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Фактор США остается важнейшим как в европейской системе безопасности, так и в развитии собственно российско-европейских отношений. Внешнеполитический курс Барака Обамы принципиально отличается от политики администрации Дж. Буша-младшего. Стратегия Дж. Буша-младшего строилась на основе унилатерализма, стремлении к гегемонии, основанном на уверенности в доминировании США как единственной супер-

державы и ее военном превосходстве, как следствие, на опоре на силовые методы решения международных проблем.

Отказ нынешней администрации от *доктрины Буша* объясняется, прежде всего, прогрессирующей неспособностью США добиться реализации поставленных целей, усилившейся критикой американской политики как внутри страны, так и извне, в том числе со стороны основных союзников. Нежелание прежней администрации США учитывать интересы союзников, попытка использовать европейскую разобщенность, снижение заинтересованности в использовании многосторонних институтов, включая НАТО, ослабили не только готовность, но и способность партнеров США оказывать им поддержку на международной арене. В частности, одним из долгосрочных последствий войны против Ирака стало ослабление ЕС и размывание его внешнеполитических возможностей.

Разворот Барака Обамы в сторону новой многосторонности в противовес силовому унитаризму, соответствующее изменение внешнеполитических приоритетов и ряд уже предпринятых в этом направлении шагов рассматриваются и в Европе, и в России как новое *окно возможностей*. В Европе – прежде всего, для упорочения трансатлантического союза, в России – для сближения с США и, за счет этого, для устранения наиболее острых разногласий как с самими США, так и с Западом в целом.

Кроме того, учитывая заинтересованность Вашингтона в сильных союзниках, поддерживающих *ответственное лидерство* США, перед ЕС открываются возможности укрепить свою политику безопасности и обороны и европейскую опору трансатлантического альянса. Появляются предложения по созданию соответствующих инструментов – внутри Евросоюза (постоянные оперативно-штабные структуры), между ЕС и НАТО (замена действующих соглашений *Берлин+* более эффективными механизмами), между США и ЕС (в рамках реформы НАТО: возможное создание Трансатлантического политического совета, в основе которого – институализация связей госсекретаря США и верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности).

Это, в свою очередь, повышает российский интерес к сотрудничеству с европейцами в сфере безопасности и обороны. Устранение острых разногласий с США и их возвращение к политической многосторонности создает для Европы и России режим наибольшего благоприятствования в реализации очевидного обоюдного интереса к развитию партнерства. Ведь в условиях стратегической зависимости Европы от США давление России на Европу оборачивается не их *независимым сближением*, даже когда к этому есть объективное стремление, а возрастанием этой зависимости¹². Франко-германская оппозиция планам Буша по ускоренной интеграции Грузии и Украины в НАТО – исключение, подтверждающее правило. Конечно, решение принималось с учетом того, что *цена вопроса* для российско-европейских отношений чрезвычайно высока. Но европейцы смогли отказать не США, а уходящей администрации, когда политическое банкротство Дж. Буша-младшего стало предельно очевидным, а мессианство обрело форму мании величия. Разворот любой будущей администрации к союзникам был фактически предопределен, и европейская политика стала выстраиваться с учетом изменяющегося трансатлантического контекста, не против Америки, а для нового сближения с ней.

Аналогично, заявленная Барак Обамой *перезагрузка* отношений с Россией, с одной стороны, и возвращение Вашингтона в русло трансатлантизма, с другой, открывают новые перспективы развития отношений Россия–НАТО. Вероятно, правы те, кто призывает не преувеличивать *эффект Барака Обамы*, учитывая ограниченность его возможностей и тяжелое наследие Дж. Буша-младшего. Но это не означает, что их надо преуменьшать, особенно с точки зрения использования реальных позитивных изменений в политике США для их конструктивной поддержки и закрепления новых векторов многостороннего сотрудничества в сфере безопасности.

Вряд ли стоит расценивать отказ администрации Барака Обамы от планов размещения третьего позиционного района стратегической ПРО в Европе как часть политики *перезагрузки* отношений с Россией. Это решение мотивировано, прежде всего, критическим пересмотром программы обеспечения национальной безопасности США, а не возражениями Москвы. Однако тем самым, во-первых, устранен один из главных раздра-

жителей в российско-американских отношениях. Во-вторых, открывается перспектива развития евроатлантического сотрудничества в области ПРО с участием России. Такое сотрудничество может существенно изменить характер военно-политических отношений между Россией и Западом, обеспечить уход из парадигмы взаимного сдерживания к реальному стратегическому партнерству. В НАТО укрепляется точка зрения, что «в отношениях с Россией Альянс должен стремиться предотвратить продолжение соперничества по формуле нулевой суммы, вместо того чтобы разрабатывать практические планы прагматического сотрудничества»¹³.

Предложения по формированию *общего купола* ПРО, который не только защищал бы от ракетных угроз, но и объединил на практике Североатлантический альянс с Россией, уже выдвинуты. Россия готова их обсуждать и, по словам Д.А. Медведева, ответить *да*, если они серьезные. По свидетельству С.В. Лаврова, «в рамках СРН у нас давно существует коллективный проект ПРО театра военных действий, и он достаточно глубоко проработан. Фактически все готово, что касается договоренностей на бумаге. И можно было бы приступить к дальнейшим шагам»¹⁴.

Подписание Россией и США 8 апреля 2010 г. в Праге нового Договора по стратегическим вооружениям (ДСНВ) также нельзя считать революционным достижением. Однако, не поднявшись на эту ступеньку, невозможно было бы смотреть в сторону новых горизонтов. Если этот договор и не означает *перезагрузку*, то без него никакая *перезагрузка* вообще была бы невозможной. Ведь если бы стороны оказались неспособны *разобрать завалы* прошлого, реализовать принципиальные договоренности своих президентов, возникшее, но пока непрочное взаимное доверие, повестка дальнейшего партнерства были бы девальвированы. Теперь благодаря сближению по вопросам стратегического баланса и ядерного нераспространения, по Ирану и другим темам Барак Обама получил важные свидетельства в пользу правильности его линии в отношении России. Это позволяет американской администрации и в дальнейшем следовать выбранной стратегии, закрепить за Россией высокое место в списке внешнеполитических приоритетов США. Кстати, в американском Сенате уже сформирована специальная группа по отношениям с Россией.

После заключения нового СНВ, в котором пусть вербально, а не конкретно, отражена взаимосвязь наступательных и оборонительных стратегических вооружений, Москва и Вашингтон могут по-новому посмотреть на проблему ПРО и возможности сотрудничества на этом направлении. Они уже начали консультации на эту тему, в том числе относительно альтернативных предложений обеспечения безопасности от возможных ракетных угроз, включая российские предложения. Москва рассчитывает, что «удастся достичь договоренности, позволяющей и России, и США, и европейцам совместно анализировать ракетные угрозы и готовиться к тому, чтобы их парировать»¹⁵.

Несмотря на обнародованную 6 апреля 2010 г. новую ядерную доктрину США «От противостояния к минимальному сдерживанию» (не говоря уже о стремлении нобелевского лауреата Барака Обамы к *глобальному нулю*), на практике мотивы стратегического баланса США–Россия и обеспечения ядерного сдерживания как основополагающего компонента коллективной обороны НАТО не позволяют США пойти навстречу окрепшему европейскому желанию (выраженному Германией, Бельгией, Нидерландами, Люксембургом, Норвегией, а также Европарламентом) о выводе американского тактического ядерного оружия из Европы. Тактическое ядерное оружие рассматривается и как якорь, удерживающий европейский корабль от ухода в автономное плавание, и как *разменная фигура* в будущей разоруженческой партии с Москвой.

В любом случае Барак Обама не готов к одностороннему разоружению. За согласие вывести ядерное оружие из Европы Вашингтон будет рассчитывать на значимые дивиденды. Вопрос о тактическом ядерном оружии (240 гравитационных бомбах) США, размещенных в Европе, обсуждался Советом НАТО в Таллине 22–23 апреля 2010 г. Как заявил Андерс Фог Расмуссен, ядерное присутствие США в Европе является важной составной частью стратегии эффективного устрашения¹⁶. При этом Вашингтон заявляет о готовности следовать согласованному решению НАТО, якобы не желая раскола в Альянсе, но на деле ясно понимая, что многие члены, прежде всего страны Центральной Европы,

ни за что не поддержат выход США из Европы. Таким образом, мотивы *перезагрузки* отношений США с Россией, которые были с энтузиазмом встречены Европой и подхвачены НАТО, сочетаются с необходимостью сохранения *страховочных элементов сдерживания*.

А НУЖЕН ЛИ ДЕБ?

Как все это соотносится с российской идеей заключения Договора о европейской безопасности, проект которого в конце прошлого года был направлен президентом Д.А. Медведевым потенциальным участникам, включая основные организации в системе европейской безопасности – ОБСЕ, НАТО, ЕС, ОДКБ, СНГ? Есть ли реальная перспектива продвижения в этом направлении?

С момента выдвижения инициативы вполне можно говорить о связанных с ней заметных позитивных изменениях. По существу Москва, которую критиковали, и часто справедливо, за отсутствие конструктивного подхода к политике безопасности, впервые выдвинула концептуальные и конкретные предложения по европейскому строительству, основанные на кооперативном подходе. В результате заметно изменились акценты российской политики: существующие и озвученные озабоченности не выносятся на первый план, упор делается на поиске путей и механизмов укрепления всесторонней системы партнерств. Объективно предложения России лежат в русле интересов ее партнеров, поскольку, несмотря на существующие разногласия (расширение НАТО, Грузия и т.д.), открывается позитивная повестка дня на долгосрочную перспективу, формируется новый климат и среда отношений Россия–Запад. Это уже приносит вполне осязаемые результаты в рамках сотрудничества России с евроатлантическими институтами, ОБСЕ в формате межгосударственных отношений. Особо следует отметить поддержку российской инициативы со стороны ОДКБ и СНГ¹⁷. Это позволяет распространять кооперативный подход Д.А. Медведева на постсоветское пространство, снижая уровень конфликтности между Россией и Западом и соответственно остроту политического выбора в столицах СНГ.

Эффект российских инициатив связан и с возникновением и развитием процесса Корфу¹⁸. Многие полагают, напротив, что это как раз способ ухода от ДЕБа, отказ направлять общеевропейский диалог по безопасности в эту сторону. Отчасти это так. Процесс Корфу, где в рамках всеобъемлющего подхода к безопасности все активнее обсуждаются ее военно-политические аспекты, действительно конкурирует с идеей ДЕБа. Москве в связи с этим сложно аргументировать необходимость дополнительных площадок. С другой стороны, в принципиальном плане Россия считает оба политических направления совместимыми. При этом процесс Корфу уже развивается в том направлении, которое и отстаивала Москва – преодоление асимметрии в общеевропейской системе безопасности, при которой *жесткая безопасность* отошла на задний план, а невоенная деятельность ориентирована на восточную зону ОБСЕ.

Реагируя на западную критику, которая заключается в том, что, предлагая ДЕБ, РФ игнорирует значение и потенциал основного общеевропейского института – ОБСЕ, Москва отвечает вполне конструктивно. Во-первых, поддерживает процесс Корфу. Во-вторых – считает ОБСЕ важным партнером в контексте ДЕБ и одной из возможных площадок для ведения переговоров. В-третьих, предлагает преодолеть слабость ОБСЕ за счет реформирования, усилить его. Для этого Москва считает возможным наделить ОБСЕ правосубъектностью в системе международных отношений. При действующем казахском председательстве РФ уже внесла конкретные предложения, включая проект Устава Организации. В целом, как специально подчеркнул Д.А. Медведев, выступая в американском Институте Брукинга, «этот Договор не направлен ни против каких организаций, и в этом не было никакой идеи, это не хитрая задумка русских против НАТО или ОБСЕ. Мы просто предлагаем дополнить нынешнюю систему безопасности в Европе более эффективным правовым инструментарием»¹⁹.

Россия ожидает от партнеров конструктивных ответов, но при этом занимает довольно гибкую позицию. Откровенно говоря, довольно часто в адрес России задается вопрос: если вы всерьез рассматриваете свою идею Договора, почему тогда представили такой

сырой проект? Кремль рассчитывает на понимание, но не настаивает на ДЕБ как единственно возможном варианте реформирования европейской системы безопасности. Это означает, что Москва открыта не только для обсуждения проекта, но и к диалогу вокруг него, и не будет, как случалось прежде, жестко отстаивать свои предложения. ДЕБ важен скорее как процесс, а не как ожидаемый в ближайшей перспективе результат, который в итоге может оказаться совершенно иным.

В этом отношении Россия по существу добилась главного – *российский вопрос*, нахождение места России в единой Европе от Ванкувера до Владивостока становится ключевым не только для нее, но и для ее западных партнеров²⁰. Партнеры России перестают размышлять, что стоит за ДЕБ – тактическая игра, остающейся оппонентом Запада Москвы, или новая стратегия. Тактические маневры, несомненно, важны, без этого нет политики и дипломатии. Но ставки России много больше, чем любые возможные тактические выигрыши. Россия не может состояться в качестве развитого демократического государства, а значит, в качестве действительно влиятельного международного игрока без всесторонней модернизации. Достичь этого вне евроатлантического партнерства, в первую очередь – с Европой, невозможно.

С этой точки зрения, момент истины наступил, но задачи исторического масштаба требуют не только решимости, политической воли и ясного выбора, но и времени. Никто не рассчитывает на быстрые, революционные перемены. Важен вектор, тенденции, перспективы и ситуация начинают постепенно меняться. Появляются реальные возможности окончательно покончить с наследием холодной войны, логикой сдерживания и *игрой с нулевой суммой*, перестроить отношения в треугольнике Россия–Европа–США и в европейской системе безопасности. 🐼

Примечания

¹ Jauvert Vincent. Les faucons de la Grande Russie. *Le Nouvel Observateur*. 2008. №2290.

² Выступление на Конференции по мировой политике, 2008, 8 октября, <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2008/10/207422.shtml> (последнее посещение – 12 июля 2010 г.).

³ Выступление на встрече с представителями политических, парламентских и общественных кругов Германии, 2008, 5 июня, <http://www.kremlin.ru/transcripts/320> (последнее посещение – 12 июля 2010 г.).

⁴ Заявление Совета Россия–НАТО, 2002, 28 мая, <http://www.mid.ru/ns-dos.nsf/8aa6d005cdf4b79432569e70041fdc5/432569d800223f3443256bc80034e512?OpenDocument> (последнее посещение – 12 июля 2010 г.).

⁵ Speech by NATO Secretary General Jaap de Hoop Scheffer at the Seminar on NATO Challenges and Tasks Ahead in Warsaw, Poland, 2009, March 13.

⁶ *Обозреватель*. 2008, 08 апреля, <http://obozrevatel.com/news/2008/4/8/229901.htm> (последнее посещение – 12 июля 2010 г.).

⁷ Speech made by Nicolas Sarkozy, President of the French Republic, 2008, April 3, <https://pastel.diplomatie.gouv.fr/editorial/actual/ael2/bulletin.gb.asp?liste=20080403.gb.html#Chapitre2>, (последнее посещение – 12 июля 2010 г.).

⁸ Заявление по итогам встречи в верхах в Страсбурге–Келе, 2009, 4 апреля, http://www.nato.int/cps/ru/natolive/news_52837.htm (последнее посещение – 12 июля 2010 г.).

⁹ Там же.

¹⁰ Выступление и ответы на вопросы СМИ министра иностранных дел России С.В. Лаврова по итогам заседания Совета Россия–НАТО в Брюсселе (стенограмма), 2009, 4 декабря, <http://www.mid.ru/ns-dos.nsf/8aa6d005cdf4b79432569e70041fdc5/432569d800223f34c3257684003e48cc?OpenDocument>, (последнее посещение – 12 июля 2010 г.).

¹¹ Kupchan Charles. Decision time: NATO's hard choices. *NATO Review*. 2009. № 2.

¹² Это подтверждает Заки Лаиди, авторитетный французский политолог. Напр., Zaki Laïdi. La crise sonne-t-elle la fin de la superpuissance américaine? *Les Echos*. 2008, 13 Octobre.

¹³ Kupchan Charles. Decision time: NATO's hard choices. *NATO Review*. 2009. № 2.

¹⁴ Вступительное слово и ответы на вопросы СМИ министра иностранных дел России С.В. Лаврова на пресс-конференции по итогам неофициального заседания Совета Россия–НАТО на уровне министров иностранных дел на о. Корфу, 2009, 27 июня, <http://www.mid.ru/ns-dos.nsf/8aa6d005cdff4b79432569e70041fdc5/432569d800223f34c32575e4002716bd?OpenDocument> (последнее посещение – 12 июля 2010 г.).

¹⁵ Там же.

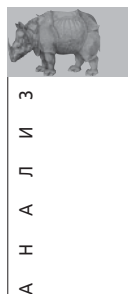
¹⁶ U.S. Urged to Remove Tactical Nukes in Europe. *Global Security Newswire*. 2010, April 22, http://gsn.nti.org/siteservices/print_friendly.php?ID=nw_20100422_3466 (последнее посещение – 12 июля 2010 г.).

¹⁷ Заявление министров иностранных дел государств-членов Организации договора о коллективной безопасности о взаимодействии в работе над Договором о европейской безопасности, 2010, 25 марта, <http://www.dkb.gov.ru/start/index.htm> (последнее посещение – 12 июля 2010 г.). Итоги заседания Совета министров иностранных дел Содружества Независимых Государств (аналитическая записка), 2010, 26 марта, <http://cis.minsk.by/main.aspx?uid=16162> (последнее посещение – 12 июля 2010 г.).

¹⁸ Об этом прямо говорит, например, В.И. Воронков, директор Департамента общеевропейского сотрудничества МИД РФ: «Существенной вехой в реализации идеи президента Д.А. Медведева о заключении Договора о европейской безопасности стала созданная по инициативе греческого председательства в ОБСЕ неофициальная министерская встреча на о. Корфу (Греция)». Воронков В. И. Договор о европейской безопасности: после Корфу. *Индекс Безопасности*, № 3–4. Осень-Зима 2009. С. 143.

¹⁹ Встреча с представителями общественных, академических и политических кругов США, 2010, 14 апреля, <http://www.kremlin.ru/transcripts/7454> (последнее посещение – 12 июля 2010 г.).

²⁰ Гомар Тома. НАТО и «русский вопрос». *Россия в глобальной политике*. 2010. № 2, Март–Апрель, <http://www.globalaffairs.ru/number/NATO-i-russkii-vopros-14851> (последнее посещение – 12 сентября 2010 г.).

ПИР-ПРЕСС СООБЩАЕТ:

Уважаемые читатели журнала
Индекс Безопасности,

Мы рады представить Вам отдел эксклюзивной информации ПИР-Центра – ПИР-ПРЕСС.

Целью ПИР-ПРЕСС является оперативное информирование читателей по вопросам международной безопасности и нераспространения ОМУ.

Новости ПИР-ПРЕСС содержат комментарии и оценки экспертов ПИР-Центра по наиболее актуальным событиям международной безопасности, эксклюзивные цитаты ведущих российских и зарубежных официальных лиц, ссылки на дополнительные ресурсы ПИР-Центра по тем или иным темам международной безопасности.

Новости ПИР-ПРЕСС регулярно размещаются на главной странице интернет-представительства ПИР-Центра по адресу <http://www.pircenter.org>, а также рассылаются в электронном виде подписчикам.

Если Вы заинтересованы в оперативном получении эксклюзивной информации, экспертных комментариев, аналитических оценок и прогнозов по наиболее актуальным событиям в области безопасности, Вы можете бесплатно подписаться на электронную рассылку новостей ПИР-ПРЕСС по адресу <http://pircenter.org/subscription>, и новости будут приходить на адрес Вашей электронной почты на русском и английском языках.

*По всем вопросам, связанным с новостями ПИР-ПРЕСС,
а также по вопросам комментариев экспертов ПИР-Центра
обращайтесь по тел.: +7 (495) 987-1915*

Наталья Калинина, Вадим Козюлин

ДОГОВОР О ТОРГОВЛЕ ОРУЖИЕМ: ЗАСТАВИТЬ ПУШКИ ЗАМОЛЧАТЬ

Текущий финансовый кризис имеет одно важное отличие от своих предшественников. Не в пример предыдущим он обошел стороной мировые военные бюджеты. Если раньше финансовые затруднения приводили к отказу от уже подписанных оборонных контрактов и урезанию военных расходов, то для современной ситуации характерно увеличение военных бюджетов в глобальном масштабе. В 2007 г. военные расходы составляли 1,33 трлн долл., в 2008 г. уже 1,46 трлн долл.¹, и, судя по появляющимся отрывочным сообщениям, итоговые цифры за 2009 г. превысят цифру в 1,5 трлн долл.². В целом за последние 10 лет военные расходы на планете увеличились почти на 50%.

Едва ли не половина этих средств приходится на США. Рост военных расходов диктует война в Афганистане и Ираке. Намного больше прежнего тратят на оборону страны американского континента, Ближнего Востока, Азии и Африки. Годовой объем международного рынка вооружений достиг 45–50 млрд долл. Количество заключаемых ежегодно сделок на поставку оружия не поддается учету. Можно предположить, что это более ста тысяч контрактов в год. Только одна Швеция за пять лет, с 2003 по 2007 гг., осуществила 42 375 экспортных поставок³. *Рособоронэкспорт* ежегодно заключает до 1700 контрактов⁴.

2008 г. стал беспрецедентным по количеству заключенных экспортных контрактов на поставку вооружений и военной техники (ВВТ), общий объем которых оценивался в 101 314 млрд долл. против 89 039 млрд долл. в 2007 г. и 68 500 млрд долл. в 2006 г. Ожидается, что в середине следующего десятилетия оружейный рынок вырастет более чем в два раза.

Подобное наращивание вооружений вызывает естественное беспокойство у мирового сообщества. Человечество стремится к тому, чтобы если не ограничить, то хотя бы отследить то, что получило название *дестабилизирующие накопления вооружений*.

Дестабилизирующие накопления вооружений – это термин, прописанный в ряде международных документов. В 1992 г. в ООН был сформирован Регистр обычных вооружений, куда государства мира на добровольной основе обязались передавать данные о своем оружейном экспорте и импорте. В рамках так называемых Вассенаарских договоренностей государства-участники приняли основополагающий документ со сложным названием «Элементы для объективного анализа и рекомендации относительно потенциально дестабилизирующих накоплений обычных вооружений».

Но, несмотря на обилие документов ООН, ОБСЕ, Европейского Союза и ряда других региональных соглашений, регулирующих поставки вооружений, эффективных международных инструментов, которые могли бы предотвратить военные конфликты регионального или внутригосударственного характера, нет. Ни одно государство, торгующее оружием, включая Россию, никогда не признает, что его поставки продукции военного

З
И
Л
А
Н
А

назначения способствовали дестабилизирующему накоплению вооружений или спровоцировали тот или иной военный конфликт.

ОРУЖИЕ К ОТБОУ

Соединенные Штаты намерены активно добиваться принятия сильного и надежного договора, который бы установил максимально высокие юридически обязывающие стандарты международных передач обычных вооружений.

Хиллари Клинтон⁵, госсекретарь США

30 октября 2009 г. 1-й комитет Генеральной ассамблеи ООН 153 голосами проголосовал в пользу Международного договора о торговле оружием⁶ (МДТО). Согласно этому решению в 2012 г. должна состояться 4-недельная конференция ООН, которая призвана выработать проект договора «о трансфертах обычных вооружений по максимально возможным международным стандартам». Подготовительные встречи в рамках ООН состоятся в 2010 и 2011 гг.⁷.

В пользу резолюции высказались представители крупнейших экспортеров вооружений: США, Великобритании, Франции и Германии. 19 стран воздержались, среди них: Россия, Китай, Индия, Пакистан, Венесуэла. Против договора проголосовал представитель Зимбабве⁸.

Рисунок 1. Вифлеем, Западный Берег реки Иордан, декабрь 2007 г.⁹

В рамках проведенного голосования произошло событие, значительно изменяющее ситуацию вокруг МДТО. Представитель США поддержал эту инициативу. До октября 2009 г. эта страна была главным противником принятия данного договора (так, в 2006 г. на этой же трибуне представитель США был единственным, проголосовавшим против МДТО). Сегодня новая администрация США может стать одним из главных двигателей договора. Как подчеркнула госсекретарь США Хиллари Клинтон: «Соединенные Штаты готовы напряженно трудиться, чтобы установить надежные международные стандарты в этой сфере, используя возможность, предоставленную Конференцией ООН по договору о торговле оружием»¹⁰.

Несмотря на столь широкую поддержку договора в мире и изобилие публикаций, поясняющих его принципы, немногие сторонники данного документа, а тем более противники, понимают суть и смысл предложенной инициативы.

Например, в США выступление Хиллари Клинтон вызвало бурю возмущения среди различных объединений владельцев стрелкового оружия. Авторы множества статей с названием вроде «Первый шаг в поправлении наших прав» принялись повторять слова бывшего постоянного представителя США при ООН Джона Болтона: «Администрация делает вид, что этот договор касается только международной торговли оружием между государствами, но, нет сомнений, – в действительности на повестке дня стоит контроль над внутренним оборотом оружия»¹¹. Американские держатели стволов подозревают инициаторов договора в *дьявольских намерениях* устранить вторую поправку к Конституции США, гарантирующую право на хранение и ношение оружия¹². На этом основании авторы статей обычно заканчивают свои сочинения призывами ликвидировать ООН.

Для российского общественного мнения договор остается малоизвестным. В этом нет тайного умысла, просто россияне не проявляют к нему интереса. Такие же чувства, похоже, испытывают к договору и государственные структуры. Предлагаемый договор вызывает подозрения, и это объяснимо. Являясь вторым по объему экспортером вооружений в мире, Россия неохотно воспринимает любые попытки установить внешние ограничения.

Официальная российская позиция в отношении МДТО уклончива. Наличие согласованных многосторонних механизмов поставок оружия не предотвращает незаконный оборот оружия и его попадание в руки террористов и экстремистов. В связи с этим Россия предложила вначале проанализировать причины неэффективности существующих механизмов контроля за оборотом оружия и только после этого анализа поднимать вопрос о разработке глобального документа¹³. Основное внимание в деятельности по контролю над оружием должно быть сосредоточено на борьбе с его незаконной передачей¹⁴. При голосовании в ООН по вопросам МДТО российская делегация воздержалась.

Ответ России означает, что она не будет в ближайшей перспективе поддерживать разработку МДТО, поскольку считает, что прийти к соглашению относительно глобальных правил законной передачи всех видов обычных вооружений без нанесения ущерба законной торговле оружием и праву государств на самооборону не удастся.

Сторонники МДТО переводят российский язык дипломатии однозначно: Россия против договора. До конца 2009 г. мировое общественное мнение причисляло ее ко второму эшелону противников договора. Но после перехода США в стан сторонников договора Москва становится главным противником и главной мишенью для критики со стороны как государственных структур, продвигающих эту идею, так и неправительственных организаций, представляющих международное гражданское общество.

Список стран, воздержавшихся при голосовании, отличается своеобразием. Помимо России, Китая и Индии, в него практически полным составом вошел арабский Ближний Восток, Пакистан, Иран, Венесуэла, Куба, Йемен, Судан, Ливия и Белоруссия.

153 страны, высказавшиеся в пользу разработки договора, – это убедительные 80% государств-членов ООН¹⁵. Присмотримся поближе к этому большинству. Помимо США и стран Евросоюза, в этот список вошел весь африканский континент (за исключением воздержавшихся арабских государств – Египта, Ливии, Йемена и Судана и сказавше-

го *нет* Зимбабве), обе Америки (за вычетом Венесуэлы, Никарагуа и Кубы), страны Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) без воздержавшегося Китая и отсутствовавших при голосовании Вьетнама и КНДР. Примечательно, что в пользу договора выступила Мьянма, находящиеся в конфликте Армения и Азербайджан, а также позже попавшая под эмбарго ООН Эритрея.

Из стран бывшего СССР от голосования по странному совпадению уклонились Туркмения, Таджикистан, Узбекистан и Киргизия. Белорусский представитель составил компанию воздержавшейся России.

По результатам голосования прослеживаются географические предпочтения: Европа, обе Америки, АТР и Африка – за, Ближний Восток, большая часть Азии, а также страны, попадающие в зону риска в случае принятия договора – *воздержались*. То есть протестные чувства в отношении МДТО имеют выраженный азиатский уклон.

ПАРАД ЕДИНОМЫШЛЕННИКОВ

Для Замбии явилось большим удовольствием быть в числе инициаторов резолюции, касающейся договора о торговле оружием, принятой Первым комитетом в октябре 2006 г. и Генеральной ассамблеей Организации Объединенных Наций – в декабре 2006 г.¹⁶.

Официальное мнение Замбии по МДТО

Какие стремления движут сторонниками МДТО? Инициатором и глобальным двигателем договора в его нынешнем виде стал Европейский Союз во главе с вдохновителем движения – Великобританией. ЕС придает договору не только идейную, но и финансовую подпитку: на разработку положений договора и подготовку общественного мнения в 2009 г. выделено 836 260 евро¹⁷.

Стоит отметить, что в Евросоюзе уже действует достаточно эффективный инструмент – Кодекс поведения Европейского Союза в отношении экспорта оружия, принципы и механизмы которого Евросоюз хотел бы распространить на весь мир.

На основании собственных правил ЕС ввел эмбарго на поставки европейских вооружений ряду государств мира: Китаю, Ирану, Сирии, Мьянме, Судану, до недавнего времени – Узбекистану и Белоруссии. Примечательно, что эти страны – постоянные партнеры России по ВТС. Под одной из целей МДТО в представлении ЕС следует понимать расширение перечня стран, подвергшихся международному эмбарго на поставки оружия до размеров списка, утвержденного в рамках Евросоюза.

В Евросоюз входят 27 государств мира. Какие мотивы движут остальными 126 сторонниками договора? Большая часть африканских государств надеется, что новый договор поможет перекрыть бесконтрольные потоки оружия, которые перетекают по Африке в направлении очередного конфликта.

Один из основополагающих принципов МДТО: *принцип прозрачности* – предусматривает, что государства должны ежегодно представлять исчерпывающие национальные доклады, включая информацию обо всех международных сделках по передаче оружия и боеприпасов, подпадающих под действие договора, и передавать их в международный регистрационный орган.

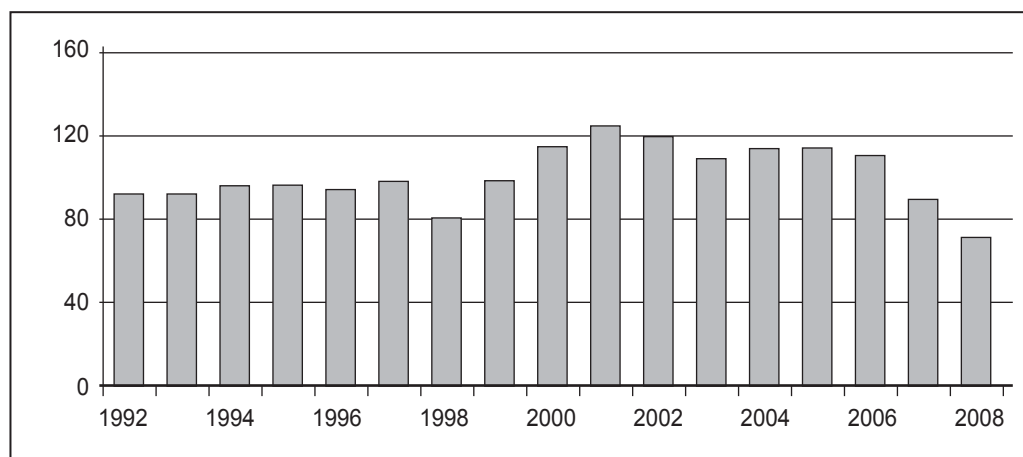
Такие международные регистрационные органы существуют уже сегодня: например, Вассенаарские договоренности или ОБСЕ. Главный из существующих механизмов международной отчетности – Регистр обычных вооружений ООН¹⁸. Согласно действующему порядку государства ООН обязаны ежегодно передавать в него данные об импорте и экспорте вооружений по 7 категориям:

- ☐ боевые танки,
- ☐ боевые бронированные машины,

- ☐ артиллерийские системы большого калибра,
- ☐ боевые самолеты,
- ☐ боевые вертолеты,
- ☐ военные корабли,
- ☐ ракеты и ракетные пусковые установки (включая ПЗРК).

Официальная статистика ООН показывает, что в 2008 г. из 192 государств – членов ООН не более 40% подали в этот регистр хотя бы какую-то информацию. Это менее половины из тех 153 государств, которые проголосовали за МДТО. Без учета государств Евросоюза о сделках с оружием отчитались лишь 30% государств. Сегодня отчетность в этот регистр поступает даже хуже, чем в 1992 г., в первый год его существования.

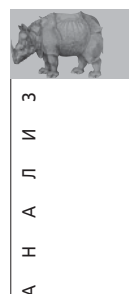
Рисунок 2. Участие государств – членов ООН в Регистре обычных вооружений ООН¹⁹ (на 30 сентября 2009 г.)

Однако вызывающая скорее разочарование, чем оптимизм, картинка обманчива, поскольку отражает просто число государств, приславших хоть какие-то ответы. В эту статистику включены *нулевые отчеты*, сообщающие, что в 2009 г. экспортно-импортные операции не проводились. Реально число государств, отчитывающихся по экспорту и импорту вооружений и военной техники, существенно меньше. Перечень вооружений, заявленный странами-экспортерами, далеко не всегда совпадает с перечнем, поданным странами-импортерами. Процент несовпадений из года в год колеблется, но в целом находится в диапазоне от 65 до 80%. В связи с этим данные Регистра не могут быть признаны объективными даже среди государств, представляющих свои отчеты на регулярной основе. В соответствии с последним обзором действия Регистра²⁰ ежегодно с момента создания Регистра отчеты представляют лишь 43 государства.

Средний показатель числа отчетов об экспорте и импорте остается неизменным. В каждом из последних календарных лет с 2005 по 2008 гг. порядка 70 государств представляли информацию об экспорте (включая отчеты с *нулевыми данными*) и менее 60 – информацию об импорте (включая отчеты с *нулевыми данными*). По итогам за 2008 г. отчеты об экспорте и/или импорте (включая *нулевые данные*) представили 72 государства²¹. Такая же закономерность сохраняется и в текущем периоде. При этом важно заметить, что если из числа представляемых отчетов вычесть отчеты с *нулевыми данными*, то число стран экспортеров или импортеров существенно сократится – до 25–30.

В отношении национальных военных запасов информацию в Регистр представили: в 2005 г. – 27 государств, в 2006 г. – 28, в 2007 г. – 26 и в 2008 г. – 24. Понятно, что при

таким *охвате* говорить об эффективности Регистра не приходится. Выступая за новые договоренности по транспарентности в торговле оружием, большинство государств – сторонников нового договора элементарно избегают выполнять свои нынешние обязательства в этой области. Сравнительно незначительные новые инициативы по усилению прозрачности в сфере оружейной торговли *запинаются* уже на старте.

На протяжении ряда лет Группа правительственных экспертов не может добиться включения в Регистр дополнительных категорий поставок: например, «вооруженных атмосферных беспилотных летательных аппаратов», которые все чаще становятся предметом купли-продажи, а также «стрелкового оружия и легких вооружений» – наиболее смертоносного и опасного военного товара²².

Формально Россия регулярно отчитывается об экспорте вооружений во все международные организации, хотя и не в полном объеме (так Россия, в отличие от большинства стран НАТО, не представляет в Регистр данных о своих военных запасах и обороте локальных систем оповещения (ЛСО)²³, в то же время данные по ЛСО Россия на регулярной основе представляет в рамках ОБСЕ²⁴ и Вассенаарских договоренностей). В публичных выступлениях ответственные за военно-техническое сотрудничество российские чиновники сообщают, что сотрудничество осуществлялось с 60 и более странами, в то время как в Регистр представляются лишь сведения о поставках в 10–12 стран.

Регистр обычных вооружений ООН – главнейший из действующих инструментов контроля за трансфертами обычных вооружений – работает с серьезными сбоями²⁵.

Другой международный документ, сопоставимый по масштабу и значимости с МДТО, был принят в 2001 г. и носит название «Программа действий ООН по предотвращению и искоренению незаконной торговли легким и стрелковым оружием». Через 5 лет после принятия программы обзорная конференция показала, что из общего числа 191 государств-членов ООН, подписавших Программу действий по ЛСО, принятые на себя обязательства выполнили следующее число стран:

- 79 стран имели законы о транзите оружия,
- 53 осуществляли маркировку всего производимого ЛСО,
- 37 стран осуществляли специальный контроль над посреднической деятельностью в сфере торговли оружием²⁶.

Существующая мировая практика показывает неготовность большинства государств раскрывать тайны своих оружейных трансфертов. К сожалению, лишь наиболее защищенные в военном отношении и финансово обеспеченные страны сегодня могут позволить себе сделать общедоступными секреты своего (и не только своего) военного строительства. Но, похоже, и эта роскошь имеет пределы. Пока вне договоренностей остаются беспилотные летательные аппараты, а следом, вероятно, останутся другие перспективные вооружения – противоракетные системы, высокоточные вооружения, средства электронной борьбы и многие другие инструменты войн будущего.

ПРОВЕРКА С ПРИМЕРКОЙ

Россия, за которой давно закрепился имидж страны – нарушительницы международного права по торговле оружием, не имеет морального права упрекать какое-либо государство в непрозрачности оружейных поставок²⁷.

*Ю.И. Костенко, лидер Украинской народной партии,
депутат Верховной рады Украины*

Попробуем изучить договор и найти предложения, которые бы противоречили интересам России. Для этого рассмотрим основные принципы, предлагаемые инициаторами МДТО.

Стержнем МДТО должен стать принцип *ответственности* государств. Согласно этому принципу каждый экспортер оружия будет обязан заранее убедиться, что планируемая поставка предназначена именно для заявленного получателя. Государства возьмут обязательства не выдавать лицензии на сделки, вызывающие малейшее сомнение. Благодаря этому принципу вероятность того, что проданные вооружения окажутся не у законного конечного пользователя, будет сведена к минимуму.

Можно констатировать, что Россия не только давно реализовала этот принцип в своей практике, но и пошла дальше. Постановление Правительства РФ от 6 октября 2006 г. № 604 «Об утверждении Положения об осуществлении контроля за выполнением полномоченными органами иностранных государств обязательств по целевому использованию отдельных видов продукции военного назначения, поставляемой из Российской Федерации» предусматривает контроль за поставляемым оружием не только до его отправки из России, но и после его получения иностранной военной организацией.

Согласно этому постановлению и внесенным в него в 2009 г. некоторым изменениям²⁸ в случае необходимости комиссия из представителей различных российских министерств и ведомств может выехать за рубеж и проверить наличие проданных вооружений на территории иностранного государства и их целевое использование в соответствии с сертификатом подтверждения.

Легко представить, что заплативших за оружие заказчиков вовсе не радовала перспектива принимать на своих военных базах *заморских гостей* с инспекционными визитами. Чтобы преодолеть естественное сопротивление зарубежных *заказчиков в погонах*, России пришлось убеждать некоторых из них подписать соглашения о контроле за целевым использованием вооружений и военной техники:

- ☐ с Сирией в 2006 г.,
- ☐ с Египтом в 2007 г.,
- ☐ с Иорданией в 2007 г.²⁹.

Практика подписания подобных соглашений, которая также достаточно отработана на взаимоотношениях со странами СНГ³⁰, продолжается.

Таким образом, этот принцип МДТО не предлагает чего-то, что бы отсутствовало в принятых в России правилах контроля за экспортом вооружений. Россия может предложить принять в международном масштабе некоторые меры из внутренних российских правил, и это существенно усилит возможности контроля за международными поставками оружия.

Положенный в основу МДТО принцип *прямо оговоренных ограничений* предусматривает отказ от международных сделок по передаче оружия и боеприпасов, которые нарушают прямые обязательства государств в рамках международного права: обязательства в рамках ООН, международные договоры и эмбарго, общепринятые и обязательные для исполнения принципы международного гуманитарного права³¹.

В России международные запреты транслируются через указы президента, которые издаются в целях исполнения резолюций Совета Безопасности ООН³².

С юридической точки зрения Россию трудно упрекнуть в нарушении международного права, поскольку ограничения на поставку оружия оговариваются предельно четко с указанием попадающих под эмбарго государств либо поставленных под запрет видов оружия (например: оружие избыточного поражения, применение которого влечет за собой излишние страдания). Безусловно, здесь возможны разные мнения, которые отчасти вытекают из недостаточно проработанной терминологии. Это серьезная проблема, которую придется решать разработчикам МДТО. Пока же Россия соблюдает действующие запреты в такой же степени, как это делают все демократические страны Европы.

Принцип всеобъемлющей области применения, закладываемый в МДТО, предусматривает создание механизмов контроля во всех упомянутых сферах:

- все обычные боеприпасы, вооружения и сопутствующие материалы любых типов для армии, спецслужб и полиции; компоненты, технологии и оборудование, необходимые для производства и применения упомянутых изделий; изделия двойного назначения, которые могут применяться в вооруженных силах, спецслужбах и полиции,
- все операции, связанные с импортом обычных вооружений и боеприпасов; их экспортом; реэкспортом; временной передачей; транзитом,
- все сделки по международной передаче обычных вооружений и боеприпасов, осуществляемые: дилерами и торговыми агентами, оружейными брокерами, лицами, оказывающими техническую помощь, услуги по обучению, транспортировке, экспедированию грузов, хранению, финансированию, страхованию, техническому обслуживанию, обеспечению безопасности и прочие услуги, являющиеся неотъемлемой частью передачи оружия.

Известная особенность российской системы контроля – государственная монополия на экспорт вооружений. Только несколько государственных компаний в России имеют право вести деятельность по экспорту оружия. В других странах, включая ведущие страны Запада, это не так. Частные компании обладают лицензиями на экспорт вооружений и в США, и в Великобритании, и во Франции. Можно сомневаться в экономической эффективности государственной монополии на экспорт вооружений, но остается бесспорным тот факт, что государственная монополия поставила под запрет деятельность дилеров, торговых агентов и оружейных брокеров. Фактически в реализации принципа всеобъемлющей области применения Россия, пожалуй, пошла дальше большинства государств в мире. Немногие страны готовы пойти на подобные меры, хотя они, очевидно, упростили бы контроль за передачей вооружений.

Принцип, предусматривающий *соблюдение международных юридических обязательств и всеобщих норм*, может стать *болевым точкой* для позиций России.

В предложении неправительственных организаций его толкование звучит так:

Государства не должны санкционировать международные сделки по передаче оружия и боеприпасов в случаях, когда имеется значительный риск того, что они:

- приведут к нарушению Устава ООН и норм обычного права, связанных с применением силы,
- будут использоваться для серьезных нарушений норм международного права в области прав человека,
- будут использоваться для серьезных нарушений норм международного гуманитарного права,
- будут применяться для осуществления геноцида и совершения преступлений против человечности,
- будут способствовать террористическим нападениям,
- будут способствовать гендерному насилию, насильственным преступлениям или содействовать организованной преступности,
- негативно отразятся на безопасности и стабильности в регионе,
- будут значительно препятствовать сокращению бедности и нанесут серьезный вред социально-экономическому развитию,
- связаны с коррупцией,
- идут вразрез с международными, региональными или субрегиональными обязательствами либо принятыми решениями и договорами, касающимися стрел-

кового оружия, нераспространения, контроля над вооружениями и разоружения.

Напомним, что, мотивируя свое решение фактами нарушений прав человека, страны Евросоюза и США вводили санкции на поставку вооружений в Китай, Сирию, Иран, Судан, Мьянму, Узбекистан и ряд других государств, являющихся традиционными партнерами России по военно-техническому сотрудничеству. Представители стран Евросоюза не скрывают, что требование о соблюдении прав человека как одно из оснований для поставок оружия является важнейшим среди прочих, упомянутых в МДТО.

Принятие этого принципа в рамках МДТО позволит создать площадку, например, для обсуждения российских поставок оружия в Судан (где, по сообщениям правозащитных организаций, российская техника используется против мирных жителей) или в Венесуэлу, где появление российского оружия вызывает озабоченность не только у Колумбии, но и у США³³.

Следует отметить, что пункт о правах человека вовсе не является приоритетным для позиции США и многих других государств. Ситуация с правами человека в Ираке, Афганистане, Пакистане (где от американских авиаударов гибнут невинные люди); действия Израиля, получающего американское вооружение, – все это делает позицию США в вопросе соблюдения прав человека очень шаткой.

Включение в МДТО положения о правах человека вызовет неприятие у многих государств мира. Учитывая, что критерии, по которым государству следует отказать в поставках оружия, очень расплывчаты, значительная часть государств мира может оказаться в зоне риска. Фактически поставки оружия станут в значительной мере зависеть от масштаба общественной кампании, которую можно инициировать по любому факту нарушения прав человека: разгон демонстрации, случайный авиаудар по мирным жителям, недемократические выборы. С большой долей вероятности вопрос о правах человека вызовет горячие дебаты в ООН.

Уже сегодня неправительственные организации, понимая, что права человека могут быть не упомянуты в договоре вовсе, согласны на формулировку «серьезные нарушения прав человека». Такое расплывчатое определение априори исключит возможность достижения согласия по оценке связанных с этими нарушениями событий в мире.

В качестве компромиссного варианта, возможно, придется ограничить применение критерия соблюдения прав человека только к тем вооружениям, которые могут использоваться для нарушения прав человека: стрелковое оружие, полицейское снаряжение, возможно, вертолеты.

Остальные пункты, включенные в принцип соблюдения международных юридических обязательств и всеобщих норм, не представляют серьезных проблем для позиций России. Дестабилизирующие поставки или трансферты вооружений, угрожающие безопасности в регионе, – это аморфные определения, которые каждая сторона вольна трактовать в свою пользу, что мы регулярно наблюдаем в повседневной действительности. В ближайшие годы прийти к единому пониманию этих терминов представляется невозможным. Например, Россия считает, что базирование в Черном море американских кораблей, оснащенных комплексами ПРО, и размещение американских противоракет в Польше, радаров в Чехии, а также систем ПВО в Румынии подрывают региональную стабильность. Однако США уверяют в обратном.

Власти Китая полагают, что продажа американского оружия Тайваню дестабилизирует ситуацию в регионе, но США убеждены, что укрепляют ее³⁴.

Включение этого пункта в МДТО создаст новые возможности для России, поскольку будет способствовать формированию международной площадки, где российские власти смогут озвучить собственные озабоченности, связанные с избыточными поставками оружия. Такая потребность существовала, например, в преддверии военного конфликта с Грузией. Возможно, войны бы не случилось, если бы стремительная милитаризация этой страны стала предметом серьезного обсуждения на международном уровне³⁵.

Следующий принцип, закладываемый в МДТО, – разработка механизмов, обеспечивающих соблюдение договора, который предусматривает:

- анализ данных и публикацию всестороннего годового доклада государства-участника,
- проведение регулярных встреч между странами-участницами и создание официального механизма рассмотрения «озабоченностей»,
- разработку механизмов мониторинга и проверки соблюдения договора,
- разработку положения о рассмотрении и урегулировании споров и применении санкций.

Этот принцип с большой долей вероятности вызовет отторжение у большинства государств – получателей вооружений, так как механизм мониторинга и проверки будет касаться в первую очередь именно их. Многие страны не готовы подписаться под этим принципом из-за желания сохранить военные секреты. Другие государства не пожелают допустить иностранных инспекторов и позволить им вести следственные действия на своей территории. Инспекции и мониторинг представляют наибольшее неудобство получателям вооружений. Без сомнения, эта идея при детальном обсуждении вызовет мощное противодействие как тоталитарных, так и демократических государств.

Можно ожидать, что этот принцип вызовет неприятие и в США (где имеется огромное количество сообщений о нарушениях при поставках оружия национальной гвардии Ирака и войскам Афганистана)³⁶. Сегодня возможность одобрения этой идеи консенсусом (решение о вступлении МДТО в действие согласно утвержденной процедуре должно приниматься именно консенсусом) выглядит маловероятной.

Но главный вопрос – состоится ли МДТО хоть в какой-то форме, в значительной мере зависит от того, присоединятся ли к договору две державы: Россия и Китай. Все прочие государства из списка *скептиков* являются в основном либо импортерами вооружений (а стало быть, зависимы от поставщиков), либо такими экспортерами, к которым у мирового сообщества претензий нет (например, Индия).

Предварительно можно предположить такие виды развития событий вокруг МДТО:

- Вассенаарский сценарий – новый договор фактически становится закрытым клубом производителей оружия, каким сегодня являются объединяющие 42 страны Вассенаарские соглашения. В рамках Вассенаара происходит внутренний закрытый обмен информацией о положении в различных регионах мира, об отказе в поставках оружия. Члены клуба формируют контрольные списки чувствительных товаров и технологий, которые действуют в отношении государств, не входящих в Вассенаар. Вассенаарские договоренности, фактически, стали новой версией печально известного гражданам СССР Координационного комитета по экспортному контролю (КОКОМ), т.е. режима, который сдерживал технологическое развитие не вошедших в клуб государств. Примечательно, что Китай не входит в Вассенаар, хотя китайские власти настойчиво добиваются членства.

Вассенаарский билет открывает доступ к закрытой информации, которой обмениваются между собой члены сообщества. Еще важнее: Вассенаарский клуб дискриминационно разделил мир на тех, кто вошел в круг избранных, и тех, чье поведение в этом кругу принято обсуждать.

Этот сценарий маловероятен, поскольку Вассенаарский принцип элитарности противоречит принципу массовости, являющемуся основой МДТО.

- Путь Всемирной торговой организации – страны Евросоюза и США формируют широкую ассоциацию, участие в которой подразумевает соблюдение принятых в Евросоюзе стандартов в торговле оружием. Неучастие в организации по тор-

говле оружием ведет к ограничению возможностей на других рынках: продовольственных товаров, телекоммуникационных услуг, космических запусков.

Не присоединившиеся государства подвергаются ограничениям на всех товарных рынках, их торговля оружием подвергается исследованиям и критическим оценкам на предмет возможного соответствия принятым в ассоциации критериям.

- Путь *FATF* (Международная группа по борьбе с финансовыми злоупотреблениями) – участники соглашения формируют межправительственную организацию, которая вырабатывает и реализует коллективные правила торговли оружием, следит за реализацией правил всеми участниками соглашения. Злостные нарушители правил попадают в черный список.

Попадание в черный список за нарушение правил торговли оружием влечет установление более пристального контроля за финансовыми и транспортными операциями. Опыт *FATF* показал, что все 23 страны-нарушительницы в короткий срок предпочли выполнить все рекомендации организации и были исключены из черного списка³⁴.

- Путь Госдепартамента США – участники договора вводят адресные санкции против провинившихся внешнеторговых компаний. Этот сценарий становится опасен для России: концентрация функций ВТС в руках одной госкомпании делает российскую систему экспорта оружия легко уязвимой (достаточно ввести санкции только против одной российской организации – ФГУП *Рособоронэкспорт* – и весь военный экспорт России будет парализован). Последние стремления Минобороны РФ закупать вооружения за рубежом создают большое поле риска как для отечественного ОПК, так и зарубежных партнеров, в том числе в странах НАТО³⁵.
- Путь Киотских соглашений – МДТО превращается в площадку для обсуждения правил в торговле оружием. Достигнуть установления единых правил не удается, но мировая общественность получает возможность для обсуждения проблемных вопросов на высоком уровне.

З
И
Л
А
Н
А

СТЕЗЕЙ РОССИЙСКОЙ САМОСТИ

Политика США в области контроля над поставками вооружений – это не просто политика двойных стандартов, она циничная и даже вызывающая.

Постоянный представитель РФ при НАТО Д.О. Рогозин³⁶

В сфере контроля над экспортом вооружений Россия также уверенно и бескомпромиссно *гнет свою линию* без оглядки и даже вопреки позиции США⁴⁰ и Евросоюза⁴¹. После объявления западных санкций в отношении Венесуэлы⁴² Россия выдает этой находящейся на грани дефолта стране гигантский оборонный кредит и в упор не желает видеть разворачивающуюся на глазах мирового сообщества гонку вооружений Венесуэла–Колумбия.

Премьер-министр В.В. Путин объясняет российскую позицию в подобных вопросах так: «Если США не хотят поставлять вооружение в другие страны, в частности в Венесуэлу, то для нас это хорошо. Пускай и дальше не поставляют. Свято место пусто не бывает»⁴³.

В ответ на санкции против российских предприятий штатные *ньюсмейкеры* почти с радостью сообщают, что все это проявления нечестной конкуренции и что санкции не причинят российским компаниям ущерба, ибо эти компании не ведут никакой коммерции в США.

В свете подобного твердого настроя на отстаивание завоеваний и развенчание происков трудно не только достичь взаимопонимания с иностранными партнерами, но неудобно даже вести речь о возможности взаимопонимания.

В вопросах торговли оружием медийные сообщества России и остального мира расходятся в противоположные углы ринга и смотрят друг на друга из этих углов со взаимным недоверием. Недоверие порождает мифы. Вот некоторые глубоко укоренившиеся в различных СМИ суждения о торговле оружием:

Таблица 1.

Западные представления о торговле оружием:	Российские представления о торговле оружием:
Торговля оружием очень прибыльна: по доходности она сопоставима с торговлей наркотиками	Экспорт вооружений позволяет российской оборонной промышленности держаться на плаву
Россия ведет агрессивную политику по захвату рынков вооружений	Запад пытается вытеснить Россию с традиционных рынков оружия, используя нечестную конкуренцию и политическое давление
Международные запреты на поставки вооружений не соблюдаются	Международные запреты на поставки вооружений не дают эффекта
Россия – главный поставщик оружия на нелегальные рынки	Россия строго выполняет международные договоренности и жестко контролирует экспорт вооружений. Ряд западных стран незаконно производит клоны российского оружия. Запад не хочет замечать эту проблему
Россия поставляет вооружения странам, нарушающим права человека, и странам-изгоям	Россия строго выполняет международные договоренности и жестко контролирует экспорт вооружений
Все крупнейшие <i>оружейные бароны</i> в мире – россияне	Российское законодательство запрещает российским физическим лицам заниматься торговлей оружием
Российский экспорт вооружений засекречен и непрозрачен	Россия регулярно и пунктуально отчитывается об экспорте вооружений перед международными организациями
Российская общественность и Госдума не могут ни контролировать, ни влиять на экспорт вооружений	Хотя Госдума не принимает участие в согласовании оружейных сделок, в России существует государственная монополия на продажу оружия и действует президентская система контроля

Сегодня Россия никому не позволяет нарушить святость сферы оружейного экспорта и готова рисковать для этого любыми политическими ресурсами и даже репутацией.

Присоединившись к инициативе МДТО или отвергнув ее, Россия, как член Совета Безопасности ООН, оставит за собой право вето на любые ограничения. Но отказ от участия в договоре будет автоматически означать, что Россия становится мишенью для мирового общественного мнения, что пока не очень затрагивает руководство нашей страны.

Неучастие в МДТО не будет выглядеть сюрпризом, наоборот, оно кажется вполне ожидаемым. Неправительственные организации на этот случай уже запустили в оборот термин *тирания меньшинства*.

Пока США выступали против МДТО, Россия могла оставаться в тени мирового лидера оружейных продаж. Администрация Барака Обамы поменяла позицию США в вопросах Договора с минуса на плюс, и это резко изменило баланс сил. Список государств, причисляемых к противникам инициативы, сузился, но Россия стоит в нем на первом месте.

Заслуженно ли будет для России выпить всю чашу глобального общественного порицания в то время, когда в реальности проступки нашей страны в области экспорта воору-

жений совсем не столь велики, как принято думать, а достижения в сфере экспортного контроля скорее неизвестны, чем недооценены в силу упомянутой традиции взаимного *медийного игнорирования*?

В сущности, в МДТО нет практически ничего, что могло бы поколебать устои российской сферы военно-технического сотрудничества. При определенных условиях Россия могла бы оказаться и флагманом движения за принятие этого договора, точно так же, как многие из сегодняшних глашатаев этой инициативы могли *включить заднюю скорость* вчера либо могут *включить* ее завтра.

Даже при демократической администрации США занимают в отношении Договора довольно спорную с точки зрения европейцев позицию. США не готовы принять запрет на продажу вооружений негосударственным брокерам; они не согласны с тем, что МДТО будет носить юридически обязывающий характер; они против ряда ограничений в области передачи вооружений.

На этом фоне российские предложения по совершенствованию сферы торговли оружием могли бы выглядеть революционнее европейских инициатив:

- ☐ установление государственной монополии на экспорт вооружений,
- ☐ усиление контроля за реэкспортом продукции военного назначения (ПВН),
- ☐ введение практики проверки экспортером условий хранения и целевого использования импортером наиболее чувствительных видов ПВН, например, переносных зенитно-ракетных комплексов (ПЗРК),
- ☐ отказ от продажи оружия негосударственным брокерам,
- ☐ прекращение производства ПВН по истекшим лицензиям или без лицензий стран-владельцев технологии его производства.

Следует заметить, что, хотя наша страна считается вторым крупнейшим экспортером вооружений в мире, эксперты предрекают, что через 10 лет многие сегодняшние импортеры превратятся в экспортеров: Китай, Бразилия, Индия, Южная Корея будут теснить сегодняшних лидеров рынка. Контроль МДТО над трансфертом технологий может замедлить этот процесс и в некотором роде законсервировать благоприятную для России ситуацию.

ВЛАСТЬ И СВЯТОСТЬ

Благотворный процесс глобализации постепенно лишает конкретные государства их священного суверенитета⁴⁴.

Збигнев Бжезинский

Вопрос о торговле оружием выходит далеко за рамки обсуждения международных трансфертов вооружений. В понимании многих государственных режимов это заслуженно выглядит покушением на святое – выносом на международное обсуждение вопроса о легитимности власти.

Для некоторых государств МДТО может действительно закрыть перспективы для пополнения arsenалов и этим внести коррективы в, казалось, незыблемые принципы Устава ООН, включая право на самооборону, суверенное равенство всех членов Организации, невмешательство во внутренние дела государств.

Практически любой режим, который сегодня не относится к демократическим, попадает в зону риска.

Хотя МДТО не может стать инструментом установления эмбарго и введения санкций против конкретных государств. Эта функция сохранится за Советом Безопасности ООН. В рамках договора планируется сформировать секретариат, который будет собирать, анализировать и публиковать информацию, готовить предложения по принятию кон-

кретных мер. Этот механизм позволит мировой общественности активно вмешиваться в торговлю оружием, выносить на обсуждение государств собственные инициативы и разбирать в деталях конкретные факты спорных оружейных поставок.

Очевидно, что обсуждение МДТО поставит на повестку дня и другие чувствительные вопросы: например, союзнические обязательства России в отношении стран ОДКБ; либо – такие же обязательства НАТО в отношении Грузии; США – в отношении иракских и афганских вооруженных сил, теряющих полученные вооружения в большом количестве. Для глубоко политизированной сферы торговли оружием трудно подобрать единую меру, отделяющую достаточное оружие от избыточного.

Например, вопрос о поставках американского оружия Тайваню, рассмотренный через призму МДТО, приобретает особую пикантность. Непризнанное ООН правительство Тайваня не имеет официального статуса, и американское оружие стоимостью в миллиарды долларов формально поступает в адрес негосударственного получателя.

Войну России с Грузией можно рассматривать как почти хрестоматийный пример наращивания *дестабилизирующих накоплений вооружений* при попустительстве международного сообщества.

Только в 2007 г.⁴⁵ по данным самой Грузии, представленным в Регистр, было закуплено 80 единиц тяжелой бронетехники, 10 тяжелых артиллерийских систем, 8 учебно-тренировочных самолетов L-39, около 11 тысяч ракет и ракетных пусковых установок, более 20 тысяч локальных систем оповещения (ЛСО) разных категорий. Военные расходы Грузии за период с 2000 по 2007 г. увеличились в 61,3 раза (15 млн долл. в 2000 г. и 920 млн долл. в 2007 г.)⁴⁶. Общий объем американского пакета чрезвычайной помощи Тбилиси уже после конфликта должен составить 1 млрд долл.

Накануне войны Россия неоднократно обращалась к международному сообществу с требованием остановить милитаризацию кавказского государства. За исключением Израиля, сделавшего определенные заявления о необходимости более осторожного и строгого подхода в отношении поставок ПВН в Грузию⁴⁷, немногие государства позитивно отреагировали на озабоченности и предупреждения России⁴⁸.

Возможно, что после августовских событий 2008 г. на Кавказе *уроки грузино-осетинского конфликта* заставят Россию пересмотреть свои позиции относительно необходимости разработки всеобъемлющего договора о контроле за торговлей обычными вооружениями, включая ЛСО.

События последней кавказской войны, с одной стороны, демонстрируют пример низкой эффективности существующих международных механизмов контроля за распространением обычных вооружений. С другой стороны, они же служат аргументом в пользу необходимости создания действенного инструмента предотвращения подобного резкого наращивания вооружений в регионе.

Если бы МДТО существовал в 2007 г., у России были бы дополнительные возможности достучаться до правительств, а также мирового общественного мнения и остановить милитаризацию режима Михаила Саакашвили. В рамках Договора был бы подготовлен и опубликован соответствующий доклад об опасном накоплении оружия в регионе. В соответствии с действующим в рамках МДТО порядком Россия смогла бы обсудить проблему в двустороннем формате Россия–Грузия, а следом вынести ее на широкое обсуждение.

При этом следует признать, что эффективность МДТО даже в случае его принятия не гарантирована, ведь примерно такие меры принимала Россия накануне войны и в отсутствие МДТО: обращалась в международные организации, апеллировала к международным соглашениям. С молчаливого одобрения главного спонсора грузинской милитаризации – США – ответ со стороны основного поставщика оружия в Грузию – Украины – был таким: «Грузия не находилась и не находится под соответствующими санкциями или эмбарго Совета Безопасности ООН, ОБСЕ, Европейского Союза и других международных организаций. Все военно-техническое сотрудничество с Грузией Украи-

на проводила в полном соответствии с нормами международных режимов экспортного контроля и национального законодательства»⁴⁹. Украинские власти, в свою очередь, обвиняли Россию в незаконных поставках оружия на Кавказ⁵⁰.

Россия в ответ аналогичным образом парировала обвинения в свой адрес по поводу поставок оружия Ирану: «Поскольку Иран не находится под санкциями, ничто не препятствует продолжению ВТС с Ираном по тем направлениям, которые интересны прежде всего и России, и Ирану»⁵¹.

Не имея желания договариваться, стороны обвиняют друг друга в *политике двойных стандартов* – т.е. в политике, когда оценка действий и событий зависит от политической целесообразности, и в результате все события истолковываются в свою пользу.

Даже самый сильный текст Договора не гарантирует, что при определенных условиях МДТО из инструмента прозрачности и согласия не превратится в инструмент закрытости и раздора, т.е. возможно повторение ситуации, когда стороны будут использовать букву юридического документа для обоснования взаимных претензий. Кроме того, принятие МДТО может спровоцировать всплеск конспирологии, попыток засекретить состоявшиеся или планируемые оружейные сделки, когда партнеры по оборонным контрактам начнут сепаратно согласовывать декларируемые и утаиваемые от международных отчетов поставки.

БРЕМЯ НАДЕЖД

*Надеемся, что анализ мнений государств поможет
высветить все противоречия и сложности задачи
установления глобального контроля за передачами оружия
и определить пути укрепления существующих механизмов
в этой области, а возможно, и выработки новых.*

Российская официальная позиция по МДТО, апрель 2007 г.

За последние 65 лет международное сообщество многое сделало для обеспечения контроля и регулирования вооружений. Однако говорить об успехах пока рано, в мире глобального регулирования рынков сфера торговли оружием остается единственной, где отсутствуют единые правила. В настоящее время стандарты национального контроля в отношении международной торговли обычными вооружениями существенно различаются. Некоторые страны имеют хорошо разработанный механизм контроля над поставками и жесткую систему обеспечения выполнения на местах. Другие имеют хорошо прописанные процедуры контроля, но слабые механизмы их исполнения; третьи же практически не имеют никакого контроля.

Учитывая международный характер торговли оружием, а также относительную легкость транспортировки оружия, можно констатировать, что сегодня не существует универсального способа эффективного предотвращения безответственных или незаконных поставок оружия, в том числе поставок, нарушающих международные или региональные эмбарго.

Такая ситуация будет сохраняться, пока действующие обязательства государств не будут сведены в один всеобъемлющий документ, а стандарты, которые они согласились соблюдать, не будут определены в рамках универсальной прозрачной системы, единой для всех стран.

Хочется верить, что Россия не *останется на обочине* этого движения. В конце концов, недавно принятая военная доктрина России декларирует, что одной из основных задач РФ по сдерживанию и предотвращению военных конфликтов является «заключение и реализация соглашений в области контроля над обычными вооружениями, а также осуществление мер по укреплению взаимного доверия»⁵².

Примечания

- ¹ Документ ООН A/64/153, 2009, 19 июля.
- ² Официальные данные ООН о военных расходах за 2009 г. появятся не раньше октября-ноября 2010 г.
- ³ Tjäder Thomas. The Swedish Inspectorate of Strategic Products Export Control Operations – Transparency and Credibility: Challenges and Options. Международный практический семинар «Выполнение обязательств по контролю над передачами вооружений: обмен информацией, транспарентность и предотвращение попадания в руки несанкционированных пользователей», 2008, 12–13 марта.
- ⁴ Еженедельный обзор российской и зарубежной прессы. *Военно-Техническое Сотрудничество*. 2009, № 18–19 (660). С. 7–8.
- ⁵ Clinton Hillary. U.S. Support for the Arms Trade Treaty. US Department of State, 2009, October 14, <http://www.state.gov/secretary/rm/2009a/10/130573.htm> (последнее посещение – 11 июня 2010 г.).
- ⁶ Arms Trade Treaty Information Portal, United Nations Office for Disarmament Affairs, <http://www.un.org/disarmament/convarms/ArmsTradeTreaty/html/ATT.shtml> (последнее посещение – 12 июля 2010 г.).
- ⁷ Документ ГА ООН A/C.5/63/10.
- ⁸ ATT resolution: How did your country vote? IANSA, <http://www.iansa.org/un/1com09-results.htm> (последнее посещение – 11 июня 2010 г.).
- ⁹ Бэнкси. Вифлеем, Западный Берег реки Иордан, декабрь 2007 г.
- ¹⁰ Tauscher Ellen. Under Secretary for Arms Control and International Security. Carnegie Endowment For International Peace. 2010, <http://www.state.gov/secretary/rm/2009a/10/130573.htm> (последнее посещение 11 июня 2010 г.).
- ¹¹ Standing Guard: The First Step In Trampling Our Rights, *NRA Political Victory Fund*, 2010, January 23, <http://www.nrapvf.org/News/Article.aspx?ID=401> (последнее посещение – 11 июня 2010 г.).
- ¹² Вторая поправка входит в Билль о правах. Она была принята Конгрессом в 1789 и ратифицирована в 1791 г.
- ¹³ Полные тексты всех полученных ответов имеются на веб-сайте Управления ООН по вопросам разоружения, <http://disarmament.un.org/cab/ATT> (последнее посещение – 11 июня 2010 г.).
- ¹⁴ Мнение Российской Федерации относительно осуществимости заключения, сферы применения и набросков параметров всеобъемлющего юридически обязательного документа об установлении общих международных стандартов в отношении импорта, экспорта и передачи обычных вооружений. 2007, <http://www.mid.ru/ns-dvbr.nsf/1fd1aeae620b1382c32576950034d50a/33b2094baf65effbc3257695004f9261?OpenDocument> (последнее посещение – 16 июня 2010 г.).
- ¹⁵ ООН объединяет 192 государства-участника.
- ¹⁶ Документ ГА ООН A/62/278 (Part II). Начиная с первого доклада в 1999 г., Замбия подает в Регистр ООН отчеты такого содержания: экспорт – отсутствует, импорт – отсутствует.
- ¹⁷ Global Partnership Working Group, Annual Report 2009. Проект предполагает проведение уставочного мероприятия, шести региональных семинаров и заключительного семинара для изложения общих итогов, а также встречи на полях Первого комитета 64-й сессии Генассамблеи ООН.
- ¹⁸ Регистр ООН по обычным вооружениям был создан в соответствии с резолюцией ГА ООН 46/36 L от 9 декабря 1991 г., озаглавленной как транспарентность в вооружениях.
- ¹⁹ United Nations Register of Conventional Arms, 2005, 05 January, <http://www.un.org/disarmament/convarms/Register/DOCS/RegisterParticipationCY92-08.pdf> (последнее посещение – 16 июня 2010 г.).
- ²⁰ Документ ГА ООН A/64/296.
- ²¹ Документ ГА ООН A/64/135, 2009, 19 августа. Документ ГА ООН A/64/135/Add.1, 2009, 11 сентября.
- ²² Согласно документу СБ ООН от 19 марта 2010 г. № S/PV.6288 (Resumption 1) в 2008 г. в мире уже находилось в обороте 870 млн единиц огнестрельного оружия, в результате применения которых ежегодно погибает 740 тыс. человек.

- ²³ Данные в Регистр об экспорте поставляются с согласия страны-получателя, если иное не оговорено в контракте.
- ²⁴ Постановление Правительства РФ, 6 июля 2001 г. № 556. О реализации рамочного документа Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе «О легком и стрелковом оружии» и о порядке предоставления Российской Федерацией информации, предусмотренной этим документом.
- ²⁵ Анализ по данному и другим разделам статьи подготовлен в рамках проекта РГНФ № 09–03–00807 а/Р.
- ²⁶ *Biting the Bullet Red Book on Global implementation of the PoA*, 2006.
- ²⁷ Ю. И. Костенко считает, что Украина имеет право продавать свое оружие Грузии, которая никогда не находилась под санкциями ООН, *Хрещатик*. 2009, 9 сентября, <http://www.kreschatic.kiev.ua/ru/3599/news/1257519346.html> (последнее посещение – 16 июня 2010 г.).
- ²⁸ Постановление Правительства РФ от 17 марта 2009 г. № 238. О внесении изменений в Положение об осуществлении контроля за выполнением уполномоченными органами иностранных государств обязательств по целевому использованию отдельных видов продукции военного назначения, поставляемой из Российской Федерации, <http://www.fsvts.gov.ru/materials/443250E345B21929C32575F900480A9C.html> (последнее посещение – 16 июня 2010 г.).
- ²⁹ The Russian initiative to improve transparency and responsibility in the transfer of MANPADS. Международный практический семинар «Выполнение обязательств по контролю над передачами вооружений: обмен информацией, транспарентность и предотвращение попадания в руки несанкционированных пользователей», 2008, 12–13 марта.
- ³⁰ Федеральный закон от 7 мая 2009 г. № 85-ФЗ. О ратификации Второго протокола о внесении дополнений в Соглашение об основных принципах военно-технического сотрудничества между государствами – участниками Договора о коллективной безопасности от 15 мая 1992 года и Второго протокола о внесении дополнения в Протокол о порядке осуществления контроля за целевым использованием продукции военного назначения, поставляемой в рамках Соглашения об основных принципах военно-технического сотрудничества между государствами – участниками Договора о коллективной безопасности от 15 мая 1992 года, <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/195450/> (последнее посещение – 16 июня 2010 г.).
- ³¹ А. Обязательства, принятые в соответствии с Уставом ООН, в том числе:
- (i) обязательные для исполнения резолюции Совета Безопасности, в частности налагающие эмбарго на поставки оружия;
 - (ii) запрет на создание угрозы и применение силы;
 - (iii) запрет на вмешательство во внутренние дела другого государства.
- В. Все остальные договоры и решения, обязательные для исполнения государством, включая:
- (i) обязательные для исполнения решения, включая эмбарго, наложенные соответствующей международной, многосторонней, региональной и субрегиональной организацией, в которую входит страна;
 - (ii) запреты на передачу оружия, вытекающие из отдельных договоров, участником которых является государство (например, Конвенции ООН 1980 года о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие).
- С. Общепринятые и обязательные для исполнения принципы международного гуманитарного права, включая:
- (i) запрет на использование оружия избыточного поражения, применение которого влечет за собой излишние страдания;
 - (ii) запрет на вооружения и боеприпасы, при применении которых невозможно провести различие между участниками боевых действий и мирным населением.
- ³² Напр., Указ Президента РФ от 18 февраля 1993 г. № 235 «О порядке введения эмбарго на поставку вооружения и военной техники, оказание услуг военно-технического характера, а также на поставку сырья, материалов, оборудования и передачу технологий военного и двойного назначения зарубежным государствам, в том числе участникам СНГ», указы о мерах выполнения резолюций СБ ООН: от 6 марта 2001 г. № 266 (по резолюции СБ ООН 1333 от 19 декабря 2000 г.), от 18 августа 2003 г. № 968 (по резолюции СБ ООН 1483 от 22 мая 2003 г.), от 22 октября 2004 г. № 1349 (по резолюции СБ ООН 1556 от 30 июля 2004 г.), от 2 февраля 2005 г. № 117 (по резолюции СБ ООН 1572 от 15 ноября 2004 г.), от 8 марта 2005 г. № 263 (по резолюции СБ ООН 1579 от 21 декабря 2004 г.), от 24 июня 2005 г. № 719 (по резолюции СБ ООН 1591 от 29 марта 2005 г.), от 27 мая 2007 г. № 665 (по резолюции СБ ООН 1718 от 14 октября 2006 г.), от 28 ноября 2007 г. № 1593 (по резолюциям СБ ООН 1737 от 23 декабря 2006 г.

и 1747 от 24 марта 2007 г.), от 5 мая 2008 г. № 682 (по резолюции СБ ООН 1803 от 3 марта 2008 г.), а также Указ Президента РФ от 16 января 2009 г. № 64с «О мерах по запрещению поставок Грузии продукции военного и двойного назначения».

³³ Venezuela-Russia arms deals unleash turbulence in the region. *El Universal*. 2010, 9 апреля, http://english.eluniversal.com/2010/04/09/en_ing_esp_venezuela-russia-arm_09A3718293.shtml (последнее посещение – 16 июня 2010 г.).

³⁴ U.S. seeks calm as China fumes over Taiwan arms. *Reuters*. 2010, 1 февраля, <http://www.reuters.com/article/idUSTRE6100C720100201> (последнее посещение – 16 июня 2010 г.).

³⁵ Не сработали в том числе и Вассенаарские договоренности (ВД), ставящие основной целью «содействие региональной и международной безопасности и стабильности путем повышения транспарентности и ответственности в области передач обычных вооружений, товаров и технологий двойного применения, чтобы препятствовать таким образом дестабилизирующим накоплениям». На последнем пленарном заседании ВД (декабрь 2009 г.) Россия в очередной раз ставила вопрос продолжающейся ремилитаризации Грузии, в том числе при участии некоторых стран ВД, <http://www.mid.ru/ns-dvbr.nsf/> (последнее посещение – 16 июня 2010 г.).

³⁶ Report: Pentagon lost almost 200,000 weapons in Iraq. *CNN*. 2007, August 7.

³⁷ High-risk and non-cooperative jurisdictions. *FATF*, http://www.fatf-gafi.org/pages/0,3417,en_32250379_32236992_1_1_1_1,00.html (последнее посещение – 16 июня 2010 г.).

³⁸ За последние 15 лет Госдепартамент США вводил санкции против российских предприятий более 30 раз.

³⁹ США ввели новые односторонние санкции против Рособоронэкспорта. *LentaCom.ru*. 2008, 27 октября, <http://www.lentacom.ru/reviews/482.html> (последнее посещение – 16 июня 2010 г.).

⁴⁰ U.S. Policy and the Arms Trade Treaty. Roundtable Towards a Global Arms Trade Treaty (ATT) What role for the United States? 2010, February 18, Carnegie Endowment for International Peace. Washington, DC., <http://www.pircenter.org/index.php?id=3526> (последнее посещение – 12 июля 2010 г.).

⁴¹ Дальнейшие шаги навстречу Международному договору о торговле оружием. Заявление представителя Российской Федерации, завершающий семинар по МДТО, проводившийся ЕС и UNIDIR в Вене, 2010 г., 12 февраля, <http://www.pircenter.org/index.php?id=3526> (последнее посещение – 12 июля 2010 г.).

⁴² Россия даст Венесуэле кредит в 2,2 млрд. долларов на покупку собственных вооружений. *РИА Новости*, 2009, 14 сентября, http://naviny.by/rubrics/abroad/2009/09/14/ic_news_118_317505/ (последнее посещение – 12 июля 2010 г.).

⁴³ Путин из Венесуэлы намекнул для США: свято место пусто не бывает. *Курск МВ*. 2010, 03 апреля, <http://mvkursk.ru/topnews/14183.html> (последнее посещение – 16 июня 2010 г.).

⁴⁴ Бжезинский Збигнев. Выбор: мировое господство или глобальное лидерство. М., 2005. С.175–176.

⁴⁵ За 2008 г. Грузия в Регистр данных не представила.

⁴⁶ Данилкович Дмитрий, Шварев Владимир. Региональный аспект мировых военных расходов, *Рынки Вооружений*. 2008, Т. 8, № 4, С. 13, 16.

⁴⁷ АРМС-ТАСС. 2008, 22 июля.

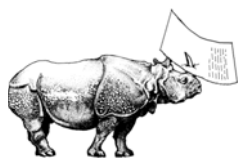
⁴⁸ Напр., стенографический отчет заседания СБ ООН от 10 августа 2008 г., выступление Постоянного российского представителя Виталия Чуркина. Документ ООН S/PV.5953.

⁴⁹ Обвинение Украины в якобы контрабандных поставках оружия в Грузию абсурдно, – СНБО. *Гуляй Поле*. 2008, 28 октября, <http://www.politua.su/polit/277.html> (последнее посещение – 16 июня 2010 г.).

⁵⁰ Украина обвиняет Россию в незаконных поставках оружия на Кавказ. *Интерфакс*. 2008, 24 октября, <http://news.mail.ru/politics/2120299> (последнее посещение – 16 июня 2010 г.).

⁵¹ Исайкин: Бахрейн для РФ – ворота к сотрудничеству в Персидском заливе. *РИА Новости*. 2010, 30 января, <http://www.rian.ru/interview/20100130/206953893.html> (последнее посещение – 16 июня 2010 г.).

⁵² Военная доктрина РФ, 2010, 5 февраля, http://news.kremlin.ru/ref_notes/461 (последнее посещение – 16 июня 2010 г.).

Алексей Громыко

ПРОЕКТ ПАНЪЕВРОПЕЙСКОЙ СИСТЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ: ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

На протяжении 2009 и 2010 гг. Москва пыталась продвигать проект Договора о европейской безопасности (ДЕБ). Дискуссии по поводу ДЕБ четко показали, насколько трудным будет путь его реализации. Впрочем, это обстоятельство может уже рассматриваться как положительный результат, ведь еще совсем недавно большинству экспертов в России и за рубежом идея ДЕБ казалась в принципе неосуществимой.

ИСТОРИЯ ВОПРОСА

За отправную точку рассмотрения российской инициативы возьмем состоявшееся в начале декабря 2008 г. заседание Совета министров иностранных дел ОБСЕ в Хельсинки, ведь именно тогда был дан старт институализации процесса ее согласования и отработки на общеевропейском уровне. Благоприятным для России фактором стал переход в 2009 г. поста страны-председателя ОБСЕ к Греции. Новый действующий председатель ОБСЕ, министр иностранных дел Дора Бакоянни, свой первый зарубежный визит в новом качестве совершила в Москву. На переговорах в Москве между С.В. Лавровым и Дорой Бакоянни вопрос о разработке ДЕБ занял важное место. Одним из их итогов стала предварительная договоренность о начале работы Ежегодной конференции ОБСЕ по обзору проблем в области безопасности (ЕКОБ) в июне 2009 г.

Подтверждение заинтересованности в проведении конференции удалось добиться и от Евросоюза на встрече С.В. Лаврова с внешнеполитической *тройкой* ЕС в феврале 2009 г. Российский министр повторил желание Москвы разрабатывать ДЕБ, используя все возможные площадки, включая ОБСЕ, диалог Россия–ЕС, Совет Россия–НАТО, форумы неправительственных организаций, экспертные сообщества.

Очевидным свидетельством повышения шансов начать серьезный общеевропейский диалог в области военно-политической безопасности стала 45-я Мюнхенская конференция, состоявшаяся в феврале 2009 г.¹. Практически все крупные политики, включая бывшего верховного представителя ЕС по вопросам внешней политики и безопасности, Хавьера Солану, и бывшего генерального секретаря НАТО, Яапа де Хооп Схеффера, выступили в пользу нормализации отношений с Россией. Говоря об идее ДЕБ, Хавьер Солана предложил формулу *Хельсинки плюс*. Таким образом, у концепции *Хельсинки-2* появилась альтернатива. В отношении берлинской инициативы Д.А. Медведева наиболее четко высказалась канцлер Германии Ангела Меркель. В своей речи она поддержала идею активного участия России в формировании архитектуры европейской безопасности, которая выстраивалась бы на базе сотрудничества между ЕС, организациями Европы по безопасности и Россией.

Развитие событий в 2009 г. в целом показало, что идея ДЕБ прочно заняла свое место в переговорной повестке дня по вопросам безопасности на евроатлантическом про-

И
И
Р
А
Т
Н
Е
М
О
К

странстве. Ее обсуждение проходило в разных многосторонних форматах, на политическом, дипломатическом, экспертном уровнях.

В конце концов, мяч оказался на стороне западных партнеров России. То, что он там застрял на значительное время, объясняется не только внутренними для Европы факторами, но, конечно же, и привходящими. Среди них главный – это *пересменка* в Вашингтоне и ожидание в Европе американского ответа на российскую инициативу. Признание министра иностранных дел Франции Бернара Кушнера, сделанное в январе 2009 г., что европейские государства не готовы принимать решения по важнейшим политическим вопросам до смены власти в США и занимают выжидательную позицию², является в данном случае весьма показательным. В своем послании Д.А. Медведеву в феврале 2009 г. Барак Обама ограничился туманным обещанием начать с Москвой *серьезный разговор* о форуме по европейской безопасности. На деле борьба в американских коридорах власти между противниками и сторонниками сближения с Россией достигла своего промежуточного результата лишь к лету 2009 г., когда *перезагрузка* была отмечена визитом в Москву американского президента. Но даже после этого отношение США к идее ДЕБ осталось в лучшем случае прохладным.

На Западе пока доминирует мнение, что именно *Хельсинки плюс*, т.е. повышение эффективности ОБСЕ, – максимально, на что может рассчитывать Москва. Проект же ДЕБ изначально строился на тезисе об атрофии ОБСЕ, которая рассматривалась лишь как один из треков для обсуждения и реализации Договора. Трудно сказать, насколько заявление Д.А. Медведева во время визита в Финляндию в апреле 2009 г. в Университете Хельсинки означало изменение российской позиции, или он вкладывает в обе формулы одинаковый смысл. Судя по выступлению С.В. Лаврова на 46-й Мюнхенской конференции в феврале 2010 г., в котором он повторил тезис об упущенном шансе на трансформацию ОБСЕ в 1990-е гг. в полноценную организацию по безопасности, Москва все же твердо стоит на формуле *Хельсинки-2*³.

Важную роль в институализации процесса обсуждения ДЕБ сыграла Ежегодная конференция по обзору проблем в области безопасности (ЕКОБ), стартовавшая в июне 2009 г. в Вене. Именно на ней в выступлении С.В. Лаврова произошло официальное представление российских идей по ДЕБ. Центральным разделом доклада российского министра стало изложение четырех основных смысловых блоков будущего Договора⁴. В итоге ранее высказываемые Москвой подходы приобрели структурированный вид. Это фактически позволило выйти на предметное обсуждение текста Договора.

Новизна российских предложений заключалась в том, что вместо созыва тематического панъевропейского саммита предлагалась встреча руководителей ОБСЕ, НАТО, ЕС, СНГ и ОДКБ. Встреча должна была произойти на основе платформы кооперативной безопасности, одобренной ОБСЕ в 1999 г. С одной стороны, Россия соглашалась перейти на пониженную скорость по достижению конечной цели, с другой, – подтверждала свою решимость не ограничивать обсуждения ДЕБ рамками ОБСЕ.

Поворотным пунктом в дискуссии о ДЕБ стала публикация *чернового* варианта текста Договора. После своего обнародования 29 ноября 2009 г. проект ДЕБ привлек большое внимание, вызвал многочисленные комментарии. Одни из них априори предвзятые, другие требуют разъяснений. Все чаще в критических замечаниях в адрес ДЕБ стал звучать тезис о том, что этот проект не реализуем, так как у России и Запада разное представление о сути безопасности. В подтверждение этого указывается на то, что Договор предлагается заключить лишь по *жесткой корзине*, т.е. по традиционным военным угрозам, тогда как другие государства оперируют понятием комплексной безопасности, включающим экономическую, гуманитарную и иные составляющие, как прописано в документах ОБСЕ.

Что касается подходов к концепции безопасности, то следует отметить, они у России принципиально не отличаются от подходов других стран и организаций. Достаточно ознакомиться со Стратегией национальной безопасности РФ, утвержденной 13 мая 2009 г. Основными критериями, по которым определяется состояние национальной безопасности, являются уровень безработицы, децильный коэффициент (соотношение

доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения), уровень роста потребительских цен, уровень государственного внешнего и внутреннего долга в процентном отношении от ВВП, уровень обеспеченности ресурсами здравоохранения, культуры, образования и науки в процентном отношении от ВВП⁵.

СООБРАЖЕНИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ И ПРИКЛАДНЫЕ

Настойчивость российской стороны в разъяснении своих позиций оставляла все меньше белых пятен в аргументации в пользу ДЕБ. Становилось очевидным, что продолжать критиковать российскую инициативу за легковесность и непродуманность становится все более неубедительным.

Москва постепенно корректировала свои позиции. В результате по большинству вопросов, изначально поставленных скептиками, появились вполне четкие ответы. Возьмем вопрос о *добавленной стоимости* ДЕБ, т.е. сомнения в востребованности новой структуры безопасности в Европе. Казалось бы, критики резонно ставят вопрос: зачем создавать новую структуру, если европейский континент насыщен уже существующими? Объяснение вполне убедительно: обязательства по имеющимся соглашениям выполняются селективно и не в полном объеме, и примеры отношения западных партнеров к выполнению ДОВСЕ или к своим обязательствам по Основополагающему акту 1997 г. показательны. Причем никто не собирается списывать со счетов накопленное наследие сотрудничества в области европейской безопасности и подменять, например, ДОВСЕ, Договор по открытому небу или Венский документ 1999 г. Вместо этого предлагается начать с того, чтобы провести инвентаризацию существующих обязательств в военно-политической области.

В статье 3 главы I «Кодекса поведения, касающегося военно-политических аспектов безопасности», принятого в Будапеште в декабре 1994 г. на 91-й сессии Специального комитета Форума по безопасности и сотрудничеству ОБСЕ, говорится, что государства-участники «убеждены, что безопасность неделима и что безопасность каждого из них неразрывно связана с безопасностью всех других государств-участников. Они не будут укреплять свою безопасность за счет безопасности другого государства...». В том же документе, в статье 12 главы IV заявлено: «Каждое государство-участник будет поддерживать лишь такой потенциал, который соизмерим с законными индивидуальными и коллективными потребностями в области безопасности, принимая во внимание свои обязательства по международному праву». А статья 13 гласит: «...Ни одно из государств-участников не будет предпринимать попыток добиться военно-политического господства над каким бы то ни было другим государством-участником».

Принцип неделимости безопасности, занимающий одно из ключевых мест в концепции ДЕБ, действительно, не нов (помимо Кодекса поведения, можно привести в пример Парижскую хартию 1990 г., Основополагающий акт 1997 г., Хартию европейской безопасности 1999 г.). Однако, с точки зрения Москвы, какой в этом толк, если на деле этот принцип не реализуется. Например, расширение НАТО или нератификация западными странами ДОВСЕ выхолащивают его, идя вразрез со статьями 12 и 13 Кодекса поведения. Следовательно, выход в том, чтобы заново провозгласить основополагающие принципы безопасности на общеевропейском пространстве, разбросанные в настоящее время по нескольким документам, и придать их исполнению юридическую силу по подобию уставных документов НАТО.

Важную роль играют не только концептуальные подходы России к обеспечению своей безопасности, но и предельно приземленные соображения. Многие критики идеи ДЕБ, в особенности – настойчивости Москвы в отстаивании необходимости юридически обязывающей формы Договора, намеренно или по незнанию игнорируют крайнюю озабоченность России происходящими в последние годы событиями у ее границ. Необходимо помнить, что президент Д.А. Медведев охарактеризовал угрозу включения Украины в НАТО как «экзистенциальную». Как многие в Европе не сразу поняли, какой шок испытали в США 11 сентября 2001 г., как это изменило представление американцев о собственной безопасности, так многие за рубежом до сих пор не осознают, как изме-

нилось представление России о собственной безопасности после грузинской агрессии в Южной Осетии. Д.А. Медведев сравнил последствия *пятидневной войны* для России с последствиями террористических атак на США. Тот, кто считает оба тезиса натянутыми и чрезмерными, не понимает ни всей специфики особых отношений между Украиной и Россией, за многие столетия накрепко вросших друг в друга, ни всей отчаянности положения, в котором оказалась Россия в ночь с 7 на 8 августа 2008 г.

Другой часто задаваемый вопрос: почему российская сторона настаивает на включении в Договор только проблематики *жесткой безопасности*? Потому что именно в сфере безопасности, в отличие от экономической и гуманитарной областей, прогресс в последние два десятилетия был скромным и, по меньшей мере, однобоким. Кроме того, если заключение юридически обязывающего договора даже по одной *корзине* ОБСЕ вызывает столько скепсиса, то какой смысл замахиваться на все три? В свете этого не более как формальной можно считать отсылку, используемую критиками ДЕБ, к статье 2 главы I Кодекса поведения, в которой сказано, что «государства-участники подтверждают актуальность своей всеобъемлющей концепции безопасности, впервые изложенной в Заключительном акте, которая устанавливает взаимосвязь между поддержанием мира и уважением прав человека и основных свобод...». Как констатация этот принцип ни у кого не вызывает возражений, под ним давно все подписались. Куда труднее облечь в юридическую форму хотя бы часть заявленного тезиса.

Российские переговорщики демонстрировали достаточную гибкость, проявляя готовность включить в повестку дня переговоров по ДЕБ темы новых угроз и *мягкой безопасности*, включая проблемы терроризма и пиратства, однако выступают против их чрезмерной рыхлости в случае подключения тематики экономической, энергетической или экологической безопасности. С другой стороны, российская сторона готова к тому, чтобы широко толковать саму *жесткую безопасность*, включив в нее проблематику оружия массового уничтожения, и, тем самым, сделать идею ДЕБ более привлекательной для заокеанских партнеров.

Примечания

¹ 45-я Мюнхенская конференция по безопасности: наступит ли «политическая весна»? *Компас*, № 7, 2009. С. 3–16.

² Б.Кушнер: У Европы нет самостоятельной внешней политики, 26.09.2008, URL: <http://top.rbc.ru/politics/26/09/2008/248274.shtml> (последнее посещение – 29 июля 2010 г.).

³ На 46-й Мюнхенской конференции по безопасности. *Компас*, № 7, 2010. С. 12.

⁴ Выступление министра иностранных дел России С.В. Лаврова на открытии Ежегодной конференции ОБСЕ по обзору проблем в области безопасности, Вена, 2009, 23 июня, www.mid.ru/brp_4.nsf/2fee282eb6df40e643256999005e6e8c/aded9c34ee795d2bc32575de003decd1?OpenDocument (последнее посещение – 29 июля 2010 г.).

⁵ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, 2009, 13 мая, <http://archive.kremlin.ru/text/docs/2009/05/216229.shtml> (последнее посещение – 29 июля 2010 г.).

График 1. Индекс международной безопасности *iSi*
(май–август 2010 г.)

- ➔ **Галия Ибрагимова. ИНДЕКС *iSi* В МАЕ–АВГУСТЕ 2010 Г.: ЛЕТО БЕЗ ЗАТИШЬЯ**
- ➔ **Юрий Федоров. ГЛАЗАМИ ЛИБЕРАЛА: РЕАЛЬНОСТЬ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ: СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИЛЛЮЗИЙ**
- ➔ **Дмитрий Евстафьев. ГЛАЗАМИ КОНСЕРВАТОРА: ЗАПОЗДАЛОЕ НАЧАЛО НОВОГО МИРОВОГО БЕСПОРЯДКА**
- ➔ **Ирма Аргуэльо, Евгений Бужинский, Дайан Джаятеллека, Пал Дунай, Андрей Кортуннов, Антонио Рамальо, Абдулазиз Сагер, Евгений Сатановский, Фарход Толипов, Наңдан Унникришнан, Константин фон Эгеррт. КОММЕНТАРИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКСПЕРТНОЙ ГРУППЫ**

Весной 2010 г. Индекс международной безопасности *iSi* демонстрировал динамику к снижению. На 1 апреля 2010 г. значение Индекса *iSi* составило **2901** пункт, что на 13 единиц ниже показателей последнего зимнего месяца. На 1 мая Индекс снизился еще на 10 пунктов и достиг отметки **2891** пункт. На 1 июня *iSi* был равен **2878** пунктам. В обзоре за данный период времени мы связываем снижение Индекса с политической нестабильностью, ростом военных и террористических угроз, отсутствием реальных позитивных сдвигов в разрешении большинства политических противоречий. Атака на международную гуманитарную флотилию, следовавшую в сектор Газа, осложнила процесс ближневосточного урегулирования. Неопределенность и военно-политическая напряженность в Афганистане оставили незамеченными результаты всенародной *Джирги мира*. Внутривнутриполитический кризис в Киргизии еще больше усугубил состояние безопасности в Центральной Азии. В середине лета ситуация несколько стабилизировалась и индекс начал расти. На 1 июля показатель *iSi* составил **2886** пунктов. На 1 августа показатель *iSi* составил **2920** пунктов, на 1 сентября – **2908** пунктов.

- **Иран.** 9 июня Совет Безопасности ООН ввел новые санкции в отношении Ирана. Они усилили давление на страну в военной, экономической, финансовой, энергетической и технической областях. Впервые в документе оговаривалось создание международного механизма мониторинга для контроля передвижения грузовых судов, если находящиеся на них грузы имеют отношение к ядерной и ракетной программам Ирана. Турция и Бразилия выразили озабоченность, что введенные санкции ставят под удар соглашение по обмену ядерным топливом, достигнутого ими с Ираном 17 мая 2010 г. Китай и Россия поддержали санкции с условием продолжить диалог по иранской ядерной программе. Предвещая дальнейшую *несговорчивость* Ирана, США и ЕС намерены утвердить односторонние санкции против ИРИ. Официальный Тегеран назвал принятые санкции ошибочными и, невзирая на международное давление, намерен продолжить развигивать свою ядерную программу.
- **Афганистан – Пакистан.** Уровень террористической и военной угрозы в Афганистане и Пакистане крайне высок. Нападение боевиков на две мечети в пакистанском Лохоре, ракетные обстрелы состоявшейся в Кабуле *Джирги мира*, произошедшая смена командования Международными силами содействия безопасности (ИСАФ) свидетельствуют, что ситуация в зоне конфликта остается сложной.

 Нандан Уникришнан (Индия), директор по евразийским исследованиям, старший научный сотрудник Исследовательского фонда Observer (Индия) – по электронной почте из Дели:

Уровень региональной безопасности в Южной Азии кардинальным образом не изменился. В восточном регионе Индии увеличилось число левозэкстремистских организаций, которые оказывают отрицательное воздействие на сопредельные страны. Военно-политическая напряженность в Непале, война в Афганистане – в числе негативных событий региона. Политическая стабилизация в Шри-Ланке оказала наиболее позитивное влияние на состояние безопасности в Южной Азии. В ближайшее время едва ли стоит ожидать каких-либо кардинальных изменений в регионе.

Вопросы национального примирения рассматривались в ходе состоявшейся 2–4 июня *Лойя Джирги* – всеафганского схода старейшин. По итогам *Джирги* была принята резолюция, призывающая талибов отказаться от насилия, порвать связи с *Аль-Каидой*, а также были очерчены общие принципы урегулирования ситуации в стране. В отсутствие делегатов от талибов *Джирга* так и не стала площадкой для отработки согласованных с представителями вооруженной оппозиции параметров инициативы по национальному примирению. 23 июня в Афганистане стартовала предвыборная кампания в нижнюю палату парламента. Парламентские выборы состоятся в стране 18 сентября.

- ❑ **Ближний Восток.** Намечившееся возобновление переговоров между Израилем и Палестинской национальной администрацией было сорвано в результате захвата 31 мая израильским спецназом гуманитарной флотилии, направлявшейся в сектор Газа с целью прорвать блокаду палестинского анклава. На борту флотилии находились правозащитники, в большинстве своем граждане Турции.

Действия Израиля возмутили мировое сообщество. Совет Безопасности ООН осудил Израиль и призвал к тщательному расследованию обстоятельств случившегося. С резкой критикой в адрес Израиля выступили США и ЕС. Отношения между Израилем и Турцией, уровень которых снижался на протяжении последних месяцев, оказались на грани разрыва. Египет в ответ на действия Израиля

открыл контрольно-пропускной пункт *Рафах* на границе с сектором Газа для доставки гуманитарной помощи в блокированный анклав. Инцидент стал причиной резкого обострения ситуации на Ближнем и Среднем Востоке.

В самом Израиле ситуацию с флотилией расценили как очередную провокацию. В середине июня Израиль согласился пойти на облегченный режим блокады сектора Газа, расширив список товаров для ввоза в анклав. Но речь пока не идет об изменениях в режиме морской блокады, которую Израиль ввел 3 года назад в ответ на захват власти в секторе Газа движением *ХАМАС*.

 Евгений Сатановский (Россия), президент Института Ближнего Востока – по электронной почте из Москвы:

Попытка альянса левых политиков, анархистских групп и радикальных исламистов организовать под патронажем Турции *Флотилию свободы* и спровоцировать турецко-израильский конфликт, истерическая реакция мирового сообщества на данный инцидент негативно отразились на состоянии безопасности на Ближнем Востоке. Ядерное соглашение Ирана, Турции и Бразилии обозначило альянс будущих нарушителей режима нераспространения. Санкции Совета Безопасности ООН против Ирана, жесткая критика со стороны руководителя движения *Нур Фетхуллаха* Гюлена и турецких СМИ антиизраильской позиции премьер-министра Турции Реджепа Эрдогана можно отнести к позитивным событиям в регионе. Дальнейшее развитие ядерной программы Ирана несомненно приведет к новому витку *ядерной гонки* на Ближнем Востоке. Обострится ирано-израильское и турецко-израильское противостояние. Продолжится конфронтация партий, пытающихся сформировать правительство в Ираке. Усилится конфликт в Сомали и влияние радикальных исламистов в Магрибе. Обострится противостояние Ирана с Египтом и Саудовской Аравией.

Ы
В
Р
О
С
О
С
З
С
Б
Е
О
Д
О
А
П
Х
Ы
В
О
А
Н
М

- ❑ **Корейский полуостров.** Военно-политическая напряженность на Корейском полуострове сохраняется. В мае в Южной Корее был опубликован доклад следственной группы, которая занималась расследованием причин гибели 26 марта южнокорейского корвета *Чхонан*. В докладе указывается, что корвет был уничтожен торпедой, выпущенной с подводной лодки КНДР. В ответ на обвинения КНДР разорвала все связи с Южной Кореей, вышла из соглашения между Севером и Югом о взаимном отказе от агрессии и привела войска в полную боевую готовность. В послании Совету Безопасности ООН Северная Корея предупредила, что примет *самые жесткие меры*, если международное сообщество признает версию Сеула о гибели корвета в Желтом море реально отражающей действительность. США продлили на год действие режима чрезвычайного положения в отношении КНДР.

Данным событиям предшествовал визит Ким Чен Ира в Китай, где северокорейский лидер изъявил готовность вернуться за стол переговоров по своей ядерной программе. Ситуация вокруг гибели корвета поставила под вопрос перспективы возобновления переговоров по денуклеаризации Корейского полуострова.

- ❑ **Таиланд.** *Краснорубашечники* по-прежнему требуют распустить парламент и объявить о проведении новых всеобщих выборов в стране. Демонстрации переросли в столкновения, в результате которых погибло около 40 человек. В Таиланде было введено чрезвычайное положение.

Для умиротворения ситуации правительство Таиланда разработало *дорожную карту*, в соответствии с которой всеобщие выборы состоятся 14 ноября 2010 г. После долгих дискуссий оппозиция согласилась принять эти условия, ситуация в стране стабилизировалась, но на протяжении лета продолжил действовать режим чрезвычайного положения.

- ❑ **Ирак.** Политический кризис в Ираке, вызванный неспособностью ни одной из партий, победившей на парламентских выборах весной 2010 г., сформировать правительство самостоятельно, частично разрешился летом. Возглавляемый премьер-министром Ирака Нури аль-Малики блок *Государство закона и Иракский национальный альянс шиитских религиозных партий* объявили о формировании крупнейшей парламентской коалиции. Новая шиитская коалиция имеет 159 из 325 мест в парламенте, а для формирования правительства необходимо 163 голоса. Летом в Ираке был зафиксирован самый высокий уровень терактов.

- ❑ **Стратегическая стабильность и ядерная безопасность.** Значимым событием мая 2010 г. стало принятие заключительного документа по итогам Обзорной конференции ДНЯО-2010. Этот документ подтвердил общую приверженность 189 стран – участниц конференции к укреплению международного режима

Андрей Картунов (Россия), президент фонда «Новая Евразия» – по телефону из Москвы:

Международная безопасность в мире ухудшилась. На глобальном уровне инцидент с гуманитарной флотилией и ситуация вокруг затопления южнокорейского корвета привели к снижению Индекса. В данной связи визит президента России Д.А. Медведева на Дальний Восток и проверка отлаженности системы безопасности становятся особенно актуальной задачей. На региональном уровне события в Киргизии резко дестабилизировали ситуацию, как в Центральной Азии, так и на всем пространстве СНГ. Позитивное влияние на состояние безопасности оказали успех российско-американского саммита и потепление российско-украинских отношений.

ядерного нераспространения и позитивно отразился на показателях Индекса. В принятой декларации содержится призыв к проведению в 2012 г. международной конференции по установлению на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного оружия и другого оружия массового поражения. Израиль негативно воспринял принятие данного документа.

Россия и США в течение лета продолжили консультации о синхронной ратификации договора о сокращении стратегических наступательных вооружений. Несмотря на неоднозначную реакцию некоторых американских конгрессменов на новый договор, по мнению сторон, ДСНВ может быть ратифицирован в сентябре-октябре 2010 г.

□ **Постсоветское пространство.**

Государственный переворот в Киргизии, переросший в столкновения на этнической почве, на протяжении весны-лета 2010 г. оставался в числе главных негативных событий на постсоветском пространстве. 19 мая в южных районах страны произошли межэтнические столкновения. Контроль над ситуацией был установлен с трудом. 11 июня, накануне открытия саммита ШОС в Ташкенте, на юге Киргизии вновь вспыхнули массовые столкновения между узбекской и киргизской диаспорами. Погромы фактически шли пять дней.

В стране была объявлена частичная мобилизация. Узбекистан вынужден был принять десятки тысяч беженцев. Участие других стран ограничилось оказанием гуманитарной помощи и проведением консультаций в рамках ОДКБ и других форматах. Жертвами столкновений, по официальным данным, стало более 250 человек, но власти признали, что их реальное количество может превышать несколько тысяч. Для стабилизации ситуации временное правительство заявило о намерении превратить Киргизию в государство с парламентской формой правления. 27 июня на референдуме временное правительство получило вотум доверия киргизских избирателей.

Вступление в должность нового президента Украины В.Ф. Януковича привело к улучшению российско-украинских отношений. Весной 2010 г. Россия и Украина подписали соглаше-

 Евгений Бужинский (Россия),
консультант ПИР-Центра – по телефону из Москвы.

Глобальная безопасность за прошедшие три месяца улучшилась. Относительным успехом завершилась Обзорная конференция ДНЯО. Участникам удалось, хотя бы формально, найти консенсус и принять согласованный итоговый документ. Избрание нового президента Украины и потепление российско-украинских отношений позитивно повлияли на региональную безопасность. Соглашение по продолжению базирования Черноморского флота РФ в Крыму после 2017 г. сняло множество вопросов в отношениях между странами. Появилась та ясность, которой так не хватало в течение последних 7–8 лет. Значимым событием стала интеграция России и Казахстана в рамках Таможенного союза. Не исключено, что в дальнейшем экономическое сближение стран может перерасти в военную плоскость. Трагические события в Киргизии с учетом узбекского фактора серьезно осложнили региональную ситуацию. Большие опасения вызывает дальнейшее развитие узбеко-киргизских отношений. Если Киргизии не удастся решить проблему самостоятельно, это чревато серьезными последствиями не только для Центральной Азии, но и всего постсоветского пространства.

А
В
Б
В
Г
Д
Е
Ж
З
И
К
Л
М
Н
О
П
Р
С
Т
У
Ф
Х
Ц
Ч
Ш
Щ
Ъ
Ы
Ь
Э
Ю
Я

ние по продлению базирования Черноморского флота РФ в Крыму после 2017 г.

Газовый спор между Беларуссией и Россией, возникший в середине июня из-за долга белорусской стороны перед российским *Газпромом*, привел к сокращению поставок голубого топлива на территорию Беларуссии. Беларуссия начала несанкционированный отбор газа из транзитной трубы, по которой российский газ поставляется европейским потребителям.

1 июля был введен в действие Таможенный союз между Россией и Казахстаном. Ратифицировав все соглашения в рамках Таможенного союза, 6 июля к нему подключилась Беларуссия.

- **Африка.** Чемпионат мира по футболу в ЮАР стал, пожалуй, одним из немногих позитивных событий лета на африканском континенте. Напряженной оставалась ситуация в Судане. В южных провинциях страны, где в 2011 г. пройдет референдум по самоопределению, усилились межэтнические противоречия. Президент Судана Омар Хасан аль-Башир пообещал провести референдум на юге в установленные сроки. Столкновения между повстанцами и правительственными войсками были зафиксированы в западной провинции Судана – Дарфуре. В результате здесь погибло 440 человек. В Сомали летом 2010 г. проходили бои между правительственными силами и исламистскими группировками, которые контролируют практически все южные и центральные районы Мо-

 Пал Дунай (Венгрия), руководитель программы по международной безопасности Женевского центра политики безопасности – по электронной почте из Будапешта:

Период надежд и разочарований – так можно охарактеризовать состояние глобальной безопасности. Для Центральной и Восточной Европы негативные тенденции были связаны, прежде всего, с началом пересмотра границ Косово. Это может привести к расшатыванию первоначального соглашения, в соответствии с которым Приштина в феврале 2008 г. получила независимость. Отсутствие национальной консолидации в Боснии и Герцеговине создает патовую ситуацию в стране.

Газовый спор между Россией и Беларуссией вызвал обеспокоенность в регионе, но его быстрое разрешение смягчило напряженную обстановку. Среди позитивных событий стоит отметить восстановление отношений между Польшей и Россией после трагической гибели польского президента под Смоленском. Я бы назвал такую модель отношений *похоронной дипломатией*. Рациональная реакция Москвы (что адекватнее эмоциональной, обычно присущей Кремлю) на новые планы США разместить элементы противоракетной обороны в Румынии положительно повлияла на сохранение региональной стабильности. Отчет комиссии Мадлен Олбрайт о новой стратегической концепции НАТО убедил политические силы Центральной и Восточной Европы, обеспокоенные улучшением российско-американских отношений, что основополагающая статья 5 Вашингтонского договора войдет в новый документ в ноябре 2010 г. без изменений. Этот весьма важный элемент новой концепции НАТО будет защищать регион от стратегического партнерства Вашингтона с Москвой.

гадишо. Чрезвычайно высоким оставался уровень активности сомалийских пиратов.

- **Европа.** Финансовую систему еврозоны все лето лихорадило. В конце мая на фондовых биржах Европы произошло обвальное падение индексов. Курс евро по отношению к доллару снизился до 4-летнего минимума. Решение руководства ЕС и МВФ выделить для защиты евровалюты 750 млрд евро не спасло европейские индексы и подтвердило опасения *трейдеров*, что долгосрочные проблемы стран еврозоны отнюдь не решены. После Греции о тяжелом состоянии экономики заявила Венгрия. Далее экономические трудности постигли Францию, Германию и Испанию. На саммите *Большой двадцатки* в Канаде лидеры государств-участниц обсудили меры по стабилизации ситуации в зоне евро. В итоговом документе саммита содержится призыв к крупнейшим экономикам мира сократить дефициты бюджетов и провести реформу финансового сектора.

Среди политических событий Европы следует выделить поражение на парламентских выборах в Великобритании лейбористской партии Гордона Брауна и победу консерваторов. Новым премьер-министром Великобритании стал лидер Консервативной партии Дэвид Кэмерон. В Бельгии на внеочередных парламентских выборах победу одержала партия фламандских националистов, выступающая за независимость Фландрии. В Польше состоялись досрочные выборы президента страны. Победу после второго тура голосования одержал председатель сейма Польши Бронислав Коморовский.

Летом сохранялась политическая напряженность на **Мадагаскаре**, **Филиппинах**, в **Непале**, **Алжире**, **Бангладеш**. Лагерь беженцев-сербов на северо-западе Косово несколько раз подвергались обстрелам со стороны неизвестных группировок.

Крупные природные катастрофы и техногенные аварии летом оказали негативное влияние на Индекс. К тяжелым экологическим и экономическим последствиям привела авария на нефтяной платформе, повлекшая за собой разлив нефти 22 апреля в Мексиканском заливе. Наводнения в Центральной и Восточной Европе и Северо-Восточной Азии, извержение вулкана в Гватемале, вспышка полиомиелита в Таджикистане также отрицательно повлияли на показатели *iSi*.

Галия Ибрагимова

Антонио Рамальо (Бразилия), профессор Института международных отношений Университета Бразилиа – по электронной почте из Бразилиа:

Резкие темпы снижения экономического развития в Венесуэле стали основной причиной обеспокоенности в Латинской Америке. Уго Чавес перекладывает ответственность за экономический кризис на *агентов иностранного влияния* и увеличивает расходы на покупку вооружений. Результаты выборов в Колумбии и обещания нового президента Хуана Мануэля Сантоса продолжить борьбу с транснациональной преступностью оказали позитивное влияние на безопасность в Латинской Америке. Первое в течение последних 30 лет военное соглашение между США и Бразилией стало важным событием регионального значения. Фактически местные правительства активизировали политику по *контролируемому вовлечению* США в процессы региональной безопасности. Формирование программы долгосрочного сотрудничества и вовлечение новых членов в Южноамериканский оборонный совет можно отнести к ожидаемой позитивной тенденции лета 2010 г.

И
В
А
О
С
С
З
С
Б
Е
О
Д
О
А
П
Х
Л
В
О
А
Н
М

Американский президент Джон Кеннеди однажды заметил: «Великим врагом истины часто является не ложь – преднамеренная, притворная и бесчестная, но миф – устойчивый, увлекательный и далекий от реальности. Слишком часто мы продолжаем верить в клише, сформированные нашими предшественниками. Мы подчиняем все факты устоявшимся интерпретациям. Мы с удовольствием высказываем свои мнения, не утруждая себя размышлениями»¹. Хотя эти слова были сказаны полвека назад, они, бесспорно, актуальны сегодня, в том числе применительно к ядерным проблемам. Последние оказались в центре мировой политики в первой половине 2010 г. Был подписан Договор между Россией и США о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (новый Договор о СНВ). Прошла VIII Конференция по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Была принята очередная резолюция Совета Безопасности ООН № 1929 относительно ядерной программы Ирана. Свидетельствуют ли эти события о том, что мир становится безопаснее?

ПРАЖСКИЙ ДОГОВОР И ЯДЕРНОЕ РАЗОРУЖЕНИЕ

Подписанный 8 апреля 2010 г. в Праге президентами Д.А. Медведевым и Бараком Обамой новый Договор о СНВ считается важным шагом на пути ядерного разоружения и нераспространения. Было произнесено немало слов, в том числе и на самом высоком уровне, о его благотворном воздействии на международную безопасность, о крупных сокращениях ядерных вооружений, о новом этапе в отношениях России и США, о долгожданном возрождении контроля над вооружениями и о том, что снижается опасность несанкционированного и случайного применения ядерного оружия. Однако это – не более чем слова.

Согласно новому Договору, через семь лет у России и США не должно быть более

- 700 развернутых стратегических носителей ядерного оружия – МБР, БРПЛ и тяжелых бомбардировщиков,
- 1550 боезарядов на развернутых МБР и БРПЛ, а также ядерных боезарядов, засчитываемых за развернутыми тяжелыми бомбардировщиками,
- 800 развернутых и неразвернутых пусковых установок МБР и БРПЛ, а также развернутых и неразвернутых тяжелых бомбардировщиков.

Применительно к развернутым межконтинентальным баллистическим ракетам (МБР) и баллистическим ракетам подводных лодок (БРПЛ) в суммарный предельный уровень 1550 боезарядов засчитывается реальное количество установленных на них боезарядов. За каждым развернутым тяжелым бомбардировщиком засчитывается всего лишь один ядерный боезаряд.

Если сопоставить эти ключевые положения нового Договора о СНВ с реальным состоянием стратегических сил России, то для того, чтобы вписаться в ограничения нового Договора, российским военным достаточно сократить количество стратегических ядерных боезарядов, засчитываемых по правилам нового Договора, всего лишь на 191 единицу.

Это может быть осуществлено при снятии с вооружения 20–30 устаревших ракет СС-18, СС-19 и СС-25 (*Тополь*), что, впрочем, произойдет независимо от нового Договора о СНВ. Количество развернутых российских стратегических носителей уже сегодня меньше, чем их потолок, определенный новым Договором о СНВ. Россия может заметно увеличить количество развернутых современных МБР *Тополь-М* с одним боезарядом или РС-24 с тремя боезарядами.

Таблица 1. Стратегические силы России на начало 2010 г.²

	Пусковые установки	Боезаряды	
		Реально	По новому ДСНВ
МБР	331	1090	1090
БРПЛ	160	576	576
ТБ	75	838 ^{а)}	75
Итого	566	2504 ^{а)}	1741
Предел по новому ДСНВ	700/800	1550	

^{а)} только крылатые ракеты воздушного базирования, без учета ядерных бомб свободного падения

После того как количество засчитываемых ядерных боезарядов будет сокращено до установленного новым Договором предела, вместо одной снятой с вооружения МБР *СС-18* российские военные смогут развернуть десять МБР *Тополь-М* или три МБР *РС-24*. Далее, после того, как количество засчитываемых по новому Договору боезарядов будет сокращено до 1550 единиц, реально российские стратегические силы могут иметь до 2323 боезарядов. Из них 838 крылатых ракет воздушного базирования (КРВБ) могут быть развернуты на авиационных носителях, но засчитываться по правилам нового Договора как 75 единиц, а остальные 1485 боезарядов могут быть развернуты на баллистических ракетах. Иными словами, по условиям нового Договора Россия может иметь больше реальных, оперативно развернутых боезарядов, чем это разрешено Договором о сокращении стратегических наступательных потенциалов 2002 г.

Таблица 2. Стратегические силы США на начало 2010 г.³

	Пусковые установки	Боезаряды	
		Реально	По новому ДСНВ
МБР	450	500	500
БРПЛ	288	1152	1152
ТБ	60	316 ^{а)}	60
Итого	798	1968	1712
Предел по новому ДСНВ	700/800	1550	

^{а)} крылатые ракеты воздушного базирования и ядерные бомбы свободного падения

США для выполнения нового Договора достаточно перевести 98 пусковых установок стратегических носителей из категории развернутых в категорию неразвернутых. Это автоматически повлечет за собой сокращение стратегических боезарядов до установленного новым Договором потолка. США могут иметь около 1800 реально развернутых боезарядов, что примерно на 150 единиц меньше, чем в начале 2010 г. Таким образом, выполнение нового Договора о СНВ, если, разумеется, он будет ратифицирован сенатом США, не приведет к сокращению стратегических ядерных вооружений России. Договор потребует лишь незначительно уменьшить стратегические ядерные вооружения США. В итоге, часто встречающееся утверждение, что новый Договор о СНВ приведет к сокращению стратегических потенциалов сторон примерно на 30%, рассчитано на малокавалифицированную аудиторию.

Упомянутое сокращение относится не к реально существующим боезарядам и средствам их доставки, а к условным потолкам, установленным данным Договором, с одной стороны, и Договором по СНП 2002 г., с другой. Столь же ошибочно утверждение, что сокращение российского и американского ядерных арсеналов может снизить угрозу их несанкционированного применения. Такая угроза действительно существует. Но вероятность ее возник-

Ъ
В
Р
О
С
С
С
Е
Г
О
А
П
Х
В
О
А
И
Э

новения зависит не от размера ядерного арсенала, а от надежности систем обнаружения ракетно-ядерного нападения и процедур принятия решений об ответном ударе.

Наиболее эффективный путь радикального снижения вероятности несанкционированного применения ядерного оружия – так называемый *de-alerting*. Например, снятие боеголовок с баллистических ракет, что заметно увеличивает время подготовки к первому или ответному ударам. Это позволит если не устранить, то, по крайней мере, существенно снизить вероятность ядерной войны *по ошибке*. Одними из основных противников снижения боеготовности ядерных сил являются российские военные. Это заставляет задуматься о реальных, а не декларируемых целях и установках российской военной стратегии и доктрины.

Самые провокационные вопросы вызывает то обстоятельство, что новый Договор, и в более широком контексте российско-американское взаимодействие по контролю над стратегическими вооружениями, не учитывают неизбежного сокращения российских стратегических сил в результате неспособности военно-промышленного комплекса компенсировать выводимые из боевого состава вооружения по истечении гарантийных сроков эксплуатации. В таблице 3 приведен рассчитанный известным российским экспертом Павлом Подвигом возможный состав российских стратегических сил к 2020 г. в реальном оснащении. Предполагается, что к 2020 г. Россия будет иметь примерно 400 стратегических носителей и 2000 развернутых на них боезарядов.

Таблица 3. Возможный состав российских стратегических сил к 2020 году в реальном оснащении⁴

	Носители	Боезаряды
МБР		
<i>Тополь-М</i> стационарного базирования	60	60
<i>Тополь-М</i> мобильного базирования	27	27
<i>РС-24</i>	85	255
<i>СС-18</i>	20	200
Всего МБР и боезарядов на них	192	542
БРПЛ		
<i>Дельта IV/СС-Н-23</i>	4/64	256
<i>Борей/Булава</i>	4/64	384
Всего БРПЛ и боезарядов на них	128	640
Стратегическая авиация		
<i>Ту-160</i>	13	13
<i>Ту-95</i>	63	63
Всего авиационных носителей и боезарядов	76	844
ИТОГО	396	2026

Скорее всего, эти оценки излишне оптимистичны. Нет уверенности в том, что к 2020 г. удастся сохранить на боевом дежурстве МБР *СС-18* (по западной классификации *Сатана*, по российской – *Воевода*), последние модификации которой, *Р-36М2*, были развернуты в 1988–1991 гг. Изначально гарантийный срок их эксплуатации составлял 15 лет. Он несколько раз продлевался. В декабре 2009 г. было объявлено об успешном испытании этой ракеты с целью продления срока ее эксплуатации до 23 лет, другими словами, до 2014 г.⁵

Для того чтобы ракеты *СС-18* находились в боевом составе до 2020 г., срок их эксплуатации должен быть продлен до 28–30 лет, то есть в два раза. За это время, например, могут деформироваться топливные баки, выйти из строя те или иные пластиковые или резиновые детали, в том числе обеспечивающие герметичность и надежность многочисленных трубопроводов и насосов, подающих топливо и окислитель в камеру сгорания.

Последствия нетрудно себе представить. Во-вторых, программа *Булава* сталкивается с серьезными трудностями и, вполне возможно, реализована не будет. Иными словами, к 2020 г. российский стратегический арсенал, скорее всего, составит 300–320 носителей и около 1400 боезарядов.

Хотя сокращение российских стратегических сил имеет необратимый характер, США согласились с тем, что под ограничения попадают как ядерные, так и обычные боезаряды баллистических ракет, которыми они оснащаются или могут оснащаться. Это, естественно, затрудняет замену ядерных боезарядов на американских МБР и БРПЛ обычными боезарядами. Такая замена является важным элементом американского стратегического планирования и весьма беспокоит российских военных. У России соответствующих технических возможностей нет. Кроме того, в преамбуле Договора признается наличие взаимосвязи между стратегическими наступательными и оборонительными вооружениями, возрастающая важность этой взаимосвязи в процессе сокращения ядерных вооружений, а также говорится: «Нынешние стратегические оборонительные вооружения не подрывают жизнеспособность и эффективность стратегических наступательных вооружений Сторон»⁶.

Само по себе признание взаимосвязи наступательных и оборонительных вооружений банально и не влечет за собой каких-либо юридических последствий. Фраза о том, что «нынешние стратегические оборонительные вооружения не подрывают жизнеспособность и эффективность стратегических наступательных вооружений»⁷ США и России предполагает, что перспективные оборонительные системы могут подорвать эффективность и жизнеспособность наступательных систем. Это, в свою очередь, будет использоваться Россией для создания правовых помех реализации американских программ ПРО. Наконец, США согласились отменить содержащиеся в Договоре о СНВ 1991 г. ограничения на районы развертывания российских мобильных МБР, уменьшить обмен телеметрической информацией при испытаниях ракет, а также отказались от мониторинга российского ракетного завода в Воткинске.

Это ставит вопрос – зачем и кому в США понадобился новый Договор о СНВ? Его сторонники обычно утверждают, что это соглашение открывает путь к дальнейшим сокращениям ядерных вооружений, в том числе тактических; содействует нераспространению ядерного оружия; знаменует собой начало конструктивного сотрудничества России и США по широкому кругу проблем международной безопасности и так далее.

ПЕРСПЕКТИВА ДАЛЬНЕЙШИХ СОКРАЩЕНИЙ ЯДЕРНЫХ ВООРУЖЕНИЙ

Вполне возможно, что в Вашингтоне и некоторых европейских столицах и вправду надеялись, что после заключения нового Договора о СНВ Россия согласится начать переговоры по дальнейшим сокращениям ядерных вооружений, в том числе по тактическому ядерному оружию. Последнее действительно могло бы стать важным шагом к укреплению безопасности в Европе.

Российское тактическое ядерное оружие является главной и, по сути дела, в настоящее время единственной военной угрозой безопасности всех европейских государств. В результате прогрессирующей деградации конвенциональных вооруженных сил оно играет возрастающую роль в российском военном планировании. В феврале 2010 г. главнокомандующий сухопутными войсками РФ генерал-полковник А.Н. Постников сообщил, что хотя развертывание ракетных комплексов *Искандер* под Калининградом было отменено, в 2010 г. они будут размещены в районе Луги, у самых западных границ России рядом с Эстонией⁸.

Возрастающее значение тактического ядерного оружия признал начальник Генерального штаба Н.Е. Макаров. 10 декабря 2008 г. он заявил: «Мы расцениваем тактическое ядерное оружие как фактор сдерживания огромного количества вооружений, которые находятся в странах Европы»⁹. Заместитель начальника главного штаба российского ВМФ адмирал О.В. Бурцев высказался еще более откровенно. «За тактическим ядерным оружием – будущее, – заявил он в декабре 2009 г. – У тактического ядерного оружия

Ы
В
Р
О
О
С
З
С
Б
Е
О
П
А
П
Х
Л
В
О
А
Н
Э

повышается дальность, повышается точность. Нет необходимости нести мощную боевую часть, можно перейти к маломощным ядерным блокам, которые устанавливаются на существующие образцы крылатых ракет»¹⁰.

Это – хотя и косвенное, но убедительное свидетельство того, что тактическое ядерное оружие воспринимается российским военным командованием не только как средство сдерживания гипотетической ядерной атаки, но и как оружие поля боя, которое может быть использовано в локальных конфликтах. В ином случае нет никакой необходимости заботиться о снижении мощности ядерного боезаряда.

Неудивительно, что Москва отвергает саму идею переговоров по тактическим ядерным вооружениям. Весной 2010 г. Россия в очередной раз повторила заведомо неприемлемую для Запада позицию. Предварительным условием подобных переговоров, заявили российские военные, является вывод американских тактических ядерных боеприпасов из Европы и ликвидация всей связанной с ними инфраструктуры. Некоторые радикально настроенные сторонники сближения с Россией в американских и европейских политических и академических кругах выступали за принятие российских условий. В таком случае, утверждали они, у России не останется иного выхода, кроме как согласиться на переговоры. Это предложение, само по себе весьма наивное, было отвергнуто. Его реализация заметно ослабила бы американские гарантии безопасности европейских членов Альянса, и без того не считающиеся слишком надежными, но не подвигла бы Москву к таким переговорам.

Самое опасное заключалось в том, что в случае военного конфликта между Россией и странами НАТО Москва практически немедленно оказалась бы перед выбором: либо признать поражение, либо использовать тактическое ядерное оружие. Последнее даже при ограниченном применении будет иметь катастрофические последствия. Вероятность вооруженного столкновения России и НАТО большинством европейских экспертов считается равной нулю. Однако регулярные крупномасштабные учения российских войск, в том числе, по сообщениям

Абдулазиз Сагер (Саудовская Аравия), основатель и председатель Исследовательского Центра Залива, президент Sager Group Holding – по электронной почте из Дубая:

Финансовый кризис, вновь заявивший о себе в середине 2010 г., свел на нет все прогнозы о быстром выздоровлении мировой экономики. Традиционная парадигма безопасности кардинально меняется, и необходимо искать новые способы обеспечения глобальной стабильности. Россия и США значительно улучшили отношения, причем Китай не стал препятствием в разрешении большинства конфликтов, что улучшило ситуацию в мире. Непреклонная позиция Ирана по своей ядерной программе, изменчивость театра военных действий в Афганистане, неубедительность состоявшихся выборов в Ираке ведут к непредсказуемому развитию ситуации во всем регионе. Иракские выборы в марте 2010 г. вернули страну в состояние сектантства и этнической жестокости времен 2005 и 2006 гг. Неразрешенной остается судьба иранской ядерной программы. Непримируемость мирового сообщества к действиям Ирана провоцирует ускорение развития ядерной программы в стране. Вероятность возникновения конфликта с Ираном остается крайне высокой. Рост экстремистских настроений в Афганистане и Ираке также не благоприятствует безопасности арабских государств Залива. Усиление механизмов внутреннего взаимодействия, которое происходит среди стран – членов Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива, можно отнести к числу позитивных, но незначительных шагов по укреплению региональной безопасности. Ситуация в Иране, Ираке, Израиле, Афганистане будет в центре внимания летом 2010 г.

зарубежных СМИ, с применением тактического ядерного оружия, вблизи прибалтийских государств означают, что российские военные готовятся к такому конфликту, разумеется, не по собственной инициативе, а по директивам политического руководства страны.

Остаются призрачными надежды администрации Барака Обамы на новые сокращения ядерного оружия во имя продвижения к *глобальному нулю*. Заместитель министра иностранных дел С.А. Рябков ясно дал понять, что какие-либо решения по дальнейшим ограничениям и сокращениям ядерного оружия будут обусловлены принятием российских позиций по широкому кругу военно-политических проблем.

«Двигаясь в сторону сокращения арсеналов ядерного оружия, мы все больше внимания будем уделять другим факторам, — заявил он сразу после подписания нового Договора о СНВ. — А именно — возможностям сторон в сфере ПРО, участию или неучастию в процессе разоружения других государств, обладающих ядерным оружием, в том числе и государств, которые официально не признаны таковыми, их готовности ставить свои арсеналы под соответствующий контроль. Наконец, существенным фактором, требующим безусловного учета, являются значительные дисбалансы в сфере обычных вооружений. Компенсирующая роль ядерного оружия — это общеизвестный факт. Чем ниже будут потолки по ядерным вооружениям, боезарядам и средствам их доставки, тем большее влияние на безопасность любого государства будет оказывать ситуация в сфере обычных вооружений»¹¹.

Москва увязывает дальнейшие сокращения ядерных вооружений, как стратегических, так и тактических, с сокращением обычных вооруженных сил стран — членов НАТО в Европе, отказом США от разработки и развертывания ПРО и, например, готовностью Пакистана, Индии и даже Израиля поставить свои ядерные арсеналы под соответствующий контроль. На практике это означает, что в Кремле не собираются содействовать американскому президенту в осуществлении его мечты о *глобальном ноль*. Но позиция России является далеко не единственным препятствием для ликвидации ядерного оружия на планете.

ГЛОБАЛЬНЫЙ НОЛЬ И ЯДЕРНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Известный в прошлом член британского парламента Дэвид Пенхалигон заметил в 1980 г., что признание ядерного разоружения напоминает поведение девственницы в публичном доме. Высказывание, возможно, не полностью соответствует стандартам британского парламентаризма, но в целом довольно точно отражает реальности международной жизни. Тем не менее, вскоре после прихода в Белый дом президент Барак Обама провозгласил стремление США добиваться уничтожения всего ядерного оружия на планете. В качестве первого шага рассматривается новый Договор о СНВ. Заявление президента Барака Обамы вызвало взрыв энтузиазма в общественном мнении. Его поддержали некоторые видные политические деятели и эксперты. В *плане Обамы*, как иногда называют эту эмоционально привлекательную инициативу, видят подчас главный революционный элемент его внешней политики.

Полная ликвидация ядерного оружия, так называемый *глобальный ноль*, бесспорно, отвечает интересам США и многих европейских государств. Единственная угроза самому их существованию порождается возможностью гипотетического ядерного удара по их территории. Но в более широком контексте утверждение, что безъядерный мир будет более безопасным, чем нынешний, вызывает серьезные сомнения. Впрочем, дискуссии на эту тему, которые с увлечением ведут специалисты и *профессиональные пацифисты* на протяжении последних 50 лет, к реальности отношения не имеют. *Глобальный ноль* заведомо недостижим.

Журналисты любят цитировать слова популярной в середине XX в. сентиментальной песенки: *нельзя танцевать танго в одиночку*. Даже если США, Великобритания и, возможно, Франция в один прекрасный день откажутся от своего ядерного оружия, это никак не подтолкнет другие ядерные государства к аналогичным решениям. Единственным исключением может оказаться Северная Корея. Но если в Пхеньяне и поддержат идею

А
В
Г
Д
Е
Ж
З
И
Й
К
Л
М
Н
О
П
Р
С
Т
У
Ф
Х
Ц
Ч
Ш
Щ
Ъ
Ь
Э
Ю
Я

отказа от ядерного оружия, то никак не в результате сокращения российского и американского арсеналов, а только в случае массированных финансовых вливаний и гарантий сохранения у власти нынешней правящей клики. Северокорейская ядерная программа предназначена не столько для нейтрализации возможного военного давления на КНДР, сколько для того, чтобы стать своего рода *разменной монетой* в отношениях с США, Южной Кореей и Японией. Что касается ядерной стратегии и планов развития ядерных сил Китая, Индии, Пакистана и Израиля, то они либо никак не зависят от величины ядерных арсеналов России и США, либо связаны с ними крайне слабо.

После окончания холодной войны ядерное оружие становится средством нейтрализации превосходства потенциального противника в обычных вооружениях. Для Китая оно является, прежде всего, инструментом предотвращения вовлечения США, главным образом американского военно-морского флота, в конфликт в Тайваньском проливе, вызванный операцией КНР по освобождению Тайваня. Подавляющее качественное превосходство американских конвенциональных вооруженных сил делает угрозу китайского ракетно-ядерного удара по объектам США в Тихом океане и территории самих США практически единственным средством сдерживания.

Индия, в свою очередь, рассматривает свое ядерное оружие как средство сдерживания Китая. Несмотря на нормализацию индийско-китайских отношений после многолетнего острого противостояния во второй половине XX в., Китай остается в обозримом будущем геополитическим соперником и главной угрозой безопасности Индии. Кроме того, индийский ядерный арсенал предназначен для нейтрализации пакистанского ядерного потенциала. Для Пакистана ядерное оружие представляет собой единственный инструмент предотвращения разгрома в случае нового вооруженного конфликта с Индией. Ядерное оружие Израиля является своего рода *ultima ratio* в случае, если израильская армия не сможет остановить агрессию превосходящих войск арабских государств.

Не соответствует реальности широко распространенное представление о том, что российско-американское ядерное разоружение укрепит режим нераспространения ядерного оружия и снизит угрозу его попадания в руки исламских террористических группировок. Основная угроза режиму нераспространения исходит от ядерной программы Ирана. Если она не будет остановлена, то начнется гонка ядерных вооружений на Ближнем Востоке. Кроме того, остальные государства, размышляющие о приобретении ядерного оружия, убедятся в том, что международное сообщество не в состоянии остановить разрушителей ДНЯО, а сам этот Договор окончательно утратил какое-либо значение. Есть, видимо, две главные причины, побуждающие Тегеран стремиться к получению ядерного оружия, – патологический антисемитизм и желание утвердить себя в качестве державы, доминирующей в зоне Персидского залива и в ближневосточном регионе в целом. В итоге, сокращение американского, тем более российского ядерных потенциалов, никак не может повлиять на иранские ядерные усилия. А для предотвращения попадания ядерных материалов или взрывных устройств к террористам необходимо, прежде всего, обеспечить надежную охрану пакистанских ядерных центров и баз хранения ядерного оружия. Также следует интенсифицировать операции полиции и спецслужб против международных сетей, промысляющих незаконной торговлей ядерными материалами и высокими технологиями двойного назначения.

ПЕРЕЗАГРУЗКА: ПОВЕСТКА ДНЯ ИСЧЕРПАНА

Заключение нового Договора о СНВ связано во многом с личными политическими интересами президентов России и США. Действительно, это – пока единственный крупный, по крайней мере, выглядящий таким, международный документ, разработанный при участии Д.А. Медведева и им подписанный. Подписание данного документа укрепляет его позиции внутри страны в преддверии выборов 2012 г. Барак Обама, похоже, заинтересован в данном Договоре по аналогичным причинам. Его перспективы выглядят далеко не оптимистично.

На протяжении всего 2010 г. количество граждан США, одобряющих его деятельность, практически совпадало с количеством тех, кто эту деятельность не одобряет. Скандаль-

ная отставка командующего американским контингентом в Афганистане генерала Стэнли Маккристала высветила взгляды президента Барака Обамы на действия в этой ключевой для США стране. Решение Барака Обамы об увеличении в 2010 г. численности американских войск примерно на 30% и о начале их вывода в 2011 г. подсказывает линию поведения афганским экстремистским группировкам. Необходимо экономить силы, дожидаться, когда начнется вывод войск, и затем перейти к решительным действиям. Да и в целом о каких-либо успехах нынешней администрации на международной арене говорить не приходится. Президенту Бараку Обаме важно связать свое имя с якобы прорывным шагом, ведущим к осуществлению понятной, хотя и наивной мечты об избавлении человечества от *ядерного кошмара*.

В итоге, новый Договор о СНВ рассматривается как ключевой элемент успешной *перезагрузки* российско-американских отношений. Он трактуется как начало нового этапа в российско-американских отношениях, принципиально важного для всей мировой политики. Об этом говорят как в американских, так и в российских официальных кругах. Дискуссия заставляет задуматься: что, собственно, представляет собой *перезагрузка*, каковы ее достижения и перспективы.

Перезагрузка, бесспорно, отражает заинтересованность Запада, в том числе США, в России как эффективном и конструктивном партнере в противодействии распространению ядерного оружия, в прекращении ядерной программы Ирана, стабилизации обстановки в Афганистане, борьбе с исламским терроризмом и решении других острых проблем международной безопасности. Одновременно, ни в Вашингтоне, ни в европейских столицах не хотят обострения отношений с Москвой. Запад не желает добавлять новых трудностей к длинному списку вызывающих озабоченность проблем. В свете этого администрация Барака Обамы пошла на серьезные уступки России. Была, например, прекращена критика *российской агрессии* против Грузии, и в Вашингтоне перестали упоминать о приеме ее в НАТО. США отменили планы развертывания элементов ПРО в Чехии и Польше. Наконец, был заключен новый Договор о СНВ. Последний – уже истолкован российскими политиками и экспертами как признание стратегического равенства между *вставшей с колен* Россией и США.

Опять напрашиваются уже упоминавшиеся слова *нельзя танцевать танго в одиночку*. Нормальная политическая логика предполагает, что за серией уступок со стороны США должны последовать весомые ответные шаги Москвы. В противном случае понять мотивы внешней политики нынешней американской администрации просто невозможно. Российский посол в США С.И. Кисляк одобрил американский подход к России. «У американцев, – сказал он, – хватило мудрости начать выводить наши отношения из тупика, что позволяет расширять взаимодействие». Он также проинформировал читателей: «Конечно, российская дипломатия откликнулась на идею *перезагрузки* серьезными и конкретными делами. По решению президента РФ мы предоставили американским коллегам возможность транзита вооруженных сил в Афганистан через российскую территорию»¹².

С.И. Кисляк отнюдь не случайно упомянул о транспортировке американских войск через российскую территорию в Афганистан. Москва заинтересована в том, чтобы США и их союзники по НАТО как можно дольше держали в Афганистане значительные контингенты своих вооруженных сил. Это отвлекает военные и политические ресурсы Запада от других регионов: Ближнего Востока, Балкан, черноморской зоны, Прибалтики, где Россия рассчитывает укрепить свои позиции путем политического, а в некоторых случаях и силового давления. Российское содействие США в Афганистане является не столько уступкой Вашингтону, сколько попыткой еще глубже загнать американцев в *афганское болото*. Единственным шагом Москвы, сделанным навстречу Вашингтону, можно считать согласие России на некоторое ужесточение санкций против Ирана. Главным образом, речь идет о запрете поставок в Иран вооружений, упомянутых в Регистре обычных вооружений ООН. Однако можно с уверенностью предположить, что это не остановит иранские усилия по созданию ядерного оружия.

Ы
В
Р
О
С
С
З
С
Б
Е
О
Д
О
А
П
Х
Д
В
О
А
Н
М

Заключение нового Договора по СНВ и принятие резолюции № 1929 Совета Безопасности ООН по Ирану фактически исчерпали повестку дня *перезагрузки*. Сейчас просто нет таких проблем, по которым можно было бы найти общее решение, формальное или неформальное. Дальнейшие переговоры по ядерным вооружениям не просматриваются. Совет Безопасности ООН вряд ли будет в ближайшие месяцы, а может быть – в ближайшие один-два года рассматривать новые санкции против Ирана. США далеко не в восторге от *idée fixe* российской дипломатии – так называемой новой архитектуры безопасности в Европе. Вопрос об обычных вооружениях находится в глубоком тупике в результате российской оккупации Абхазии и Южной Осетии и строительства там военных баз. В обозримом будущем *перезагруженные* российско-американские отношения, скорее всего, сведутся к ритуальным обсуждениям тех или иных проблем в рамках двусторонней Президентской комиссии, *опереточным визитам* российских руководителей в Силиконовую долину и попыткам, скорее всего, малопродуктивным, получить современные американские технологии для модернизации российского военно-промышленного комплекса.

РЕЗОЛЮЦИЯ 1929 СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ ООН

9 июня 2010 г. после длительных дискуссий и закулисных согласований Совет Безопасности ООН принял очередную резолюцию, посвященную иранской ядерной программе. Этот документ содержит длинный унылый перечень действий Тегерана в ядерной области, не оставляющий сомнений в том, что Иран не только стремится создать ядерное оружие, но и приближается к этой цели. В нем также перечисляются шаги, которые, по мнению СБ ООН, надлежит предпринять, чтобы побудить иранское руководство отказаться от ядерной программы. В этой резолюции, как в констатирующей, так и в постановляющей части, нет, за одним исключением, ничего принципиально нового по сравнению с прошлыми документами. Исключением является параграф 8 резолютивной части, в котором говорится, что СБ ООН постановил, что:

«Все государства будут предотвращать прямую или косвенную поставку, продажу или передачу Ирану со своей территории или через нее своими гражданами или лицами под их юрисдикцией, или с использованием морских или воздушных судов под их флагом – независимо от страны происхождения – любых боевых танков, боевых бронированных машин, артиллерийских систем большого калибра, боевых самолетов, боевых вертолетов, военных кораблей, ракет или ракетных систем, как они определяются для целей Регистра обычных вооружений Организации Объединенных Наций»¹³.

СБ ООН объявил эмбарго на поставку в Иран практически всех обычных вооружений. На первый взгляд, это действительно радикальная мера, способная отрезвить иранское руководство, а согласие России на прекращение экспорта вооружений в Иран – крупная политическая и экономическая уступка Западу. Но только на первый взгляд.

Таблица 4. Импорт вооружений Ираном в 1979–2009 гг.
(млн долл. США, по данным СИПРИ)¹⁴

	1979–1990		1991–2000		2000–2009		Всего	
	млн долл.	%	млн долл.	%	млн долл.	%	млн долл.	%
Всего	6457	100	5354	100	2 92	100	14 203	100
В том числе								
Китай	2315	36	1400	26	747	31	4462	31
СССР/Россия	738	11	2189	41	1188	50	4115	29

Россия, наряду с Китаем, действительно являлась одним из основных поставщиков оружия Тегерану. В 2000–2009 гг. на долю этих стран пришлось более 80% иранского

оружейного импорта, в том числе на долю России – 50%. Имеет значение другое. Максимум иранских закупок вооружений после исламской революции пришлось на 1979–2000 гг., когда Иран участвовал в изнурительной войне с Ираком, а затем восстанавливал изрядно потрепанный военный потенциал. В 1979–2000 гг. средний ежегодный импорт вооружений Ираном составлял в стоимостном выражении около 550 млн долл. Но в 2000–2009 гг. этот импорт сократился почти вдвое – до 265 млн долл., причем к концу десятилетия, в 2008 и 2009 гг., он упал до 90 млн долл.

В 1990 г. бывший СССР, а после 1991 г. – Россия экспортировала в Иран большое количество оружия и военной техники. В частности, в 1990-х гг. были заключены и осуществлены крупные сделки на поставку 46 боевых самолетов *МиГ-29* и *Су-24*, трех подводных лодок класса *Кило*, проданы лицензии на производство 420 танков *Т-72* и *413 БМП-2* и так далее¹⁵. Однако к концу 2000-х гг. поставки оружия в Иран из России резко сократились. В 2008–2009 гг. их стоимостное выражение составляло всего 14 млн долл. в год¹⁶.

Отдельного анализа требует вопрос о поставках в Иран пяти относительно современных комплексов ПВО *С-300*. Их появление в Иране заметно изменит баланс военных сил в регионе. Контракт на сумму около 800 млн долл. был подписан в 2007 г., некоторые компоненты этих комплексов были доставлены в Иран, но поставка ракет была заморожена. Возможно, Москва рассматривала эти поставки как своего рода *разменную монету* в отношениях и с Западом, и с Ираном. Но, скорее, в российских верхах имело место столкновение мнений по данному вопросу, что подтверждается заявлениями различных официальных лиц сразу после принятия резолюции 1929.

Так, 10 июня 2010 г. официальный представитель МИД РФ А.А. Нестеренко заявил, что комплексы *С-300* не попадают под ограничения, установленные последней резолюцией Совета Безопасности ООН по Ирану¹⁷. Судя по всему, он просто изложил ранее сформулированную позицию МИДа, которая заключалась в том, что эти комплексы должны быть поставлены Ирану. Она, однако, пришла в противоречие с взглядами, доминировавшими в других, более влиятельных группировках российской элиты. Поэтому уже на следующий день, 11 июня 2010 г., заместитель министра иностранных дел России С.А. Рябков высказался весьма уклончиво. «Сейчас, – объявил он, – наши специалисты, включая экспертов-правоведов, углубленно изучают все аспекты ситуации с учетом принятой 9 июня 2010 г. резолюции 1929 СБ ООН. В вопросе о *С-300*, как и по всем другим аспектам того, что следует из данного решения СБ ООН, мы будем строго и неукоснительно руководствоваться изложенными в резолюции критериями и требованиями»¹⁸.

Непонятно, правда, почему специалисты МИДа, включая экспертов-правоведов, не озаботились этим вопросом в период подготовки резолюции 1929. 12 июня 2010 г. премьер-министр В.В. Путин в беседе с президентом Франции Николя Саркози сообщил, что Россия не будет поставлять Ирану эти вооружения¹⁹. В Москве осознали, что передача Ирану *С-300* сразу после только что принятой резолюции Совета Безопасности вызовет грандиозный скандал, сорвет наметившееся весной 2010 г. смягчение отношений с Западом и окончательно похоронит *перезагрузку*. Впрочем, окончательно отказ России от поставок *С-300* в Иран должен быть оформлен путем расторжения контракта. Сообщений об этом пока не было.

Главное, однако, в том, что эмбарго на поставки оружия Ирану, которое, разумеется, рано или поздно скажется на боеспособности иранских вооруженных сил, не затронет его способности угрожать соседним странам и блокировать транспортировку нефти из Персидского залива через Ормузский пролив. В последние 10–15 лет Иран закупил в Китае и произвел по китайской лицензии около 1000 противокорабельных ракет. Это позволяет ему держать этот пролив под полным контролем, шантажируя весь мир угрозой прекращения поставок нефти. Еще важнее, что опасность для расположенных недалеко от Ирана государств представляют не столько конвенциональные вооруженные силы Ирана, сколько несколько сотен баллистических ракет *Шахаб* различных модификаций, особенно когда (и если!) Тегеран оснастит их ядерными боезарядами. Введенное эмбарго, однако, не замедлит ракетную программу Ирана.

Д
В

А
О
О
С
З
С
Б
Е
О
Г
О
А
П

Х
Д
В
О
А
И
И

Таблица 5. Ракетный потенциал Ирана²⁰

	Количество	Дальность (км)	КВО (м)	Полезная нагрузка (кг)
Шахаб-1	200–300	320	450	1000
Шахаб-2	100–200	500–700 ^{в)}	50	750–1000
Шахаб-3	25–100	1280	190	760–1000
Шахаб 4/5 ^{а)}	1–5	От 1800 до 4000	неизвестно	750–1000

а) Прототипы

в) В зависимости от нагрузки

УКРАИНСКИЕ СЮРПРИЗЫ

В прошлом обзоре я доказывал, что избрание В.Ф. Януковича президентом Украины не приведет к сколько-нибудь крупным изменениям в украинской внешней политике. Этот вывод, увы, ошибочен. Единственным, но слабым, утешением служит то, что похожей точки зрения придерживались многие, если не все специалисты. Сенсационное, на первый взгляд, соглашение о снижении цены на газ в обмен на базу Черноморского флота в Севастополе показало, что новое руководство Украины способно на крутые внешнеполитические повороты. Большинство экспертов склонны считать, что после указанного соглашения и отказа Киева от претензий на членство в НАТО Украина быстрыми темпами потеряет независимость и войдет в сферу влияния Москвы. Возможно, однако, что этот вывод преждевременен.

На членство в НАТО Украина в обозримое время претендовать не могла. Украинский референдум по этому вопросу, скорее всего, дал бы негативный ответ. Еще важнее, что в самом НАТО Украину видеть не хотели. В этих условиях Киев сделал красивый политический жест в сторону Москвы, отказавшись от проекта, который был заведомо неосуществим. Соглашение *газ-база* логично и по-своему неизбежно. Катастрофическое экономическое положение страны сделало снижение цены на газ ключевым экономическим и политическим фактором, затрагивающим жизненные интересы населения и промышленности. Но ничего, кроме согласия на продолжение аренды базы в Севастополе, не могло побудить Москву пойти на снижение цен на газ. Между тем, пребывание российского флота в Севастополе, хотя и неприятно для многих украинцев, никак не сказывается на их повседневных делах. Наконец, окончательно вопрос о пребывании российского флота в Севастополе будет решаться через несколько лет, и, вполне возможно, совершенно другими людьми, как в Киеве, так и в Москве.

Дальнейшее развитие российско-украинских отношений будет зависеть, прежде всего, от того, насколько Киев готов отдать российскому бизнесу наиболее привлекательные предприятия и активы. Если администрация В.Ф. Януковича согласится с ущемлением интересов крупного украинского бизнеса, политическая карьера нынешнего президента Украины завершится так же, как у Леонида Кучмы, Курманбека Бакиева, Эдуарда Шеварднадзе и других постсоветских лидеров, не сумевших найти *модус вивенди* с национальными группами интересов. Другим фактором является позиция Москвы.

Пока российское руководство не склонно считаться с интересами украинских партнеров, свидетельством чему является сохранение проекта газопровода *Южный поток*. Похоже, что в Кремле разрабатывают планы широкой экономической экспансии в Украину. В появившейся в прессу так называемой секретной доктрине, направленной МИДом президенту Д.А. Медведеву, предлагается активно вовлекать Украину в орбиту экономического сотрудничества с Россией, не допускать попадания российских предприятий в стратегических отраслях в технологическую зависимость от украинских контрагентов.

В этом документе говорится о необходимости «добиваться интеграции российского ОАО «Объединенная авиастроительная корпорация» и авиастроительных предприятий Украины»; «поддерживать усилия российских нефтяных компаний, добывающихся исполь-

зования нефтепровода Одесса–Броды в реверсном направлении, что ограничит доступ Украины к каспийской нефти»; «добиваться приобретения контрольных пакетов акций крупных украинских предприятий российскими инвесторами»²¹. Если такого рода установки будут реализованы, обострение отношений между Россией и Украиной неизбежно.

КИРГИЗСКОЕ ФИАСКО

Хаос, охвативший Киргизию после государственного переворота 7 апреля 2010 г. и свержения президента Курманбека Бакиева, поставил под вопрос само существование киргизской государственности. Киргизские события, в том числе массовые этнические столкновения в Оше и Желалабаде, не привели к вмешательству извне. Россия, США, Китай, ЕС и Казахстан, по сути дела, их проигнорировали. Узбекистан не рискнул ввести войска в южные киргизские провинции для защиты соотечественников, видимо, опасаясь быть втянутым в войну с Киргизией. Реакция крупных государств на события в Киргизии свидетельствует, что геополитическая роль Центральной Азии заметно меньше, чем это предполагалось ранее. Если в этом регионе возникнет военно-политический вакуум, то заполнять его *внешние силы*, скорее всего, не будут.

Кризис в Киргизии разворачивался по классической схеме, типичной для многих постсоветских стран. Правящая клика, в данном случае семейный клан Бакиевых, не могла устоять перед соблазном поставить под свой контроль наиболее привлекательные и доходные сегменты экономики и бюджетные средства. Это вызвало недовольство других элитных групп, которые весной 2010 г. объединились и выступили единым фронтом против Курманбека Бакиева и его окружения.

Нищета населения и растущая численность безработной, малограмотной, не имеющей жизненных перспектив молодежи создала взрывоопасную социально-политическую обстановку. Неудачные решения власти спровоцировали массовые волнения и беспорядки. Массы деклассированной молодежи, свезенные в столицу, стали ударной силой оппозиции. Они разгромили правительственные здания и заодно разграбили магазины. Раскол в элите парализовал правоохранительные органы и армию, оставшиеся, по сути дела, нейтральными. Единственным исключением стала немногочисленная президентская охрана, стрелявшая в толпу погромщиков, что только усилило беспорядки.

Курманбек Бакиев, выходец из южных районов Киргизии, бежал из столицы на юг, попытался организовать там сопротивление новой власти, но сколько-нибудь значимой поддержки не получил и покинул страну. Власть оказалась в руках группы лидеров оппозиционных кланов во главе с Розой Отунбаевой, образовавшей некое Временное правительство. Вопреки мнению о том, что смена власти в Киргизстане в 2005 и 2010 гг. происходила в результате противоборства северных и южных кланов, консолидация оппозиции происходила на основе противостояния правящей группировке представителей

Фарход Толипов (Узбекистан), политолог – по электронной почте из Ташкента:

Массовые погромы и гибель узбекского населения в киргизском городе Ош в июне привели к заметному снижению уровня безопасности в Центральной Азии. На официальном уровне значительно обострились узбекско-таджикские дискуссии по поводу строительства гидроэнергетических сооружений в Таджикистане, что усилило политическую напряженность между странами. Ситуация, сложившаяся вокруг иранской ядерной программы, в некоторой степени повлияла на центральноазиатскую безопасность. Визит Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна в регион, в ходе которого он ознакомился с ситуацией в зоне Аральского моря, а также встретился с Генеральным секретарем ШОС для обсуждения перспектив сотрудничества двух организаций, позитивно повлиял на безопасность в Центральной Азии. Успешное проведение саммита ШОС в Ташкенте также в числе значимых событий региона.

Ы
В
Р
О
У
О
С
С
З
Е
Б
Д
О
А
П
Х
Ы
В
О
А
Н
М

практически всех региональных клик и групп влияния. Так, в высшем руководстве Временного правительства представлены поровну как южные, так и северные области.

Второй акт *киргизской драмы*, или, скорее, *театра абсурда*, начался 10 июня 2010 г. В результате столкновений между киргизами и узбеками в Оше и Желалабаде было убито около 2 тыс. человек, более 100 тыс. узбеков бежали в Узбекистан, на 70% сожжен город Ош, сильно пострадал Желалабад. Временное правительство, естественно, обвинило в провоцировании этих беспорядков клан Бакиева. Эксперты называют в качестве причин беспорядков происки организованной преступности, прежде всего наркомафии; недовольство киргизов тем, что узбеки доминировали в мелком бизнесе, прежде всего в сфере услуг; козни неких внешних сил и так далее.

Появились сообщения о наемниках, стрелявших и в киргизов, и в узбеков с тем, чтобы вызвать столкновения между ними. Ни одна из этих и некоторых других версий не имеет убедительного подтверждения. Неясно, зачем, собственно, Курманбеку Бакиеву понадобилось тратить крупные средства на организацию беспорядков после того, как влиятельные кланы Юга и большинство населения этих районов его не поддерживали. Перспектив вернуться к власти у него не было, даже если беспорядки имели бы большие масштабы.

Таблица 5. Высшее руководство Киргизии после 7 апреля 2010 г.²²

	Должность	Место рождения	Сфера ответственности
Роза Отунбаева	Председатель Временного правительства, по итогам референдума 28 июня 2010 г. – президент Киргизстана до декабря 2011 г.	г. Ош (Юг)	
Азимбек Бекназаров	1-й заместитель председателя Временного правительства	Желалабадская обл. (Юг)	экономика
Омурбек Текебаев	Заместитель председателя Временного правительства	Ошская обл. (Юг)	конституционная реформа
Темир Сариев	Заместитель председателя Временного правительства	Чуйская обл. (Север)	финансы
Алмазбек Атамбаев	Заместитель председателя Временного правительства	Чуйская обл. (Север)	суды и прокуратура
Исмаил Исхаков	Министр обороны	Ошская обл. (Юг)	
Болот Шерниязов	Министр внутренних дел	Талаская обл. (Север)	
Кенешбек Дуйшебаев	Председатель Службы национальной безопасности	Чуйская обл. (Север)	

Наркомафия и другие крупные организованные преступные группы берутся за оружие для того, чтобы устранить тех или иных конкурентов, если не удастся *договориться по-хорошему*. Но массовые беспорядки им не нужны. Они грозят разрушить устоявшиеся связи и взаимоотношения, привлечь внимание к ситуации в соответствующих регионах, вызывают излишнюю активность правоохранительных органов. Можно предположить, что события в Оше и Желалабаде были вызваны либо какими-то скрытыми от посторонних глаз противоречиями местных кланов, либо, что более вероятно, высокой агрессивностью киргизского населения, накопленной в результате экономической депрессии и низкого уровня жизни.

Проведенный 27 июня 2010 г. конституционный референдум одобрил установление в Киргизии парламентской республики вместо президентской. Причины, побудившие Временное правительство инициировать такие изменения, понятны. Лидеры кланов хотят исключить монополизацию контроля над наиболее привлекательными отрасля-

ми экономики окружением президента. Но переход реальной власти в руки парламента, где будут представлены основные семейные и территориальные кланы и ни один из них не будет иметь большинства, создаст крайне неустойчивую обстановку.

Избранники народа погрязнут в мелких и крупных интригах и лоббировании в правительстве. Начнется формирование и разрушение коалиций, рассчитанных на решение какого-либо одного вопроса. По мнению российского специалиста по Центральной Азии А.В. Малащенко, в Киргизии сейчас речь идет о «дележе доходных мест и разделе влияния. ... Нужно никого не забыть, не обидеть, чтобы все были при месте и при деньгах. Главная задача Розы Отунбаевой и ее команды – удержать ситуацию до сентября, до парламентских выборов. ... Временная власть ищет политические ходы для того, чтобы добиться консолидации внутри себя, для того чтобы быть взаимно повязанными. А уж потом – заняться стабилизацией ситуации. Пока же выходит наоборот»²³. Эффективность такой системы принятия решений равна нулю. Все это – идеальная среда для возникновения диктатуры, опирающейся на репрессивные органы, а в идеологическом плане использующей популистские лозунги и тягу общества к восстановлению порядка. Другая альтернатива – распад страны на фактически независимые анклавы, возглавляемые местными авторитетами, вожаками бандитских групп или лидерами исламистских движений.

Несмотря на обращенную к Москве просьбу Розы Отунбаевой, Кремль отказался прислать войска для восстановления порядка в Оше и Желалабаде. Причин тому могло быть несколько. Основная, по мнению многих экспертов, причина заключается в том, что у России нет достаточного количества войск, подготовленных для решения такой задачи, и/или транспортной авиации для их переброски на юг Киргизии. К этому можно добавить отсутствие необходимой разведывательной информации и инфраструктуры, подготовленной для приема, размещения и жизнеобеспечения нескольких тысяч военнослужащих.

Даже если бы удалось доставить в Ош и Желалабад российских солдат, они оказались бы *в чистом поле*, в незнакомой, во многом враждебной среде, без какого-либо адекватного представления о движущих силах, происходящих столкновениях, их главных действующих лицах и так далее. В свете этого решение Кремля было вполне разумным. Одновременно оно продемонстрировало центральноазиатским элитам и Китаю, что у России нет сил и средств для обеспечения стабильности и поддержки правящих режимов в критических для них ситуациях. В результате, лидеры центральноазиатских государств перестали воспринимать Россию как сколько-нибудь значимую силу, способную повлиять на развитие событий в регионе.

ЛЕНИНСКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Вождю мирового пролетариата Ульянову-Ленину приписывают слова о *полезных буржуазных идиотах*, которые, помимо всего прочего, *продадут нам веревку, на которой мы их повесим*. Говорил он это или нет, неясно. В собраниях его сочинений этих выражений нет. Но подход бывшего СССР к отношениям с Западом они характеризуют достаточно точно. В частности, создание советского военно-промышленного комплекса перед Второй мировой войной осуществлялось во многом руками крупнейших американских корпораций. Например, заводы, производившие советские танки, были построены американскими автомобильными компаниями.

Приписываемые Ульянову-Ленину фразы приходят на ум при чтении «Программы эффективного использования на системной основе внешнеполитических факторов в целях долгосрочного развития Российской Федерации», подготовленной МИД России и направленной президенту Д.А. Медведеву в феврале 2010 г. Журналисты окрестили ее *секретной доктриной*, поскольку она не была опубликована официально, а попала в прессу благодаря утечкам из правительственных ведомств. Сам МИД не опровергает, но и не отрицает наличие этого документа.

Ъ
В
А
О
С
С
Е
Г
О
А
П
Х
И
В
О
А
Н
М

Впрочем, убожество стиля и многих содержательных тезисов названной Программы не оставляет сомнений в том, что она действительно была изготовлена в главном центре российской дипломатии. Чтобы не быть голословным, приведем лишь одно предложение из сопроводительной записки к Программе, подписанной министром иностранных дел С.В. Лавровым и адресованной президенту Д.А. Медведеву. «К наиболее крупным факторам риска, – отметил министр, – связанным с болезненной адаптацией Запада к кардинально изменившейся ситуации, следует отнести проблему раскрытия трансформационного потенциала администрации Барака Обамы в США»²⁴. Сразу возникает несколько вопросов. Что именно значит *проблема раскрытия трансформационного потенциала администрации Барака Обамы в США*? Почему, для кого эта проблема, сам *трансформационный потенциал* представляет угрозу – для США, для администрации Барака Обамы, для России? Например, почему успех или провал реформы американского здравоохранения – самый крупный элемент *трансформационного потенциала* Барака Обамы – является неким *фактором риска* для России?

250 лет тому назад французский ученый Жорж Бюффон справедливо заметил «Le style c'est l'homme même»²⁵. Сумбурный стиль мидовских документов свидетельствует о хаотичности мышления и низком аналитическом потенциале творцов российской внешней политики. Не будем голословными. Так, рассуждая о кризисе «сложившейся западноцентричной системы глобального управления при доминировании США (sic!)», авторы Программы пишут: «В целом продемонстрировала свою устойчивость социально-ориентированная модель экономического развития, выработанная в Западной Европе в условиях холодной войны и ставшая одним из главных достижений исторического развития Европы»²⁶. Такой вывод выглядит особенно экзотичным. Он был сделан уже во время острого финансового кризиса, поставившего под сомнение судьбу европейской валюты, именно потому, что бюджеты ряда европейских государств были не в состоянии выдержать бремя чрезмерно высоких социальных расходов.

Дело, разумеется, не только и не столько в этих и иных нелепостях. Более важными являются стратегические установки, сформулированные МИДом. Суть их в том, что Запад переживает глубокий кризис. Западные лидеры, в том числе президент США Барак Обама, вынуждены приспосабливаться к новой ситуации. Это создает благоприятные возможности для России. В частности, в Программе предлагается «использовать заинтересованность администрации Барака Обамы в продвижении разоруженческих и нераспространенческих задач для оптимизации всей инфраструктуры многостороннего сотрудничества в области безопасности, его фокусировки на принципиально важных для России направлениях»²⁷. Главная идея заключается в том, что Россия должна

**Ирма Аргуэльо (Аргентина),
основатель и глава Фонда нераспространения во имя глобальной безопасности – по электронной почте из Буэнос-Айреса:**

Состояние безопасности в Латинской Америке носит тревожный характер. В регионе постоянно увеличиваются закупки оружия, основной центр транзитирования которого расположен в Центральной Америке и Карибских островах. В Мексике не снижается уровень наркопреступности. Рост популизма Уго Чавеса в Венесуэле ведет к *эрозии прав* человека. Усиливаются противоречия между Аргентиной и Великобританией по поводу Фолклендских островов. Обеспокоенность вызывает активное проникновение Ирана в Латинскую Америку через Венесуэлу, Бразилию и Эквадор. Бразильская дипломатия потеряла кредит доверия из-за провала трехстороннего договора с Турцией и Ираном. Победа Сантоса на президентских выборах в Колумбии и *гладкая* передача власти администрацией Урибе, улучшение отношений между Чили и Перу, соглашение о военном сотрудничестве между Бразилией и США – в числе позитивных событий региона.

воспользоваться складывающейся обстановкой и получить от Запада новые технологии и инвестиции, необходимые для модернизации экономики.

Что именно имеют в виду российские лидеры, говоря о модернизации? Ясно, что речь идет не о комплексной модернизации страны, включая демократизацию политической системы, создание правового государства и так далее, но о модернизации технологической. По всей видимости, примером для Кремля является Сталин, воспользовавшийся кризисом 1928–1932 гг. для того, чтобы купить на Западе передовые по тому времени технологии для рождающегося советского ВПК. Другой вопрос: какие именно группы российского истеблишмента заинтересованы в такой модернизации? Газовым и нефтяным корпорациям, играющим ключевую роль в экономике, строительстве, сфере услуг, в том числе транспортным и торговым компаниям, технологическая модернизация не нужна. Им проще и дешевле купить соответствующее оборудование и машины на Западе или в Китае, чем произвести их в России.

Во многих случаях, даже получив новое оборудование, российские предприятия не будут в состоянии конкурировать с западными производителями. Но российский военно-промышленный комплекс и военное командование заинтересованы в технологической модернизации. Руководители вооруженных сил и военной промышленности прекрасно понимают, что отставание России в сфере военных технологий нарастает и, возможно, уже прошло *точку невозврата*. Они надеются, что массовый импорт новейших технологий, создание российских пародий на Силиконовую долину и тому подобное позволят повторить сталинский опыт *модернизации à la Гулаг*. Пойдет ли Запад на то, чтобы повторить ошибки прошлого? Вопрос остается открытым.

И ВНОВЬ ОБ ИЛЛЮЗИЯХ

В большинстве своем политические деятели, дипломаты и эксперты с воодушевлением комментируют *перезагрузку* российско-американских отношений: новый Договор о СНВ, итоги обзорной конференции ДНЯО, резолюцию СБ ООН 1929 и другие события первой половины 2010 г. В них видят признаки движения к более безопасному, даже безъядерному миру. Похоже, однако, что такие оценки являются мнениями, не подкрепленными размышлениями. Упомянутые события – не более чем имитация прогресса, создающая иллюзию успеха, тогда как реальные угрозы международной безопасности, связанные с ядерным оружием и его распространением, не только не решаются, но усугубляются и могут привести к малоприятным последствиям.

Юрий Федоров

ГЛАЗАМИ КОНСЕРВАТОРА: ЗАПОЗДАЛОЕ НАЧАЛО НОВОГО МИРОВОГО БЕСПОРЯДКА

Вам не кажется, что весной 2010 г. начались те события, о которых говорили политологи, которых боялись политики и с тревогой ожидали жители многих регионов? Новый *мировой беспорядок*, который предрекали в конце 1980-х гг., о котором некоторые грезил в 1990-х гг. (понятное дело, как писал Гилберт Кит Честертон, чтобы спрятать сухой листок, надо сажать мертвый лес) и начали порой забывать в *нулевые*, все-таки начался.

Как по-другому назвать ситуацию, когда за последние два-три месяца произошло резкое и стратегически значимое обострение обстановки практически во всех регионах, исключая, возможно, Африку, где и без этого дела идут довольно бойко. Однако не удивлюсь, если и там произойдет что-то новенькое. Даже умильно-благодное течение российско-американских отношений после *перезагрузки* как-то неожиданно взорвалось вроде бы на *пустом месте*, на фоне шпионского скандала.

Причем нельзя сказать, чтобы произошло это обострение без видимых причин. Напротив, обострения ситуации ждали, но ждали слишком долго и ждать устали, а посему

А
В
Р
О
С
С
З
С
Б
Е
Д
О
О
А
П
Х
В
В
О
А
Н
М

поверили, что все это выдумки. К тому же все считали, что новый мировой беспорядок будет нарастать постепенно, можно будет решать проблемы по мере поступления, а значит, будет как бы страшно, но в действительности, – нет. Ведь с локальными кризисами можно справляться, не разрешая их, а замораживая. Ведь именно так была стабилизирована ситуация в постсоветской Евразии и Восточной Европе. Но когда нестабильность начала проявляться во всех ключевых регионах практически одновременно, это явно напугало про-
грессивное человечество.

Напугало настолько, что практически все ключевые игроки попытались сделать вид, что ничего нового не произошло и что все кризисные всплески последнего времени есть не более чем повторение того, что мы уже видели в предшествующую историческую эпоху. Напрасно. Отсидеться в засаде вряд ли получится даже тем, у кого достаточно средств, чтобы воевать чужими руками, как, например, японцам или британцам. Новая историческая эпоха уже затянула в свой водоворот некоторые стратегические важные регионы и начинает подбираться к другим. Вопрос в том, стоит ли просто дожидаться момента, когда нас втянет в воронку, или же, как говорил красноармеец Сухов, стоит помучаться?

Дайан Джаятиллека (Шри-Ланка),
посол, профессор университета Коломбо – по электронной почте из Коломбо:

Атака Израиля на *Флотилию свободы*, потопление южнокорейского корвета в Желтом море, спровоцировавшее волну напряженности на Корейском полуострове, резко ухудшили ситуацию на Ближнем и Дальнем Востоке. Агрессивный антииранский настрой Израиля и *ястребиная позиция* США по отношению к Ирану и Северной Корее, – все это можно с уверенностью обозначить в качестве ключевых негативных событий, произошедших на Ближнем и Дальнем Востоке. Визит главы МИД Индии Соманахалли Малайя Кришна в Вашингтон, принятие ООН резолюции по поводу атаки на *Флотилию свободы*, согласование позиций США, Китая и России по санкциям в отношении Ирана, усилия России и Китая смягчить данные санкции позитивно отразились на региональной безопасности. Ситуация на Ближнем Востоке будет определяться двумя линиями: Израиль–Хезболлах–Ливан–Иран и США–Афганистан.

ИРАН КАК ЦЕНТР МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Как и предполагалось, центр мировой политики все больше сдвигается в направлении Ирана. Это понятно, – после принятия последней резолюции Совета Безопасности ООН можно все еще спорить о том, *что же будет*, но оспаривать то, что *что-то будет*, вероятно, уже бесполезно. *Что-то* вокруг Ирана теперь обязательно будет, ибо с принятием резолюции мировое сообщество вольно, а кто-то и невольно, по недомыслию пересекло *линию невозврата*. Теперь и США, и Европе придется что-то делать в отношении Ирана, чтобы не *потерять лицо*. А России и Китаю придется при всем этом поприсутствовать молча, чтобы хоть как-то оправдать свою поддержку резолюции ООН.

Интересно, однако, рассмотреть вопрос в несколько иной, чем обычно, плоскости: кто из основных игроков с каким багажом подходит к этому самому *что-то будет*?

Итак. США хотели бы *малой кровью*, могучим ударом одновременно и ликвидировать угрозу создания в Иране ядерного оружия, и не допустить дальнейшей радикализации поведения иранских властей. В Вашингтоне понимают, что ресурсов для сдерживания Ирана у них вообще-то нет. В идеале нынешняя администрация США вообще бы согласилась *спустить иранское досье на тормозах*, однако в современных внутривнутриполитических условиях это невозможно. Так, что США – если только в Иране не произойдет переворота и к власти не придет како-нибудь умеренный технократ – придется, как минимум,

сымитировать силовую операцию, хотя бы для того, чтобы умиротворить произраильское лобби.

Европа, вернее, Франция и Германия как наиболее значимые игроки на Ближнем Востоке, вообще-то не против краткосрочной силовой акции против Ирана. В конечном счете, после этого американскому бизнесу в Иране делать будет совершенно нечего (согласимся, что оккупация США 60-миллионной страны маловероятна), и единственная *форточка*, через которую американцы смогут контактировать с Ираном, окажется в Берлине или Париже. Но, с другой стороны, европейцы не заинтересованы в слишком долгой силовой фазе, поскольку это грозит ростом цен на нефть и окончательной потерей ЕС остатков глобальной конкурентоспособности. Понятно, что как только США нанесут удар по Ирану (а европейцы убедятся, что от иранской ядерной инфраструктуры остались дымящиеся обломки), европейцы тут же начнут *миротворческие усилия* и *гуманитарные миссии*. Они это очень хорошо умеют делать.

В Тель-Авиве, конечно, заинтересованы в том, чтобы США нанесли удар по Ирану. В таком случае про *израильские художества* все на некоторое время забудут. Более того, израильтяне в принципе заинтересованы в долговременной нестабильности в регионе, в таком случае больше шансов *получить карт-бланш* от американцев на *зачистку* сектора Газа, где ХАМАС предсказуемо выступит с проиранских позиций и проведет, не сомневайтесь, несколько громких акций, после которых ответные израильские действия покажутся естественными даже записным черносотенцам.

Арабские страны в целом заинтересованы в том, чтобы по Ирану был нанесен удар. Уж слишком громко иранское руководство, дела которого внутри страны печальны, начало говорить об исламской солидарности. Страны Персидского залива, прежде всего, ОАЭ и Саудовская Аравия, к тому же смогут вздохнуть спокойно *под крылом* американской военно-морской группировки, которая после удара по Ирану еще очень долго будет курсировать в Заливе. А уж как обрадуется египетское руководство новой *зачистке* сектора Газа, и представить себе сложно. Тем не менее, все арабские режимы сильно недооценивают возможную реакцию *арабской улицы* на удар Израиля по Ирану. И, думается, очень зря.

То есть, если разобраться, в том, чтобы по Ирану был нанесен удар, заинтересованы все, включая и руководство Ирана, которое *под шумок* мобилизации общества на борьбу с агрессором окончательно *зачистит* оппозицию, а главное, — избавится от необходимости отвечать на вопросы о бедственном экономическом положении. Никто не заинтересован в том, чтобы силовая фаза затянулась. Собственно вокруг вопроса о длительности и масштабах силовой акции, вероятно, и идет сейчас основная дискуссия.

Константин фон Эггерт (Россия),
член Королевского института международных отношений – по электронной почте из Москвы:

Состояние безопасности в мире кардинально не изменилось. События в Киргизии резко обострили ситуацию на региональном уровне. Новое российско-американское соглашение по СНВ, а также визит Д.А. Медведева в США позитивно повлияли на климат международной безопасности. Летом 2010 г. следует ожидать обострения противостояния Ирана и Совбеза ООН, что может привести к снижению Индекса международной безопасности.

Наконец, как однажды *ляпнул* покойный Б.Н. Ельцин, *и в скобках Россия*. Тут выясняется, что РФ, по сути, единственный игрок, у которого не просматривается повестка дня на случай пресловутого *что-то будет*. Действительно, что мы хотели получить от Ирана за блокирование попыток Запада ввести санкции и открыть дорогу к силовому решению, — более-менее понятно, хотя вряд ли это было достижимым. А вот как Россия собирается играть в условиях, когда ситуация вокруг Ирана будет постоянно обостряться пока совершенно неясно. Так что к реализации силового сценария вокруг Ирана Россия готова меньше, чем кто-либо из серьезных игроков. А может, у нас

Э
В
А
О
О
С
О
З
С
С
В
Е
О
Г
О
А
П
Х
В
В
О
А
Н
М

Могут ли санкции остановить ядерную программу Ирана?

В опросе принимали участие посетители интернет-представительства ПИР-Центра www.pircenter.org. Опрос проводился с 1 мая по 1 сентября 2010 г.

1. Да, Санкции помогут создать дополнительные стимулы для мирного разрешения проблемы

20%

2. Нет, Санкции это путь к конфронтации, Иран не пойдет на компромисс

47%

3. Санкции не эффективны, только военная операция может предотвратить создание Ираном ядерного оружия

16%

0 10 20 30 40 50

никогда и не было какой-то серьезной *повестки дня* в Иране? Может, стоило с самого начала, отрешившись от державных амбиций, выстраивать отношения с Тегераном по принципу *утром деньги, вечером стулья*?

Упреки *патриотического сообщества* в адрес Кремля в предательстве интересов России беспочвенны. Конечно, голосование за резолюцию, подготовленную в Вашингтоне, неприятно, но вполне логично. Куда менее логичным было бы продолжать защищать Иран на фоне, мягко говоря, экзальтированного поведения его лидеров и появления все большего количества данных о том, что, помимо *маленькой льдинки* гражданской ядерной программы, в Иране есть если не *айсберг*, то *ледяная глыба* закрытой ядерной программы. Конечно, когда *осядет пыль*, наверняка выяснится, что большая часть этой глыбы – имитация, остатки прежних давно замороженных программ или просто вранье, причем не только международному сообществу, но и собственному руководству, интересующемуся, куда делись деньги.

Выяснится, что реальный объем незаконной с точки зрения Договора о нераспространении деятельности в Иране был куда меньше того, что Тегерану сейчас приписывается. Это уже не имеет значения. Наличие у Ирана скрытой части ядерной программы является доказанным фактом. Сам Иран проявляет полное нежелание подтверждать свою невиновность (понятно, что на той фазе, на которой находятся отношения Ирана и мирового сообщества, принцип презумпции невиновности не действует). В подобных условиях оставаться на стороне Ирана означало бы противопоставлять себя почти всему миру, если, конечно, не считать Уго Чавеса. Россия, нравится нам это или нет, позволить себе подобную роскошь пока просто не может.

Наивны рассуждения о том, что, поддержав США и Запад, Россия лишилась блестящих перспектив сотрудничества с Ираном. Сейчас об этом модно рассуждать, однако вспомним: Россия на протяжении последних 15 лет с упорством, явно достойным лучшего адвоката, защищала Иран от давления Запада, при этом Москва несла весьма заметные политические, не говоря уже об имиджевых, потери. Можно говорить, что России, минимум дважды, – в 1996 и 2004 гг. удавалось срыть проведение США крупных акций против Ирана, имевших, возможно, и военное продолжение.

И что? Как Тегеран, в котором за это время сменилось три президента, отблагодарил нашу страну? А никак. Россия не получила никаких экономических преференций, российские компании не стали основными партнерами Ирана в разработке углеводородных ресурсов. Буквально накануне последнего обострения ситуации в Тегеране *взахлеб об-*

суждали перспективы сотрудничества в нефтегазовой отрасли с европейскими компаниями. Вряд ли Тегеран реально собирался двигаться в сторону более тесного экономического взаимодействия с Россией. Скорее, нас еще долго кормили бы разговорами о политическом партнерстве, прорабатывая нефтегазовые проекты со странами ЕС, Японией, Южной Кореей, да и теми же американцами, которые бы действовали под крышей третьих стран.

Вопрос, в конечном счете, не в том, что Россия поссорилась с Ираном и перестала прикрывать *чужаков* иранского руководства во главе с экзальтированным лидером. Сомневаюсь, что Москва в течение последних 10 лет имела сколько-нибудь значимое влияние на Тегеран. Суть даже не в том, что по улицам Тегерана ходят толпы, скандирующие *смерть России*. Походы-походы, да и перестанут. Вопрос в том, получила ли Россия от США и стран Европы должную компенсацию за изменение своей позиции, или все в очередной раз ограничилось обещанием поспособствовать нашему вступлению в ВТО и продажам никому особо не нужного *Мистраля*?

КИРГИЗСКАЯ ЗАМЯТНЯ И ДИЛЕММЫ РОССИИ

Когда-то в российской литературе применительно к мятежам в Золотой Орде применялся термин *замятня*. Не *восстание*, *мятеж*, а *замятня*. То есть этим термином описывается ситуация, когда противоборствующие силы борются не за изменение политики, не за изменение строя, когда действуют не стабильные коалиции или альянсы, а некий набор игроков, которые, вступая в союзы, предают союзников при первой возможности. Единственная их цель – захват власти. Когда в Орде свирепствовала самая длинная, так называемая *Великая замятня*, начавшаяся в 1357 г., Москва окончательно укрепила свои позиции в качестве *собираательницы земель русских*.

Думается, что термин *замятня* вполне применим к современной ситуации в Киргизии. Ведь понятно, что *антиолигархической революцией* считать то, что произошло в Бишкеке нельзя, уже хотя бы потому, что за спинами нынешних бишкекских временщиков виднеется тревожная фигура Феликса Кулова. На межнациональный конфликт просящееся точно не тянет. Речь, прежде всего, шла о переделе собственности между различными кланами, причем, замечу, собственности, которую только недавно отняли у семьи Курманбека Бакиева, а незадолго до этого, – у семьи Аскара Акаева. Национальные меньшинства, причем сначала – турки, потом – корейцы и только потом пришла очередь самого крупного, узбекского национального меньшинства, появились исключительно в виде громоотвода. Речь идет, по сути, об изменении отношений собственности в рамках того, что на научном языке называется *трофейная экономика*. Ведь участники *замятни* делят активы и собственность, которые были созданы кем угодно, но только не ими. Судя по громкости заявлений о строительстве демократии, никаких других целей у участников *замятни* нет.

Совершенно логичной в связи с этим становится позиция лидеров среднеазиатских государств, которые сделали все, чтобы уклониться от участия в каких-либо действиях в отношении Киргизии. Они, наблюдая за развитием ситуации в Киргизии с очень близкого расстояния, так и хочется скаламбурить, – *с расстояния пушечного выстрела*, прекрасно понимают, о чем идет речь. Они осознают, что попытка вмешательства не приведет ни к чему, кроме дальнейшего раскручивания уже и без того бесцельного и неуправляемого механизма *замятни*. В таких условиях самое умное, – и лидеры стран региона доказали, что ума им не занимать, – начать рассуждать о суверенитете и *кивать в сторону* Москвы. Сами они не имели совершенно никакого желания втягиваться в *замятню*, а разговоры о необходимости помочь соотечественникам не производили на них должного эффекта.

Однако надо иметь в виду два очень серьезных и потенциально опасных обстоятельства. Во-первых, ни США, ни Россия не смогут долгое время наблюдать за тем, как киргизские кланы делят постоянно уменьшающуюся из-за погромов и поджогов собственность, поскольку это угрожает нарушить линию снабжения натовских войск в Афганистане, а это не нужно никому. Рано или поздно, если из киргизских кланов не появится какая-то силь-

А
Б
В
Г
Д
Е
Ж
З
И
К
Л
М
Н
О
П
Р
С
Т
У
Ф
Х
Ц
Ч
Ш
Щ
Ъ
Ы
Ь
Э
Ю
Я

ная фигура, которая *зачистит* становящийся все более убогим *политический пейзаж*, им, — причем совместно, ибо по-другому не получится, — придется вводить в Киргизии внешнее управление. Иначе это сделает Китай. Кто-то сомневается, что Киргизия может стать полигоном, на котором наши китайские друзья, — исключительно в рамках своих обязательств перед ШОС, — опробуют свой новый статус второй сверхдержавы? А ведь среди киргизских башибузуков вполне может найтись умник, который обратится за помощью не в Москву или Вашингтон, а в Пекин.

Во-вторых, Киргизия исторически по политическим процессам несколько опережала остальные государства региона. Тенденции распада советской системы там начались несколько раньше, за два года до того, как пожар запылал в остальной Центральной Азии. То есть *аннигиляция*, разрушение постсоветской системы отношений в Киргизии есть вполне возможная парадигма развития для всего региона. Почему это может произойти? Да потому, что во всех странах региона, за исключением, пожалуй, Казахстана, да и то с известными оговорками, которые подтверждают скандалы в семье Нурсултана Назарбаева, исчерпана постсоветская экономическая повестка дня. Существовала она или нет — вопрос спорный, в конечном счете, проект *Великий шелковый путь* можно считать таковым. Главное, ее уже точно нет, а новой не появилось.

Выход из этого положения может быть найден легче всего в *парадигме Шарикова*, в рамках которой действуют киргизские политики: все поделить. Но это означает, что стабилизация в Киргизии, а вместе с ней и во всем регионе может быть достигнута только при появлении новой экономической повестки дня. Вот только одна проблема: региональные элиты выработать ее неспособны.

Так что за миротворцами должны прийти инвестиции. Только в таком случае миротворческие операции будут оправданы. Если же ни Россия, ни США к этому не готовы, то лучше наблюдать за событиями в Киргизии по телевизору. Но только с выключенным звуком.

АФГАНСКИЙ СИНДРОМ АМЕРИКАНСКИХ ВОЕННЫХ, ИЛИ ТАНЦЫ ПО КРУГУ

Конечно, *замятню* в Киргизии саму по себе можно было бы игнорировать, списав на местную специфику и вороватость пришедших (а потом — и ушедших) вместе с Курманбеком Бакиевым кланов. Беда в том, что *замятня* происходит на фоне весьма странных событий в Афганистане. Мы понимаем, что ключ к сегодняшней ситуации в Центральной Азии, нравится нам это или нет, ключ геополитический, открывающий или закрывающий *врата нестабильности*, находится не в Бишкеке, не в Ташкенте, не в Астане и даже не в Москве. Он находится в Кабуле, где уже 20 с лишним лет нет советского ограниченного контингента, но скоро уже как 10 лет находится ограниченный контингент США и их сателлитов. Глядя на то, что происходит в этом ограниченном контингенте, начинает появляться все больше и больше вопросов.

Прежде всего, встает вопрос: а какая на сегодняшний день у многонациональных сил стратегия? Для этого неплохо было бы вспомнить, какие стратегии анонсировались нашими американскими друзьями за последние годы. Для начала, стоит напомнить, что еще в 2006 г. была анонсирована стратегия, которая предусматривала передачу основных функций в сфере безопасности афганским силовым подразделениям. Иными словами, это была стратегия афганизации войны и постепенного снятия американцами с себя обязательств за судьбу Афганистана. Закончилась эта стратегия тем, что талибы, превращенные за пять лет до этого (во всяком случае, в рапортах американских военных) в разрозненные партизанские группы, скрывавшиеся в глубине пещер Тора-Бора, начали спокойно разгуливать по ключевым афганским городам. Завершилась эта стратегия, как мы помним, истерикой европейских союзников США, которым Вашингтон и собирался вручить бразды правления.

Затем на смену стратегии афганизации пришла стратегия контроля крупнейших городов. Эту стратегию однажды, между делом, раскрыл офицер датского контингента, сказавший, что эффективность действия датских войск заключается в том, чтобы талибы не появлялись с оружием в населенных пунктах, которые датчане контролируют,

а датчане, в свою очередь, не вмешиваются в то, что происходит за дувалами селений в сельской местности. Вкратце стратегию можно назвать *не тронь меня*. Замечательная стратегия для тех, кто еще за пять лет до этого собирался всерьез строить в Афганистане современную демократию западного типа и проводить свободные выборы.

Потом, в 2009 г., вероятно, от понимания политической некорректности стратегии контроля городов появилась стратегия контроля ключевых для талибов провинций юга Афганистана. Мол, стоит лишить талибов их базы в провинциях Кандагар и Гельменд, и влияние талибов пойдет на убыль. Три наступления войск коалиции не подтвердили правильность данной стратегии.

Естественно, что она просуществовала недолго.

Генерал Стэнли Маккрystal привез с собой идею существенного увеличения контингента, которая предполагала вытеснение талибов в маргинальные районы и прямой контроль над большей частью территории страны. После, как всегда, блестяще проведенного весеннего наступления, когда многонациональные силы смогли взять город Марджа (по нашим меркам – поселок), операция была свернута, данную концепцию по-тихому *убрали в тень*. Под разговоры о новой стратегии резко возросли потери сил коалиции в Афганистане, которые к маю-июню 2010 г. достигли показателей, характерных для Ирака 2006 г. Самое главное – пришлось сквозь зубы признать, что потери растут не только от мин и фугасов, но и от *набеговых* действий со стороны талибов, которые принимают все более организованный характер.

Талибов ли? Не просмотрели ли мы вместе с американцами возникновение в Афганистане нового центра притяжения антизападных сил? У читателей не создается ощущения, что американцы в принципе не знают, что делать в Афганистане? И нет ли ощущения, что главная стратегия американцев в Афганистане заключается в том, чтобы наконец-то найти повод, чтобы объявить о своей победе и начать вывод войск?

После таких вопросов уже не столь удивительным становится скандальный эпизод откровения бывшего теперь уже командующего силами НАТО и США в Афганистане генерала Стэнли Маккрystalа. Какой же *боевой стресс* должен испытывать не самый *отмороженный* американский генерал (напомним, что генерал Стэнли Маккрystal был назначен на свою должность под аргументы о его вменяемости, способности к диалогу, хотя миротворцем назвать его трудно), чтобы уже через несколько месяцев своего пребывания в должности начать *нести в эфир* такое?

Традиционно американский генералитет как огня боялся критики, а тем более – нападков на политическое руководство, памятуя о трагической судьбе всех генералов, которым вздумалось, будучи генералами, поиграть в политику. На памяти этого поколения американских генералов есть подобный эпизод: когда победителя Саддама Хусейна генерала Нормана Шварцкопфа списали в запас только за одно подозрение не то чтобы в нелояльности, но просто в попытке оспорить решение президента Дж. Буша-старшего. Все помнят, как далеко прошел по служебной лестнице классический *паркетный генерал* Колин Пауэлл, который следовал *генеральной линии партии*. А тут – такой конфуз. Понятно, что Стэнли Маккрystalа сняли с должности со скандалом, но ситуация менее вызывающей от этого не стала.

Ситуация вокруг генерала Стэнли Маккрystalа дает основания для двух принципиальных выводов. Вывод первый: дела в Афганистане действительно идут проблематично, а главное – никаких идей политического урегулирования (естественно, кроме примирения с талибами) у *американских операторов* в регионе нет. Во всяком случае – пока. А главное – нет консенсуса относительно того, куда далее двигаться в регионе в целом, хотя понятно, что без контроля над Пакистаном стабилизацию в Афганистане не осуществить. Кстати, все-таки история повторяется, а значит, мы не развиваемся, а ходим по кругу.

После первых четырех лет войны в Афганистане советские военные тоже начали требовать от политического руководства разрешить операции в Пакистане, где находились тренировочные лагеря с американскими советниками и базы снабжения душманов.

Идея вывода части талибов из списка международных террористов – прямая калька с советской стратегии национального примирения. То есть ничего нового придумать не получается, а главное – как странно затихли разговоры о демократизации Афганистана и борьбе с коррупцией! На вопросы из Москвы о том, что пора хоть как-то *поприжать* производство наркотиков, американцы только криво улыбаются. Логика Стэнли Маккриснала понятна, – он, будучи в целом адептом логики *мочить в сортире*, просто не хотел быть крайним и *отстраивался* от политических решений. *Отстраивался*, как умел, или как ему подсказывали.

Вывод второй. Авторитет нынешнего политического руководства США и лично *великой надежды демократии* среди американских силовиков настолько низок, что это становится уже вызывающим. Главный не в том, что генерал Стэнли Маккриснал *нахамил* Бараку Обаме, – бывает. Главное – в другом. Стэнли Маккриснал *нахамил* Бараку Обаме *по делу*, прицельно ударив по тому *гламурно-пиарному флеру*, который уже давно многих раздражает и за которым порой не видно содержания. Ведь если разобраться трезво, то откровения Стэнли Маккриснала показывают, если хотите, *вываливают* наружу все основные болевые точки американской политики в Афганистане, да и не только в Афганистане. Откровения генерала были напечатаны, а не положены *под сукно*. С учетом особенностей нынешней американской демократии это говорит о том, что в ударе по Бараку Обаме были заинтересованы очень крупные фигуры в американской администрации.

И отсюда вопрос: а не завелась ли в американской элите некая группа пораженцев, которая, подобно большевикам образца 1914 г., вознамерилась нанести поражение собственному правительству? Если так, то тогда мы должны констатировать, что дела в американской элите зашли очень далеко. А главное, – все это, как ни смешно, создает для России очень серьезный вызов. Вызов непредсказуемости американской политики и, что еще более опасно, автономности поведения отдельных игроков. В конечном счете, Россия в последние годы действовала в условиях безусловной предсказуемости США как партнера и конкурента. Этой предсказуемости не мешали ни периодические разговоры Дж. Буша-младшего с богом, ни антироссийский радикализм Ричарда Чейни. Напротив, все как раз становилось понятнее. Нынешняя ситуация, не в пример предыдущим событиям, туманнее и опаснее.

КОРЕЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ: ОБОСТРЕНИЕ СИТУАЦИИ НА ФОНЕ ТУМАННОЙ ЛОГИКИ

Обострения ситуации в Северо-Восточной Азии ждали многие и ждали давно. Не могло быть так, чтобы такой важный и *напичканный* противоречиями регион оставался в стороне от глобальных кризисных явлений и глобального всплеска международной напряженности. К тому же все участники силовых процессов в регионе слишком долго старались *вести себя прилично* и соблюдать *все писаные и неписаные нормы*. Нужен был повод для того, чтобы хоть как-то сбросить накопившуюся усталость от следования принципам международного права. Поэтому то, что в Северо-Восточной Азии, скорее всего, на Корейском полуострове возникнет какой-либо серьезный силовой кризис, естественно, с *бряцанием оружием* и обещаниями разгромить оппонента, было лишь вопросом времени. Но, право же, повод для конфронтации – трагическая гибель южнокорейского военного корабля – с позиции здоровой логики может быть объяснен с большим трудом. В любом случае, вокруг данной, подчеркнем еще раз, трагической ситуации, поскольку политические маневры и *бряцание оружием* дело, конечно, хорошее, пока не начинают гибнуть люди, больше вопросов, нежели ответов.

Северокорейский режим еще раз доказал свою кровожадность. Это суждение, безусловно, имеет право на существование. Однако оно не отвечает на вопрос: зачем Пхеньяну было еще раз доказывать свою кровожадность. Весь мир и так в этом глубоко уверен, особенно после проведенных КНДР то ли ядерных, то ли псевдоядерных испытаний. Согласитесь, во всех действиях северокорейского руководства последних 20 лет присутствовала вполне понятная логика – логика выживания. И, согласимся, свою задачу северокорейский режим, о грядущем крахе которого в начале 1990-х гг. не говорил только ленивый, выполнил на отлично, не совершив ни одного нефункционального действия.

А вот в нынешней ситуации логики не просматривается, если, конечно, не допустить, что какой-нибудь храбрый командир северокорейской подводной лодки не стрелянул самостоятельно по надоевшему ему южнокорейскому кораблю. Это, конечно, теоретически возможно, но только теоретически.

Конечно, может быть и иное объяснение: северокорейские военные пошли на провокацию без санкции партийно-политического руководства с тем, чтобы *под шумок* кризиса и даже ограниченного удара со стороны США отстранить от власти семью Кимов, глава которой лишь ограниченно дееспособен, а младшее поколение интеллектуальным развитием в целом не блещет. Такое объяснение имеет право на существование, только если мы *встанем на рельсы* глобальной конспирологии. Вряд ли кто-то сейчас сможет внятно разобрать расклад сил в северокорейском руководстве.

Отставим в сторону обсуждение доказательства причастности или непричастности северных корейцев к потоплению южнокорейского корвета. Это – дело специалистов, причем реально независимых, хотя, конечно, предъявленные Сеулом доказательства, мягко говоря, слабоваты и могут считаться бесспорными только в рамках обычной логики. Хотя и она, признаемся, с учетом исторических особенностей поведения наших северокорейских друзей имеет право на существование.

Думается, Сеул понимает определенную слабость своей позиции (хотя уверенность в вине северокорейцев, вероятно, действительно вполне искренняя), поэтому и напирают они больше на политическое осуждение Пхеньяна, разыгрывая *карту жертвы*, нежели на возможность военного ответа, хотя именно последнее было бы вполне оправданным. Мировое сообщество вдруг вместо того, чтобы наброситься на Пхеньян и ввести против него полный набор политических и экономических санкций, ограничивается вялым осуждением КНДР и обещанием разобраться, что сопровождается сочувственным отношением к сборной КНДР по футболу. То есть, конечно, *прогрессивное человечество* признает, что режим в Пхеньяне кровожадный, но подыгрывать Сеулу почему-то никто не спешит. Ответ госдепа на просьбу Сеула вернуть Пхеньян в список террористических государств надо просто *высекать на камне*: ничего более странного, а по сути – циничного в течение последних 15 лет в официальных документах читать не приходилось. С чего бы это? Может быть, потому, что все просто боятся спровоцировать внутренний кризис в КНДР?

Конечно, у любого непредвзятого наблюдателя может возникнуть вопрос: как могла северокорейская субмарина, вряд ли только что сошедшая со стапелей, со своей так называемой технологической *продвинутой*, среди бела дня, одной торпедой потопить сверхсовременный корабль? При том, что южнокорейский корвет наверняка был *напичкан*, к слову, электронной и новейшими системами вооружения производства западных стран, которые наши военные сейчас сходят с ума покупать. При этом корабль как раз таки и предназначен для борьбы с подводными лодками. Да еще потопить так, что не сразу стало понятно, от чего он затонул. Да еще в районе, где уровень боеготовности корабля должен быть наивысшим. Это какой же степенью боеготовности блистают южнокорейские ВМФ (а думается, и все вооруженные силы), чтобы такое немыслимое по всем критериям разумности событие могло произойти? Если это была провокация северных корейцев, проверка южнокорейских военных на прочность, то единственный вывод, который могли сделать в Пхеньяне, – южнокорейцев можно брать *тепленькими*. Если в этом была задумка провокации со стороны пхеньянских политиков или силовиков, то она, конечно, блестяще оправдалась.

Зря киноманы проигнорировали северокорейский фильм *Дневник военнослужащей*, который демонстрировался на Московском кинофестивале. Поучительное, наверное, кино. А вообще, конечно, хотелось бы узнать, что же там все-таки произошло. Ну, хотя бы лет через двадцать пять.

БОЛЬШОЙ БЛИЖНИЙ ВОСТОК ИЛИ МАЛЕНЬКИЙ ИЗРАИЛЬ

Все говорят, что попытка прорыва в сектор Газа пресловутой *Флотилии мира*, которая закончилась то ли 9, то ли 19 трупами, была провокацией. В этом, думается, сомне-

Ы
В
А
О
У
О
С
З
С
В
Е
О
Г
О
А
П
X
И
В
О
А
И
И

ний нет. Есть вопросы, и главный из них – а зачем эта провокация была совершена? Только ли затем, чтобы еще больше изолировать нынешнее руководство Израиля, загнав его окончательно в угол (поскольку надо понимать, что Турция была последним государством региона, которая худо-бедно Израиль поддерживала) и показав геополитическую несостоятельность нынешней израильской правящей элиты? Данная ситуация также наталкивается на простой вопрос: а зачем? Ведь только наивный и не понимающий особенностей израильской политики человек (а таких людей нет ни в США, ни в ЕС, ни в Турции) не мог не понимать, что изоляция руководства Израиля, оказание на него давления в среднесрочной перспективе могут привести только к радикализации политики.

Главный вопрос не в том, зачем в Газу плыла *Флотилия мира*. Главный вопрос в том, зачем *мировое сообщество* с упорством, достойным гораздо лучшего применения, пыталось Израиль изолировать. Конечно, нынешнее руководство Израиля – это не те люди, с которыми можно разговаривать о высоких материях гуманитарных проблем, создании систем коллективной безопасности на Ближнем Востоке и о безъядерном мире. У этого поколения израильских лидеров явно нет долгосрочного видения отношений с арабскими странами, места Израиля на Ближнем Востоке. Вырабатывать они его явно не собираются. У них вообще – проблемы с пониманием контекста своего существования.

Однако остается непонятно, зачем *загонять* Израиль в угол, тем более что прекрасно известно, что *загнанный в угол* Израиль вполне может и *укусить*. Израиль всегда выходил из изоляции через удар (кстати, если говорить объективно, – и правильно делал), и нет оснований полагать, что нынешнее израильское руководство будет действовать как-то по-другому. Не надо быть провидцем, чтобы понять, что наиболее вероятным вариантом укуса со стороны Израиля мог быть удар по атомным объектам Ирана с последующим втягиванием в конфликт США. В данном случае США вряд ли смогли бы оставаться в стороне, да и не захотели бы, после неизбежного ответа Ирана.

Рискну сказать, что Россия в данной ситуации упустила свой шанс вернуться на Ближний Восток в качестве реальной силы. Она упустила возможность *встать над схваткой*. В конечном счете, если Россия считает возможным (и, по моему мнению, – правильно считает) вести диалог с ХАМАС и Хезболлах – вопрос только в том, в чем цели и задачи этого диалога, почему мы так быстро встаем на чью-то сторону в весьма, надо сказать, *мутной* ситуации. В конечном счете, если израильское руководство не слишком искушено в современной мировой политике и позволяет себя *разыгрывать в темную*, то кому как не России было бы выступить в качестве канала диалога, в том числе канала диалога между арабскими странами, Турцией, с одной стороны, и Израилем – с другой.

Завершая разговор о данной ситуации, рискнем сделать одно маленькое умозаключение. Главная ошибка Израиля в случившемся казусе не в том, что спецназ должен сначала думать, а потом стрелять, а в том, что израильское руководство просмотрело момент, когда изменилась Америка. Если хотите, когда Израиль утратил американский карт-бланш на обеспечение своей безопасности или того, что Израиль считает атрибутом своей безопасности любыми средствами. Думается, что поведение американских друзей, которые, если говорить прямо, Израиль *сдали*, было большой неожиданностью для Тель-Авива, которую, боюсь, там пока еще не полностью осознали.

Кстати, а мы в России дозрели до понимания того, что Америка изменилась?

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Можно, конечно, критиковать тех специалистов в сфере международных отношений, которые во всем стремятся увидеть скрытый смысл, умысел тех или иных политических и экономических сил. Их называют конспирологами, приписывают им авторство теории вселенского заговора. Но, если взглянуть на ситуацию объективно, действительно ли мы согласны с той посылкой, что все или, по крайней мере, – большинство событий в мировой политике (а им, как мы уже теперь четко понимаем, соответствуют некие события в мировой экономике) произошли как бы стихийно, случайно? Как бы без умысла

и замысла? Согласитесь, поверить в такое означало бы отрицать ум и государственную ответственность, а заодно и корысть *сильных мира сего*.

Не кажется ли уважаемым читателям, что во всех событиях последнего времени есть одна общая черта? *Мутнота*, иными словами – неясность мотивов и подоплеки, недоказанность авторства, туманность конечной цели. *Мутная* история с потоплением южнокорейского корвета, еще более мутная история с провокацией буйной *Флотилии мира*, *мутные* события в Киргизии, сопровождаемые не менее *мутным* поведением региональных лидеров, только недавно примерявших *тоги гегемонов* Центральной Азии. Беспричинное, а значит, – *мутное* обострение ситуации в Афганистане, причем на всех фронтах. Про *мутную* историю с 10 российскими нелегалами, арестованными в США, можно слгать легенды. Или анекдоты, поскольку фраза *десять нелегалов* является анекдотом сама по себе. На этом фоне действия иранского президента Махмуда Амадинежада могут считаться образцом понятности и предсказуемости. Он делает только то, что от него ждут, и более идеального партнера для Запада придумать невозможно, особенно учитывая, что это – *игра в поддавки*.

На этом фоне разговоры о *третьей силе*, которая то там, то здесь провоцирует силовое развитие событий, уже не кажутся полностью безосновательными и случайными. Какая уж это случайность, если во всех проблемных ситуациях последнего времени эта пресловутая *третья сила* в той или иной форме всплывала. Это уже система. И, боюсь, это уже не *третья сила*, а *первая*, ибо она определяет темп развивающихся событий и их направленность.

Глядя на все перипетии последнего времени, как международные, так и в конкретных странах, поневоле начинаешь задумываться над трагизмом фигуры *Дракона* из сказки Евгения Шварца, которая у нас больше известна по фильму Марка Захарова *Убить Дракона*. Ведь, если разобраться, *Дракон* всеми правдами и неправдами, железом и кровью, как бы сказали в хрущевские времена, с *нарушениями социалистической законности*, много лет делал из скотов людей. И как мало оказалось нужно времени, чтобы после смерти *Дракона* от руки, если присмотреться, демагога и позера *Ланцелота*, в котором угадываются облики популистов 1990-х гг., эти вроде бы люди вновь превратились в скотов.

Мораль: не стоит рассчитывать на то, что такие достижения цивилизации, как ООН, ОБСЕ, правозащитные организации, социальные сети и Европейский суд по правам человека, будут играть в условиях нового *мирового беспорядка* такую же роль, как и в условиях нового мирового порядка.

Дмитрий Евстафьев

Примечания

¹ Kennedy John. Yale University Commencement, 1962, June 11, <http://millercenter.org/scripps/archive/speeches/detail/3370> (последнее посещение – 12 июля 2010 г.).

² Norris Robert and Kristensen Hans. Russian nuclear forces, 2010. *The Bulletin of Atomic Scientists*. 2010, January/February. P. 76.

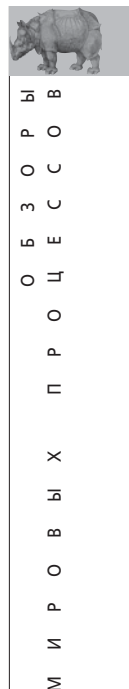
³ Norris Robert and Kristensen Hans. The US nuclear forces, 2010. *The Bulletin of Atomic Scientists*. 2010, May/June. P. 58.

⁴ New START treaty in numbers. *Arms Control*. 2010, March 27, http://russianforces.org/blog/2010/03/new_start_treaty_in_numbers.shtml (последнее посещение – 12 июля 2010 г.).

⁵ РВСН осуществили пуск баллистической ракеты РС-20В «Воевода». *РИА Новости*. 2009, 24 декабря, http://rian.ru/defense_safety/20091224/201133327.html (последнее посещение – 12 июля 2010 г.).

⁶ Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений, 2010, 8 апреля, http://news.kremlin.ru/ref_notes/512 (последнее посещение – 12 июля 2010 г.).

⁷ там же.

- ⁸ У генералов всегда найдется Луга в кармане. *Коммерсантъ*. 2010, 26 февраля, [http://www.kommersant.ru/doc.aspx? DocsID=1328115](http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1328115) (последнее посещение – 12 июля 2010 г.).
- ⁹ Ядерное оружие России – противовес вооружениям в Европе. *Оружие России*, <http://www.arms-expo.ru/site.xp/049051124053055052049.html> (последнее посещение – 12 июля 2010 г.).
- ¹⁰ ВМФ: За тактическим ядерным оружием – будущее России. *Российская Газета*. 2009, 23 марта, <http://www.rg.ru/2009/03/23/orujie-anons.html> (последнее посещение – 12 июля 2010 г.).
- ¹¹ Интервью заместителя министра иностранных дел России С.А. Рябкова «Голосу России» по работе над Договором о СНВ и перспективах его ратификации, 2010, 11 апреля, [http://www.mid.ru/ns-dvbr.nsf/50ce23af9ceacf46432569ea00361254/432569d800226387c325770300283ad3? OpenDocument](http://www.mid.ru/ns-dvbr.nsf/50ce23af9ceacf46432569ea00361254/432569d800226387c325770300283ad3?OpenDocument) (последнее посещение – 12 июля 2010 г.).
- ¹² Кисляк Сергей. Саммит «с закатанными рукавами». Россия и США на пути к прочному партнерству. *Российская газета*. 2010, 21 июня. <http://www.rg.ru/2010/06/21/kislyak.html> (последнее посещение – 12 июля 2010 г.).
- ¹³ Резолюция 1929 (2010), СБ ООН, 6335 заседание 2010, 6 июня, http://www.pircenter.org/kosdata/page_doc/p2167_1.pdf (последнее посещение – 12 июля 2010 г.).
- ¹⁴ SIPRI Database. http://armstrade.sipri.org/armstrade/html/export_values.php (последнее посещение – 12 июля 2010 г.).
- ¹⁵ Transfer of major conventional weapons: sorted by supplier. Deals with deliveries or orders made for year range 1990 to 2009, http://armstrade.sipri.org/armstrade/page/trade_register.php (последнее посещение – 12 июля 2010 г.).
- ¹⁶ SIPRI Database. http://armstrade.sipri.org/armstrade/html/export_values.php (последнее посещение – 12 июля 2010 г.).
- ¹⁷ Комплексы С-300 не попадают под резолюцию СБ ООН по Ирану. *Независимая Газета*. 2010, 10 июня, <http://www.ng.ru/nvo/news/2010/06/10/1276170795.html> (последнее посещение – 12 июля 2010 г.).
- ¹⁸ Ответы на вопрос СМИ заместителя министра иностранных дел России С.А. Рябкова, 2010, 11 июня, http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/2D4FB1E3113C186FC325773F00242B30 (последнее посещение – 12 июля 2010 г.).
- ¹⁹ Владимир Путин подтвердил замораживание поставок Ирану С-300. *Коммерсантъ*. 2010, 11 июня, <http://www.kommersant.ru/doc.aspx? DocsID=1385735&NodesID=5> (последнее посещение – 12 июля 2010 г.).
- ²⁰ По данным: www.nti.org и www.fas.org.
- ²¹ Программа эффективного использования на системной основе внешнеполитических факторов в целях долгосрочного развития Российской Федерации, 2010, 11 мая, <http://www.runewsweek.ru/country/34184/> (последнее посещение – 12 июля 2010 г.).
- ²² По данным: www.centrasia.org.
- ²³ Панфилова Виктория. Роза Отунбаева трудоустраивает свою команду. *Независимая Газета*. 2010, 30 июня, http://www.ng.ru/cis/2010-06-30/7_otunbayeva.html (последнее посещение – 12 июля 2010 г.).
- ²⁴ Президенту Российской Федерации Д.А. Медведеву. О Программе эффективного использования на системной основе внешнеполитических факторов в целях долгосрочного развития Российской Федерации, 2010, 11 мая, <http://www.runewsweek.ru/country/34184/> (последнее посещение – 12 июля 2010 г.).
- ²⁵ Стиль это человек.
- ²⁶ Программа эффективного использования на системной основе внешнеполитических факторов в целях долгосрочного развития Российской Федерации, 2010, 11 мая, <http://www.runewsweek.ru/country/34184/> (последнее посещение – 12 июля 2010 г.).
- ²⁷ Там же.

Роланд Тимербаев¹

ПЕРВЫЕ СДВИГИ
В НАПРАВЛЕНИИ ОГРАНИЧЕНИЯ ВООРУЖЕНИЙ.
О РАБОТЕ ЛОНДОНСКОГО ПОДКОМИТЕТА КОМИССИИ ООН
ПО РАЗОРУЖЕНИЮ (1954–1957 ГГ.)

Начальная попытка предотвратить развертывание гонки атомных вооружений, предпринятая в рамках Комиссии ООН по атомной энергии в 1946–1949 гг., как известно, успехом не увенчалась. Возглавляемая Гарри Трумэном администрация США, выдвигая так называемый *план Баруха*, стремилась на деле сохранить за собой атомную монополию. СССР приступил к ускоренной реализации своего атомного проекта. За ним по этому пути последовала Великобритания. Комиссия ООН оказалась в тупике и была распущена.

СССР быстро овладел *секретом атомной бомбы*, как тогда было принято говорить, в 1949 г. провел первое атомное испытание, а в 1953 г. взорвал и водородное устройство. Таким образом, СССР практически догнал США по части научно-технического обеспечения производства ядерного и термоядерного оружия, но еще отставал в количественном отношении. Происходившее *выравнивание* ядерных потенциалов создавало объективные предпосылки для начала равноправного диалога с США по атомной и вообще разоруженческой проблематике.

Этому способствовали и политические перемены в обеих странах: смерть Сталина и приход на смену ему нового руководства, а также избрание на пост президента США Дуайта Эйзенхауэра, человека военного, хорошо знающего, к каким последствиям приводит применение оружия, особенно оружия массового уничтожения.

К началу переговоров объективно подталкивало и то обстоятельство, что и в США, и в СССР развертывались работы по созданию новых, более эффективных, а потому и более опасных средств доставки ядерного оружия, чем авиация, – межконтинентальных баллистических ракет и атомных подводных лодок с баллистическими ракетами. В этой области современных вооружений стороны стремились не отставать друг от друга.

Учрежденная в январе 1952 г. Генеральной Ассамблеей ООН взамен Комиссии по атомной энергии и Комиссии по вооружениям обычного типа новая Комиссия ООН по разоружению практически бездействовала. Требовался более удобный формат для переговоров. В этих целях для исполнения резолюции Генассамблеи от 28 ноября 1953 г.² Комиссия по разоружению в апреле 1954 г. учредила подкомитет в составе СССР, США, Великобритании, Франции и Канады.

Идея создания подкомитета принадлежала представителю Франции, Жюлю Моку, в прошлом крупному политическому деятелю, занимавшему посты министра внутренних дел и министра обороны. Франция тогда еще не имела атомного оружия и, хотя и была членом НАТО, все же стремилась занимать сравнительно гибкую позицию в Комиссии и в ее подкомитете. В 1956 г. Жюль Мок был приглашен советским правительством посетить СССР. Он совершил большую поездку по нашей стране, в которой мне довелось сопро-

Ы
Ц
Н
Р
О
А
Т
С
Н
С

вождать его. По завершении поездки он написал книгу, где дал благожелательную оценку тому, что увидел в нашей стране³.

Важным обстоятельством, определявшим подходы сторон к переговорам, было то, что и у СССР, и у западных государств со времени окончания Второй мировой войны оставались многочисленные вооруженные силы. Было очевидно, что атомную проблему необходимо рассматривать в увязке с сокращением вооружений обычного типа. Именно так Генассамблея ООН сформулировала задачу, поставленную перед Комиссией по разоружению и ее подкомитетом.

В упомянутой резолюции ГА ООН от ноября 1953 г. и – более конкретно – в последующей резолюции от ноября 1954 г. Комиссии вместе с подкомитетом предлагалось разработать проект международной конвенции о разоружении, предусматривающей:

- значительное сокращение вооруженных сил и вооружений обычного типа;
- полное запрещение применения и изготовления ядерного оружия;
- учреждение эффективного международного контроля через контрольный орган, чтобы гарантировать соблюдение согласованного сокращения вооружений и запрещения ядерного оружия⁴.

РАБОТА ПОДКОМИТЕТА В 1954 Г.

Первая сессия подкомитета состоялась в Лондоне с 13 мая по 23 июня 1954 г. Его заседания проходили *при закрытых дверях*. Советскую делегацию возглавлял посол в Великобритании Я.А. Малик, американскую – М. Паттерсон, британскую – государственный министр С. Ллойд, французскую – Ж. Мок и канадскую – министр иностранных дел Л. Пирсон, а после его отъезда из Лондона – верховный комиссар в Великобритании Н. Робертсон.

В центре внимания сессии подкомитета была проблема запрета атомного оружия, на чем настаивал СССР. США, как и в *плане Баруха*, вели дело к тому, чтобы запрещение и уничтожение атомного оружия происходило только на самом последнем этапе – после установления международного контроля.

Однако ситуация в атомной области была уже иной, чем во время работы Комиссии ООН по атомной энергии в 1940-х гг. За это время появилось водородное оружие. В ноябре 1952 г. американцы взорвали на о. Эниветок в Тихом океане водородное устройство *Майк* мощностью более 10 Мт. СССР в августе 1953 г. испытал свое первое, но еще неполноценное водородное устройство мощностью 400 кт (так называемую *сахаровскую слойку*). Настоящая водородная бомба мощностью 1,6 Мт была испытана СССР немного позднее, в ноябре 1955 г. Как справедливо отмечал американский исследователь Бернард Бечхофер, участвовавший в работе Лондонского подкомитета в составе делегации США, появление водородной бомбы «заставляло переоценивать все предыдущие позиции по контролю над вооружениями» в связи с тем, что «термоядерная революция разрушила остающиеся технологические посылки, лежавшие в основе *предложений Баруха*»⁵.

Следует считать вполне закономерным, что на сессии подкомитета и французский, и британский представители по существу признали, что *план Баруха* можно с полным основанием сдать в *лавку древностей* и что нужна другая основа для решения атомной проблемы. Жюль Мок прямо заявил: «*План Баруха* не существует»⁶.

Наиболее существенным событием первой сессии подкомитета было внесение британской и французской делегациями на заключительном этапе, 11 июня 1954 г., совместного меморандума по разоружению.

В самом начале меморандума говорилось, что в соответствии с положениями Устава ООН представленные в подкомитете государства считают для себя запрещенным применение ядерного оружия, за исключением применения его в целях самообороны против агрессии. Тут ничего нового не содержалось. А вот далее предполагалось, что-

бы впредь до запрещения и изъятия ядерного оружия, как это в меморандуме далее предусматривалось, Великобритания и Франция рекомендуют включение в договор о разоружении немедленного признания этого запрещения всеми подписавшими договор государствами.

В меморандуме в то же время предлагалось, чтобы осуществление мероприятий по разоружению проводилось в течение определенного срока после того, как контрольный орган будет учрежден и размещен, и как только он заявит, что может эффективно обеспечить обязательное осуществление данных мероприятий.

Меры по разоружению будут проходить поэтапно. Вначале – замораживание численности личного состава вооруженных сил и общей суммы военных расходов на уровне 31 декабря 1953 г. Далее – сокращение вооружений и вооруженных сил в размере 50% согласованных норм⁷ и после этого – прекращение производства всех видов ядерного оружия.

И, наконец, сокращение вооружений обычного типа в размере остальных 50% согласованных норм, после этого – проведение в жизнь полного запрещения и полного изъятия ядерного оружия и обращение наличных запасов ядерных материалов на мирные цели⁸.

Делегация США не была соавтором франко-британского меморандума, но, как свидетельствует член этой делегации, «Соединенные Штаты принимали участие в составлении документа на всех стадиях, и он полностью соответствовал политике США»⁹. Можно предположить, что американцы не пошли на соавторство, чтобы создать впечатление о компромиссном характере меморандума и тем самым способствовать началу переговоров.

Советский представитель Я.А. Малик был заранее проинформирован Селвином Ллойдом и Жюлем Моком о предстоящем внесении меморандума. Однако на заседании подкомитета он, заявив, что у советской делегации не было достаточно времени на изучение документа, все же обрушился на него с критикой в духе своих прежних заявлений. Вскоре сессия подкомитета завершилась.

Как на меморандум реагировала Москва? В советских публикациях того времени наибольшие возражения вызывало то, что меморандум по-прежнему исходил из позиции западных держав: сначала – контроль, а потом – разоружение. И все же указывалось, что «при всех недостатках англо-французских предложений они намечали известное сближение позиций западных держав и Советского Союза в вопросах разоружения»¹⁰. В тот период руководство страны активно продвигало принципы мирного сосуществования, и это, несомненно, оказывало положительное воздействие на нашу политическую линию и дипломатическую тактику при рассмотрении проблемы разоружения.

Во внутренних документах МИД СССР отмечалось, что предложения Франции и Великобритании «отличаются от прежних предложений западных держав по этому вопросу главным образом тем, что в новые предложения включено положение о прекращении производства всех видов ядерного оружия и всех остальных запрещенных видов оружия по осуществлении сокращения вооружений и вооруженных сил в размере первых 50% согласованных норм». Также представленный меморандум отличался тем, что в него было «включено положение о проведении в жизнь полного запрещения и полного изъятия ядерного оружия и всех других видов запрещенного оружия по осуществлении сокращения вооружений обычного типа и вооруженных сил в размере остальных 50% согласованных норм»¹¹.

Официальная позиция СССР по поводу франко-британского меморандума была озвучена на сессии Генассамблеи ООН осенью 1954 г. 30 сентября 1954 г. делегация СССР внесла на рассмотрение ООН проект резолюции о заключении международной конвенции о сокращении вооружений и запрещении атомного, водородного и других видов оружия массового уничтожения, в котором предлагалось положить в основу предложения Франции и Англии от 11 июня 1954 г.

Конкретно предлагалось следующее.

Одновременно проводить сокращение в течение шести месяцев или года вооружений и ассигнований на военные нужды в размере 50% согласованных норм. Создать при Совете Безопасности ООН *временную* международную контрольную комиссию для получения от государств сведений о сокращениях и для принятия мер по наблюдению за выполнением государствами взятых на себя обязательств.

По завершении указанных мероприятий государства сокращают свои вооружения и военные расходы на остальные 50%, осуществляется полное запрещение атомного и водородного оружия с прекращением его производства и изъятием из вооружений, учреждается постоянный международный орган, который будет иметь полномочия проводить инспекции на постоянной основе¹².

Из текста проекта резолюции с очевидностью следует, что СССР по ряду важных вопросов учел позицию западных держав. Нельзя не видеть, что имелось много общего между предложениями англо-французского меморандума от 11 июня 1954 г. и новыми советскими предложениями. Неслучайно французская газета *Le Monde* писала: «В кругах ООН признают, что в направлении разрешения проблемы разоружения сделан самый большой шаг, который когда-либо делался на протяжении нескольких лет»¹³.

Американский исследователь Бернард Бечхофер сделал такой вывод из состоявшейся на сессии ООН дискуссии: «Главное значение нового советского подхода состояло в том, что он открывал огромные возможности для будущих конкретных переговоров»¹⁴.

Как отмечалось в аналитических документах МИД, основное возражение у США и некоторых других западных стран вызывало советское предложение относительно двух форм контроля: временной контрольной комиссии, учреждаемой на первой стадии, и постоянного международного контрольного органа, который вводится в действие на второй стадии. С точки зрения СССР, *камнем преткновения* была линия США и Великобритании на то, чтобы принцип единогласия постоянных членов Совета Безопасности ООН не использовался при применении санкций в отношении возможных нарушителей и чтобы таким правом был наделен контрольный орган¹⁵.

В итоге дискуссии на Генассамблее по предложению всех членов подкомитета – СССР, США, Великобритании, Франции и Канады – была единодушно принята резолюция с поручением Комиссии по разоружению и ее подкомитету предпринять новые попытки достичь соглашения, принимая во внимание имеющиеся предложения, включая советский проект резолюции¹⁶.

В связи с наступающим новым этапом переговоров в американской администрации было решено укрепить разоруженческую команду и свое представительство в подкомитете. В конце 1954 г. М. Паттерсон, который не имел достаточного влияния в Вашингтоне и, как утверждают, не был вхож не только в Белый дом, но даже к госсекретарю¹⁷, подал в отставку. На основной разоруженческий пост в администрации США в марте 1955 г. был назначен крупный политический деятель республиканской партии Г. Стассен, получивший должность специального помощника президента по разоружению и члена кабинета. Представителем в подкомитете Г. Стассен стал весной 1957 г. До этого представителем был посол Г. Лодж, а его заместителем – посол Дж. Уодсворт¹⁸.

Советским представителем в подкомитете оставался посол Я.А. Малик. В МИД СССР в тот период было решено создать в рамках Отдела международных организаций (ОМО), возглавляемого С.К. Царапкиным, небольшую группу по разоружению, в состав которой вошли опытные дипломаты П.Ф. Шахов и И.Г. Усачев (позднее ставший советником представительства РФ при ООН), а также молодой сотрудник – автор этих строк¹⁹. Разоруженческие дела курировал заместитель заведующего отделом А.А. Рошин, который в 1956 г. был назначен советником-посланником в Лондоне. В 1955 г. в ОМО пришел К.В. Новиков, ставший в 1964 г. заведующим этим отделом и посвятивший делу разоружения много лет своей жизни.

А.А. Громыко, первый заместитель министра иностранных дел, а с февраля 1957 г. – министр, прекрасно знавший разоруженческую проблематику, внимательно следил за работой подкомитета и направлял деятельность нашей делегации. В начале 1955 г. в те-

чение некоторого времени (февраль-март) А.А. Громыко возглавлял нашу делегацию в подкомитете. Значительную роль в проведении политики государства по разоружению играл заместитель министра В.А. Зорин, в 1957 г. возглавлявший советскую делегацию в Лондонском подкомитете.

В Министерстве обороны вопросами разоружения занимался помощник начальника Генерального штаба генерал-полковник А.А. Грызлов, которому помогали генералы и офицеры Главного оперативного управления. Специальное подразделение по вопросам ограничения вооружений (Договорно-правовое управление) было создано в МО позднее. В Министерстве среднего машиностроения (*атомном министерстве*) этими делами занимались непосредственно либо сам министр (В.А. Малышев, А.П. Завенягин, Е.П. Славский), либо один из его заместителей (чаще всего В.С. Емельянов).

ПОДКОМИТЕТ В 1955 Г.

В 1955 г. подкомитет Комиссии по разоружению заседал в Лондоне с 25 февраля по 18 мая и в Нью-Йорке с 29 августа по 7 ноября. Вопросы разоружения обсуждались также в Женеве на *встречах в верхах* в конце июля и министров иностранных дел с 27 октября по 16 ноября.

29 марта 1955 г. Великобритания и Франция внесли меморандум о сокращении вооруженных сил, который предусматривал установление для вооруженных сил СССР, США и Китая *потолки вооруженных сил* в пределах от 1 до 1,5 млн чел., а для Великобритании и Франции – по 650 тыс. чел. Численность вооруженных сил других государств была бы, во всех случаях, значительно ниже уровней, определенных для пяти постоянных членов СБ ООН²⁰. В другом предложении западных участников подкомитета говорилось о целесообразности установления предельных сроков для осуществления этих мероприятий²¹.

Крупнейшим событием сессии подкомитета явилось внесение делегацией СССР 10 мая 1955 г. предложения о заключении международной конвенции относительно сокращения вооружений и запрещении атомного оружия. Проект предусматривал следующие положения, осуществляемые в два этапа:

В течение 1956 г. устанавливается согласованный уровень сокращения вооруженных сил США, СССР и Китая в пределах от 1 млн до 1,5 млн чел, а Великобритании и Франции – по 650 тыс. чел. и проводится их сокращение на 50%, а также соответственно сокращаются вооружения обычного типа и ассигнования на эти цели. Численность вооруженных сил других государств, устанавливаемая конференцией по разоружению, будет значительно ниже уровней пяти постоянных членов СБ ООН.

Одновременно с началом сокращений на первые 50% принимается обязательство не применять ядерное оружие, которое считается запрещенным. Исключение может быть допущено в целях обороны против агрессии по решению СБ ООН. Ликвидируются военные базы на территориях других государств, при этом будет согласовано дополнительно, какие базы будут подлежать ликвидации в течение первого периода.

В течение 1957 г. немедленно прекращается производство атомного и водородного оружия. США, СССР, Китай, Великобритания и Франция сокращают свои вооруженные силы на остальные 50% до установленных уровней. Завершается ликвидация всех военных баз на иностранных территориях. После того как сокращение будет осуществлено на 75%, вйдет в силу полное запрещение применения атомного и водородного оружия. Изъятие этого оружия из вооружений, его уничтожение и затем сокращение вооруженных сил и вооружений обычного типа начнутся одновременно и завершатся в 1957 г.

Новыми советскими предложениями предусматривалось учреждение международного контрольного органа.

В течение первого периода (1956 г.) устанавливаются контрольные посты в крупных портах, на железнодорожных узлах, автомагистралях, аэродромах. Международный кон-

Б
Н
Ц
Н
Н
А
Н
О
А
Т
Р
С
Т
Н
С

трольный орган будет иметь право истребовать от государств сведения о мероприятиях по сокращению вооружений и вооруженных сил, а также иметь беспрепятственный доступ к материалам, касающимся бюджетных ассигнований.

В течение второго периода (1957 г.) международный контрольный орган будет осуществлять контроль, в том числе инспекцию на постоянной основе в объеме, необходимом для обеспечения выполнения конвенции. Инспекторы будут иметь беспрепятственный доступ ко всем объектам контроля. Контрольный орган делает рекомендации Совету Безопасности относительно нарушителей конвенции²².

Советский проект шел навстречу западным странам по многим позициям. Предложение об уровнях вооруженных сил и вооружений лишало какого-либо основания ссылаться на то, что превосходство СССР в этой области не позволяет ему отказаться от ядерного оружия в целях поддержания *равновесия сил*. Допускалась возможность применения ядерного оружия в целях обороны против агрессии по решению СБ ООН. Меры по прекращению производства ядерного оружия и его уничтожению должны были проводиться в течение второго периода и в два этапа. Большая уступка была сделана по контролю: уже в течение первого периода учреждается международный контрольный орган, функции которого в дальнейшем радикально расширяются.

Новые советские предложения открывали путь к серьезным переговорам и возможным согласованным решениям. Представители Франции (Ж. Мок), Великобритании (А. Наттинг) и Канады (Д. Джонсон) дали положительную оценку советскому проекту. Ж. Мок прямо заявил, что «практически все наши предложения приняты»²³. Американский представитель Дж. Уодсворт ограничился заявлением, что он, в общем, поддерживает сказанное его тремя западными коллегами²⁴.

Советник американской делегации Мейерс в беседе с советником советской делегации И.Г. Усачевым 19 мая сказал, что его делегация была «буквально поражена исключительно глубокой разработкой этого документа». Но при этом делегация США считает, что выводы советского документа по контролю «являются недостаточными, не ведущими к созданию эффективного международного контроля». По словам Мейерса, после того как текст советских предложений от 10 мая был сообщен госсекретарю Дж. Ф. Даллесу, американская делегация получила указание избегать всего, что могло бы создать впечатление, что США отклоняют предложения СССР.

Вскоре в подкомитете был объявлен перерыв в связи с приближающейся встречей глав правительств СССР, США, Великобритании и Франции, которая состоялась в Женеве 18–23 июля 1955 г.

В связи с подготовкой к *встрече в верхах* МИД докладывал руководству страны следующее. «Итоги рассмотрения вопросов сокращения вооружений и запрещения атомного оружия свидетельствуют о том, что достигнуто известное сближение позиций СССР и западных держав по ряду аспектов, связанных с проблемой разоружения, в частности по такому важному вопросу, как вопрос об уровнях вооруженных сил пяти великих держав. Вместе с тем, продолжают оставаться значительные расхождения по некоторым весьма важным вопросам. Это в первую очередь относится к вопросам о правах и полномочиях контрольного органа, о времени введения в действие контроля, о ликвидации иностранных военных баз на чужих территориях и о сроках осуществления мероприятий по сокращению вооружений и запрещении атомного оружия»²⁵.

В МИДе обратили внимание на статью в авторитетной американской газете *Christian Science Monitor*. В газете утверждалось, что США, готовясь к предстоящему саммиту в Женеве, «изыскивают пути пересмотра своей позиции в вопросе о разоружении и ядерной энергии», так как «впервые после 1946 г. соглашение с СССР о сокращении вооружений – в качестве широкого политического урегулирования – в настоящее время кажется определенно возможным»²⁶. Вместе с тем, газета высказала сомнение в том, что США готовы пойти на положительное решение этого вопроса. «Предположим, что в один прекрасный день СССР примет остальные предложения США по вопросу о разоружении. Это означало бы отказ от всего американского атомного оружия. Действительно ли США готовы пойти на такое урегулирование? Тот же самый вопрос можно поставить более

прямо. Отвечает ли контроль над ядерной энергией национальным интересам США? В Пентагоне есть люди, которые относятся к разоружению со смешанным чувством скептицизма и тревоги, так же как в госдепартаменте и в ведомстве Гарольда Стассена есть люди, которые отдадут все свои силы этому делу»²⁷.

СССР при рассмотрении вопроса о разоружении на Женевском совещании исходил из предложений от 10 мая. Президент США выступил с планом проведения взаимных аэрофотосъемок территорий обоих государств – так называемым *планом открытого неба*, который предусматривал неограниченное воздушное наблюдение по всей территории СССР и США с целью предупреждения подготовки внезапного нападения или мобилизации. При этом, однако, вне аэрофотосъемок оставались бы американские военные базы на иностранных территориях. Естественно, что СССР американский план не поддержал, противопоставив ему свое предложение, выдвинутое 10 мая, о размещении наземных контрольных постов на ключевых транспортных артериях.

Великобритания выдвинула в Женеве идею создания зоны инспекции вооруженных сил в Центральной Европе, а Франция – предложение о сокращении военных бюджетов и о создании за счет высвобождающихся средств фонда помощи развивающимся странам (так называемый *план Форэ*, французского премьер-министра).

Хотя на Женевском совещании глав правительств конкретных результатов по проблеме разоружения достигнуто не было, сама по себе эта встреча содействовала некоторому ослаблению международной напряженности, что, как тогда казалось, создавало благоприятные предпосылки для продолжения работы подкомитета по разоружению.

Сессия подкомитета, состоявшаяся с 29 августа по 7 ноября на этот раз в Нью-Йорке, оказалась, к сожалению, бесплодной. Советский представитель А.А. Соболев (тогдашний постоянный представитель при ООН) предложил, прежде всего, зафиксировать договоренность по тем вопросам, в рамках которых позиции сторон либо полностью совпадают, либо весьма близки. Это позволило бы «выделить те области, в которых мы должны приложить новые усилия с целью сближения наших позиций»²⁸. Однако впервые выступивший в подкомитете Гарольд Стассен заявил, что Соединенные Штаты резервируют все свои позиции и предложения, выдвинутые ранее²⁹.

Оглядываясь назад, можно предположить, что, судя по всему, в американской администрации происходили дебаты относительно того, куда идти дальше. Вести ли дело к принятию согласованных решений по широким или хотя бы частичным мерам разоружения, либо свертывать серьезный диалог, начавшийся в 1954–1955 гг.

В создавшейся обстановке Советское правительство в лице его председателя Н.А. Булганина 19 сентября обратилось к президенту Дуайту Эйзенхауэру с посланием. В этом послании содержался призыв к достижению соглашения по поддающимся договоренности вопросам (об уровнях вооруженных сил, о сроках введения в действие запрещения ядерного оружия, об установлении контрольных постов)³⁰. Последовавшая затем переписка не привела к каким-либо результатам.

Состоявшееся в Женеве в конце октября – начале ноября совещание министров иностранных дел четырех держав также не продвинуло дело вперед. Если советская сторона предлагала продолжить рассмотрение, прежде всего, тех положений, которые содержатся в предложениях СССР от 10 мая, а также в предложениях западных стран об аэрофотосъемках и по некоторым другим вопросам разоружения, то последние фокусировали внимание только на аспектах контроля. При этом, если Советский Союз выражал готовность договариваться как по общей, так и более узкой программе разоружения, то Запад не имел «последовательной позиции», как признавали и американские исследователи³¹.

ПОДКОМИТЕТ В 1956 Г.

Лондонский подкомитет заседал с 19 марта по 4 мая. 27 марта советская делегация предложила в целях выхода из тупика сначала достичь соглашения о сокращении в те-

Ы
Ц
И
Н
О
А
Т
С
Н
С

чение 1956–1958 гг. вооружений и вооруженных сил до тех потолков, которые обсуждались ранее, с установлением необходимого международного контроля, не обуславливая это соглашением о запрещении атомного оружия.

В том, что касается контроля, в советском предложении предусматривалось, что «на определенной стадии осуществления всеобъемлющей программы разоружения, при укреплении доверия между государствами, заинтересованные страны рассмотрят вопрос относительно возможного использования аэрофотосъемок в качестве одного из методов контроля». При этом предусматривалось, что международный контрольный орган «размещает своих инспекторов заблаговременно с тем, чтобы они могли приступить к выполнению своих функций в тот момент, когда государства начнут осуществление предусмотренных соглашением мероприятий». Это был существенный шаг навстречу США и другим западным державам, что вызвало положительную реакцию со стороны Жюль Мока и Гарольда Стассена.

Кроме того, в советском предложении признавалось целесообразным, чтобы государства, независимо от достижения соглашения о разоружении, договорились о частичных мерах в этой области, в частности о прекращении испытаний термоядерного оружия, о выводе атомного оружия с территории Германии и о сокращении военных бюджетов до 15%³².

Предложение о сокращении вооруженных сил СССР было подкреплено и практически делами. 14 мая было объявлено о сокращении численности вооруженных сил на 1 млн 200 тыс. чел. сверх проведенного в 1955 г. сокращения на 640 тыс. чел. и о соответственном сокращении вооружений и боевой техники, а также военных расходов³³.

Тот факт, что Советский Союз на этой сессии подкомитета сконцентрировал внимание на сокращении обычных вооружений, отнюдь не означал какого-то *забвения* проблемы запрета ядерного оружия (ЯО). Москва стремилась искать новые дипломатические подходы ко всему комплексу вопросов разоружения. Тем не менее, в связи с новой советской инициативой в подкомитете, нельзя не отметить, что к этому времени в СССР было проведено уже более 25 атомных и водородных взрывов, и в том числе первый взрыв в ракетном пуске³⁴. Да и по количеству ЯО мы стали неуклонно догонять американцев.

По оценкам американских независимых экспертов Роберта Норриса из Совета защиты природных ресурсов и Ханса Кристенсена из Федерации американских ученых, в 1950 г. США имели 369 ед. ЯО, а СССР – только 5, но к 1956 г. соотношение радикально изменилось: США располагали 4618 ед., а СССР – уже 426 ед. В дальнейшем же – в 1970-х гг., по оценкам этих экспертов, Советский Союз существенно обогнал США по размеру своего ядерного арсенала³⁵.

В подкомитете западные державы, однако, продолжали тянуть время. Более того, американская делегация внесла новые предложения³⁶ – сократить на первом этапе вооруженные силы до уровней 2,5 млн чел., а Великобритании и Франции – до 750 тыс. чел., отказавшись тем самым от своих прежних предложений, предусматривавших существенно более низкие уровни. Нужно сказать, что даже американская пресса признавала, что «предложение Соединенных Штатов не рассматривается как серьезный шаг в области сокращения обычных вооружений»³⁷.

В секретариате ООН так оценивались итоги переговоров:

«Текущий (1956) год примечателен в области разоружения тремя главными событиями:

- Новым и усиливающимся упором на ограниченном или частичном разоружении вместо всеохватывающего разоружения.
- Более выпуклой тенденцией в военном планировании к сдвигу от опоры на живую силу к опоре на ядерные и другие новые виды вооружения и на средства их доставки. Имел место больший упор на предложения о разоружении в области обычных вооружений либо путем односторонних действий, либо посредством соглашения об ограниченных первых шагах.

- Большим пониманием опасности радиации и признанием необходимости принятия мероприятий международного характера для решения вопроса об испытательных взрывах»³⁸.

Общий вывод секретариата ООН был таков:

«...Перспектива соглашения, даже в отношении ныне обсуждаемых ограниченных сокращений для первой стадии, – не блестящая. В настоящее время существуют, разумеется, дополнительные трудности для принятия политической инициативы в США в предвыборный период. Положение в отношении Суэцкого канала не улучшает условий для разоружения» (док. PSCA/DAG/33, August 23, 1956)³⁹.

Дискуссии по разоружению, состоявшиеся в 1956 г. в Лондонском подкомитете, а вслед за этим в Комиссии по разоружению и на Генассамблее ООН, оказались, как и раньше, бесплодными, но они все же подготовили почву для серьезного диалога в 1957 г.

ПОДКОМИТЕТ В 1957 Г.

Сессия подкомитета в 1957 г. была самой длительной – с марта по конец августа. Советскую делегацию возглавлял В.А. Зорин, американскую – Гарольд Стассен. Вначале были продолжены обсуждения предложений сторон по широким мерам разоружения, однако довольно быстро стало очевидным, что тупиковая ситуация сохраняется. Общая обстановка на переговорах была еще вполне благоприятной. Дискуссии приобрели более структурированный характер. Часто стали практиковаться неформальные встречи – как между советской и другими западными делегациями⁴⁰, так и внутри западной четверки. Как нам было известно, это объяснялось осложнившимися отношениями, возникшими в результате Суэцкого кризиса октября 1956 г.

В подобных условиях СССР предпринял новый шаг. 30 апреля на рассмотрение подкомитета была внесена памятная записка о проведении частичных мероприятий в области разоружения. В памятной записке предлагался минимальный объем мер по разоружению, осуществление которых было реально возможным. Новизна и своеобразие советских предложений состояли в том, что основное внимание фокусировалось на первоначальных шагах, но одновременно были выстроены четкие ориентиры для последующих более широких мер, вплоть до радикальных сокращений вооружений и полного уничтожения ядерного оружия.

В предложениях предусматривалось сокращение вооруженных сил до 2,5 млн чел. для США, СССР и Китая и до 750 тыс. чел. для Великобритании и Франции в качестве первого шага к дальнейшему сокращению вооруженных сил, которое в итоге для США, СССР и Китая должно было составить уровень 1–1,5 млн чел. и для Великобритании и Франции – до 650 тыс. чел.

В начале первого периода предлагалось также принять обязательство об отказе от применения атомного и водородного оружия. При этом участники соглашения обязались бы приложить все усилия к достижению соглашения о полном запрещении атомного и водородного оружия с изъятием его из вооружений государств, прекращением производства и уничтожением запасов этого оружия.

Наконец, подчеркивалась целесообразность выделения из общей проблемы ядерного оружия вопроса о прекращении испытаний этого оружия и его безотлагательного решения. Еще до внесения предложений от 30 апреля В.А. Зорин в беседе с Гарольдом Стассеном 21 марта сказал, что вопрос о прекращении испытаний нужно решать в качестве самостоятельного соглашения. Это, сказал он, «затормозит развитие атомного оружия и в тех, и в других государствах». Решение «зависит сейчас от США, СССР и Англии. Если три державы договорятся между собой, то огромное большинство членов ООН поддержат это решение трех государств»⁴¹.

Что касается контроля, в советском документе предлагалось в первый период установить на взаимных началах контрольные посты в крупных портах, на железнодорожных узлах, автомагистралях в западных приграничных районах СССР, на территории Фран-

Ы
Ц
И
Н
О
Р
А
Т
С
Н

ции, Великобритании и др. стран НАТО и Варшавского договора, а также в восточной части США. Установление контрольных постов на аэродромах планировалось осуществить в течение второго периода, при этом потребовалось бы согласование с мероприятиями по окончательному запрещению водородного оружия с его изъятием из вооружений государств. Вопрос о применении аэрофотосъемок предлагалось решить на такой основе: осуществлять их в определенном районе Европы на восток и запад от демаркационной линии в Германии и на Дальнем Востоке в определенных районах Аляски и Восточной Сибири⁴².

Для западных держав новые советские предложения оказались непростым *орешком*. Президент Дуайт Эйзенхауэр заявил на пресс-конференции, что план разоружения, внесенный Советским Союзом, «требует тщательного изучения», а министр обороны Чарльз Эрвин Вильсон признал, что русское предложение создало обстановку, «способствующую установлению мира во всем мире»⁴³.

В подкомитете начались длительные неофициальные переговоры между делегациями, главным образом между советской и американской. 31 мая Гарольд Стассен вручил В.А. Зорину в неофициальном порядке меморандум о заключении частичного соглашения относительно обеспеченного гарантиями первого шага в области разоружения. Американский меморандум не мог удовлетворить по ряду своих положений советский план от 30 апреля. «В нем предлагался уровень вооруженных сил для обеих держав на втором этапе не в 1–1,5 млн чел., а в 1,7 млн чел. Что касается запрета ядерного оружия, то прямо говорилось, что США считают неприемлемым советское предложение о полном запрещении использования этого оружия». Не была согласна делегация США и с предложением о прекращении испытаний ядерного оружия, выразив готовность пойти только на временную приостановку их сроком на 10 месяцев. Тем не менее, внесение Гарольдом Стассеном неофициального меморандума было воспринято как готовность делегации США продолжить серьезный диалог по разоружению.

По оценке В.А. Зорина, «выработка этих предложений проходила в обстановке серьезных разногласий и острой борьбы среди группировок в правительственных кругах США. По признанию членов американской делегации, – писал он, – намерение Дуайта Эйзенхауэра и Гарольда Стассена искать пути сближения с позицией Советского Союза встретило сопротивление со стороны Пентагона и госдепартамента. Решительными противниками любых, даже самых незначительных, шагов навстречу Советскому Союзу были руководитель Объединенного комитета начальников штабов Артур Рэдфорд, вице-президент Ричард Никсон, председатель Комиссии США по атомной энергии Льюис Штраус и некоторые другие».

В интересах развития переговоров советская делегация 7 июня передала делегации США в неофициальном порядке памятную записку Советского правительства по вопросу о разоружении. В ней была предпринята попытка пойти навстречу американцам, но, разумеется, не в ущерб интересам нашей национальной безопасности.

Так, было предложено договориться о сокращении вооруженных сил СССР и США в три этапа: вначале до уровня 2,5 млн чел., затем до 2,1 млн чел. и на третьем этапе до цифры, названной делегацией США, – 1,7 млн чел. В вопросе о запрещении ядерного оружия было подтверждено предложение о необходимости полного запрета. В отношении ядерных испытаний также была подтверждена наша принципиальная позиция в пользу их полного прекращения. При этом была выражена готовность положительно отнестись к американскому предложению о международном контроле за выполнением этого обязательства. Немного позднее – 14 июня – было дано согласие и на временное прекращение испытаний, но не на 10 мес., а на 2–3 года⁴⁴. В том, что касалось аэрофотосъемок, в памятной записке предлагалось искать решение «не в отказе и сужении воздушного контроля, а в его расширении»⁴⁵.

Тут произошла заминка. 12 июня В.А. Зорин получает письмо от исполняющего обязанности главы делегации США Ч. Оусли. В этом письме сообщалось, что американский «неофициальный документ от 31 мая, на который Вы ссылаетесь в Вашем меморанду-

ме от 7 июня, не существует с точки зрения переписки между правительствами. По этой причине делегация Соединенных Штатов просит вернуть ее меморандум»⁴⁶.

Этот беспрецедентный шаг со стороны делегации США вызвал у нас небывалое удивление. Никто из нас в делегации ни до, ни после с подобным явлением не сталкивался. 16 июня В.А. Зорин направил Гарольду Стассену письмо, в котором было выражено «недоумение по поводу такого необычного с точки зрения практики международных переговоров шага, ведущего к затяжке переговоров по разоружению. Советская делегация не может согласиться с таким методом переговоров, поскольку он затрудняет и тормозит достижение соглашения по важнейшей проблеме разоружения»⁴⁷.

Неофициальные консультации между обеими делегациями были прерваны. Нам стало известно, что это было сделано по указанию госсекретаря Дж. Ф. Даллеса. Что послужило подоплекой происшедшего, никто из наших американских коллег объяснить нам не мог или не хотел. Правда, в американскую печать проникли сведения о том, что между Гарольдом Стассеном и руководством госдепартамента возникли расхождения по поводу ведения переговоров и возможности достижения взаимоприемлемого соглашения с русскими относительно тех или иных мер по разоружению.

Показательно, что уже упоминавшийся выше американский участник переговоров Бернард Бечхофер в своем подробном описании хода работы Лондонского подкомитета ни словом не упоминает о произошедшем скандальном инциденте с отзывом назад американского неофициального документа от 31 мая. Он лишь ссылается на биографа Дж. Ф. Даллеса Дж. Била, который в своей биографии госсекретаря США, изданной в 1959 г.⁴⁸, писал, что Гарольд Стассен «совершил тактическую ошибку», передав В.А. Зорину документ, «не согласованный с союзниками». Дж. Бил вместе с тем отмечает, что Гарольд Стассен «ни на толщину волоса не отошел от утвержденной позиции правительства». И, тем не менее, Гарольд Стассен был «вызван в Вашингтон и получил там нагоняй»⁴⁹.

Госсекретарь Дж. Ф. Даллес поспешил в Лондон, где в начале августа вместе с другими западными делегациями внес на рассмотрение подкомитета документ, целиком посвященный только воздушной и наземной инспекции всей территории СССР, США и Европы в целях «предупреждения возможности внезапного нападения». Каких-либо мер разоружения в этом документе не предлагалось⁵⁰.

В сущности, это означало, что серьезные переговоры по разоружению подошли к концу. Дальнейшая работа подкомитета вплоть до завершения его сессии в конце августа прошла в обстановке продолжения обмена документами, которые в общем и целом повторяли то, что уже предлагалось сторонами ранее.

27 августа делегация СССР огласила в подкомитете заявление советского правительства. В этом заявлении были вновь четко изложены советские предложения по сокращению вооруженных сил и вооружений, о запрещении и уничтожении ядерного оружия, о полном (либо на срок 2-3 года) прекращении ядерных испытаний в качестве отдельной самостоятельной меры, и о международном контроле, включая проведение аэрофото-съемок в определенных согласованных районах. При этом была особо подчеркнута необходимость *уязвки* предлагаемого США прекращения производства расщепляющихся материалов на военные цели с изъятием ядерного оружия из вооружений государств и уничтожением запасов этого оружия. В заявлении прозвучало сомнение в искренности стремления западных делегаций в подкомитете к достижению взаимоприемлемых договоренностей по разоружению⁵¹.

Западные страны, в свою очередь, представили в подкомитете 29 августа рабочий документ о частичных мероприятиях по разоружению, в котором особый акцент делался на мерах по предупреждению возможности внезапного нападения. Подчеркивалось, что все содержащиеся в нем положения, включавшие также приостановку ядерных испытаний на 12 месяцев и контроль над расщепляющимися материалами, являются «нераздельными»⁵².

Ы
Ц
И
Н
О
Р
А
Т
С
Н
С

На этом переговоры, собственно, и завершились. На последовавшей вскоре XII сессии Генассамблеи ООН Советский Союз вынужден был заявить, что все его усилия использовать подкомитет для продуктивной работы полностью исчерпаны и что он не будет в дальнейшем принимать участие в его работе, как и в работе Комиссии по разоружению, в их прежнем составе.

В ЧЕМ ПРИЧИНЫ НЕУДАЧИ ЛОНДОНСКОГО ПОДКОМИТЕТА?

Подведем некоторые итоги и попытаемся разобраться в том, почему начавшийся в подкомитете серьезный и заинтересованный диалог по мерам разоружения, в конце концов, закончился безрезультатно.

Вначале приведем весьма примечательную (правда, довольно обширную) цитату с оценкой произошедшего, к которой пришел американский исследователь Бернард Бечхофер:

«С точки зрения существа дела наиболее обескураживающей стороной переговоров было то обстоятельство, что Запад, начиная с июля 1957 г. и особенно на Генассамблее осенью того года, занял позицию, которая поставила под вопрос некоторые из наиболее фундаментальных основ переговоров. Так, в последнюю минуту Запад стал настаивать на нераздельности своих предложений.

Другим отходом Запада от прежних фундаментальных основ было включение в предложение от 29 августа положения, согласно которому Соединенные Штаты и Соединенное Королевство могли бы иметь право на передачу ядерного оружия своим союзникам⁵³. До выдвижения этого предложения переговоры развивались, исходя из той предпосылки, что как СССР, так и Запад были полны твердой решимости сделать все, чтобы предотвратить появление новых ядерных держав⁵⁴.

На этой философии базировался выдвинутый президентом Дуайтом Эйзенхауэром план *атомы для мира*, в отношении которого СССР и Запад уже достигли определенного согласия. Далее, на Генассамблее Дж. Ф. Даллес поставил под вопрос два основных принципа, которые были провозглашены президентом Гарри Трумэном в 1949 г. и в последующем не отвергались. Даллес поставил под сомнение желательность дальнейших переговоров по контролю над вооружениями до тех пор, пока не улучшится международная обстановка. Но, начиная с 1949 г., западная позиция состояла в том, что любое соглашение по контролю над вооружениями само по себе улучшало бы международный климат, и поэтому переговоры по контролю над вооружениями должны проходить одновременно с осуществлением усилий по решению других неурегулированных политических проблем.

Еще более значительным обстоятельством было то, что Запад, настояв на одобрении Генассамблеей своих предложений от 29 августа 1957 г., вопреки возражениям Советского Союза, бросил тень на еще один фундаментальный принцип переговоров. Начиная с 1948 г., Запад признавал, что любые меры по контролю над вооружениями были бы бессмысленными, не будучи одобренными как Советским Союзом, так и основными западными державами. Поэтому Запад воздерживался от попыток добиться одобрения своих предложений ООН. Роковым последствием изменения западной позиции явилось то, что с этого момента СССР отказался рассматривать вопросы разоружения и контроля над вооружениями, кроме как в комиссии, состоящей из всех членов ООН (которая была бы слишком многочисленным органом для ведения переговоров), либо в таком органе, где число представителей советского блока равнялось бы числу представителей Запада»⁵⁵.

Несмотря на некоторые допущенные неточности, американский автор в целом дает достаточно трезвую оценку того, как и почему переговоры в Лондонском подкомитете кончились ничем.

Но все же в действительности, как и показало дальнейшее развитие событий, причины провала первой попытки добиться сдвига в решении вопросов разоружения лежали гораздо глубже.

Во второй половине 1950-х гг., после некоторого выравнивания стратегического соотношения между обеими ядерными державами начинался новый и еще более острый виток гонки ракетно-ядерных вооружений. Резко возросло число ядерных испытаний. Если в начале 1950-х гг. ядерными державами проводилось 10–20 испытаний в год, то в 1957 г. – 55, из которых 16 – СССР, а в 1958 г. и того больше – 116, из них Советским Союзом – 34. В то же время США проводили в Тихом океане мегатонные ядерные взрывы.

Очевидно, главное – это развернувшееся между США и СССР соревнование в создании межконтинентальных баллистических ракет и ракет для атомных подводных лодок. В самый критический момент лондонских переговоров – 27 августа 1957 г. – ТАСС опубликовал сообщение о проведении успешных испытаний межконтинентальной баллистической ракеты, а вскоре после этого – 4 октября последовал запуск первого искусственного спутника Земли.

Весьма показательно, что вскоре после этого – в конце октября 1957 г. в Вашингтоне состоялась встреча Дуайта Эйзенхауэра и британского премьер-министра Гарольда Макмиллана. В ходе этой встречи была высказана озабоченность по поводу ослабления политических и военных позиций Запада и содержался призыв к объединению усилий *свободного мира* под лидерством США и Великобритании. Комментируя результаты встречи, Дж. Ф. Даллес заявил на пресс-конференции 30 октября: «Мы должны постараться как можно больше приблизиться к концепции создания *общей обороны*...»⁵⁶.

В создавшейся обстановке переговоры о разоружении стали топтаться на месте. Правда, по некоторым вопросам ограничения вооружений встречи, консультации и переговоры продолжали иметь место, – в частности, о полном прекращении ядерных испытаний (1958–1962 гг.), о предотвращении внезапного нападения (1958 г.), но они оказались нерезультативными. Выдвигались и предложения о всеобщем и полном разоружении, а в 1961 г. между СССР и США даже было согласовано совместное заявление о принципах всеобщего и полного разоружения (Заявление Зорина–Макклоя).

Следующий этап продуктивного диалога по ограничению вооружений и разоружению начнется позднее – в 1960-х гг., в условиях достижения примерного стратегического баланса между двумя основными ядерными державами, уже на новой технологической основе. Тогда в 1963 г. будет заключен Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой, в 1968 г. – Договор о нераспространении ядерного оружия, а в 1969 г. начнутся переговоры об ограничении стратегических наступательных и оборонительных вооружений. Но это уже будет другое время и другая эпоха.

Примечания

¹ Автор выражает признательность Н.В. Кочкину и Н.П. Щербининой за содействие, оказанное при подготовке настоящей работы.

² Резолюция ГА ООН 715 (VIII).

³ Moch Jules. U.R.S.S: Les yeux ouverts. P.: 1956. О посещении Ж. Моком Советского Союза см. также: Р.М. Тимербаев. Рассказы о былом. М.: РОССПЭН, 2007. С. 50–54.

⁴ Резолюция ГА ООН 808 (IX), 1954, 4 ноября.

⁵ Bernhard G. Bechhoeffer. Postwar Negotiations for Arms Control. Wash., D.C.: The Brookings Institution, 1961. P. 229 – 243.

⁶ Док. DC/SC.1/PV.18. С. 6.

Ы
Ц
И
Н
О
А
Т
Р
С
Т
Н
С

⁷ Как показали дальнейшие переговоры, под нормой сокращения авторы меморандума понимали разницу между численностью вооруженных сил в конце 1953 г. и предельным уровнем, установленным для данного государства.

⁸ Док. DC/SC.1/10.

⁹ Bernhard G. Bechhoeffer. *Postwar Negotiations for Arms Control*. Wash., D.C.: The Brookings Institution, 1961. P. 228.

¹⁰ Протопопов Анатолий. Советский Союз в Организации Объединенных Наций. Из истории борьбы СССР за мир и независимость народов (1945–1957). М.: Госполитиздат, 1957. С. 60–61; Борьба Советского Союза за разоружение. 1946–1960 годы. Под ред. В.А. Зорина. М.: Изд-во Института международных отношений, 1961. С. 172–173.

¹¹ Архив Внешней Политики РФ (далее АВП РФ). Ф. ОМО, оп. 1а, п. 45, д. 194/111, л. 23.

¹² Док. A/2742.

¹³ Борьба Советского Союза за разоружение. 1946–1960 годы... С. 175.

¹⁴ Bernhard G. Bechhoeffer. Указ. соч. С. 234.

¹⁵ АВП РФ, там же, лл. 7–8.

¹⁶ Резолюция ГА ООН 808(IX), 1954, 4 ноября.

¹⁷ Bernhard G. Bechhoeffer. Указ. соч. С. 234–237.

¹⁸ О разоруженческом аппарате в администрации Эйзенхауэра см.: Bechhoeffer, P. 261–269.

¹⁹ В последующие годы референтура по разоружению, продолжая оставаться в ОМО, значительно расширилась, а в настоящее время в МИД РФ функционирует самостоятельный Департамент по вопросам безопасности и разоружения.

²⁰ Док. DC/SC.1/20, 1955, 29 марта.

²¹ Там же.

²² Док. DC/SC.1/26/Rev.2, 1955, 10 мая.

²³ Док. DC/SC.1/PV.47/ P. 56–57.

²⁴ Док. DC/SC.1/PV.48/ P. 12, 21, 23.

²⁵ Ф. ОМО, оп. 1а, п. 45, д. 194/111, л. 75.

²⁶ Цит. по: АВП РФ, Ф. ОМО, оп. 1. п. 43, д. 194/111, л. 100.

²⁷ Там же.

²⁸ Док. DC/SC.1/PV.53. P. 19.

²⁹ Док. DC/SC.1/PV.55. P. 26–27.

³⁰ *Известия*. 1955, 25 сентября. Копии послания были направлены премьер-министрам Великобритании А. Идену и Франции – Э. Форю.

³¹ Bernhard G. Bechhoeffer. Указ. соч. С. 314.

³² Док. DC/SC.1/41, 1956, 27 марта.

³³ *Известия*. 1956, 15 мая.

³⁴ Ядерные испытания в СССР. Под ред. В.Н. Михайлова. М., 1997. С. 147.

³⁵ *Bulletin of American Scientists*. 2006, July-August. P. 66.

³⁶ Док. DC/SC.1/42, 1956, 3 апреля.

³⁷ *New York Times*. 1956, April 5.

³⁸ АВП РФ, Ф. Представительство СССР при ООН, оп. 11, п. 64. д. 194/220, л. 20 и 28.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Только с американской делегацией состоялась 31 одна неофициальная встреча.

- ⁴¹ АВП РФ, Ф. ОМО, оп. 3, п. 52, д. 194/111, л. 2–3.
- ⁴² Док. DC/SC.1/55, 1957, 5 мая.
- ⁴³ Борьба Советского Союза за разоружение. 1946–1960 годы. Указ. соч. С. 226.
- ⁴⁴ Док. DC/SC.1/60. С. 135–136.
- ⁴⁵ Там же. С. 121–132.
- ⁴⁶ Там же. С. 132.
- ⁴⁷ Там же. С. 136–137.
- ⁴⁸ John Robinson Beal. John Foster Dulles. 1959, P. 324.
- ⁴⁹ Bechhoefer, P. 405–406.
- ⁵⁰ Док. DC/SC.1/Rev.1, 1957, 2 августа.
- ⁵¹ Док. DC/SC.1/65/Rev.1. *Известия*. 1957, 29 августа.
- ⁵² Док. DC/SC.1/66/Rev.1.
- ⁵³ Стало быть, уже тогда, в 1957 г., готовилась почва для выдвижения плана создания так называемых Многосторонних ядерных сил НАТО (МЯС), настойчивое продвижение которого Соединенными Штатами в 1960–1965 гг. на несколько лет задержало заключение Договора о нераспространении ядерного оружия. См.: Тимербаев Р.М. Россия и ядерное нераспространение. М.: Наука, 1999. С. 209–225.
- ⁵⁴ Бернард Бечхофер, опубликовавший свое исследование в 1961 г., возможно, не был осведомлен о том, что СССР во второй половине 1950-х гг. активно помогал Китаю в создании ядерного оружия.
- ⁵⁵ Bernhard G. Bechhoeffer. Указ. соч. С. 434–435.
- ⁵⁶ Цит. по: АВП РФ, Ф. ОМО, оп. 3, п. 88, д. 194/111. том 2, л. 102.

Ы
Ц
И
Н
О
А
Т
Р
С
Т
И
С

ПРОГРАММА СТАЖИРОВОК ПИР-ЦЕНТРА ДЛЯ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ ИЗ РОССИИ И ДРУГИХ СТРАН СНГ В ОБЛАСТИ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ПИР-Центр активно привлекает молодых талантливых специалистов из высших учебных заведений и исследовательских организаций России и других стран СНГ для реализации научного потенциала в рамках программы стажировок.

Ключевыми составляющими стажировки являются:

- ☐ подготовка научного доклада по одной из актуальных проблем международной безопасности;
- ☐ проведение встреч и интервью с научными сотрудниками и советниками ПИР-Центра, правительственными экспертами, представителями российских академических кругов по теме научной работы стажера;
- ☐ участие молодых специалистов в лекционных курсах, семинарах, конференциях, организуемых ПИР-Центром и другими ведущими московскими научно-исследовательскими организациями;
- ☐ информационно-аналитическая работа в рамках одного из действующих научных проектов.

Наиболее яркие и актуальные работы молодых специалистов находят отражение на страницах журнала *Индекс Безопасности*.

ПИР-Центр обеспечивает стажера компьютеризированным рабочим местом, постоянным доступом к интернету и информационным ресурсам ПИР-Центра, средствами на проезд от места проживания в Москву и обратно, ежемесячной стипендией.

*По всем вопросам, связанным с программой стажировок, следует обращаться к директору Образовательной программы Альберту **Зульхарнееву** по тел.: +7 (495) 987-1915 или по электронной почте zulkharneeov@pircenter.org*

В 2002–2010 гг. в ПИР-Центре прошли стажировку аспиранты и студенты Академии ОБСЕ в Бишкеке, Университета мировой экономики и дипломатии при МИД Узбекистана (г. Ташкент), Волгоградского государственного университета, Воронежского государственного университета, Дальневосточного государственного технического университета, Института Дальнего Востока РАН, Московского государственного института международных отношений (университет) МИД РФ, Нижегородского государственного университета, Новосибирского государственного университета, Санкт-Петербургского государственного университета, Томского государственного университета, Тюменского государственного университета, Уральского государственного университета и др.

ТРИ «Ф» СЕРГЕЯ БРИЛЕВА

С.Б. Брилев. Фидель. Футбол. Фолкленды. Латиноамериканский дневник. М., АСТ/Зебра-Е, 2008, 272 с. (с ил.)

Рецензия – Владимир Орлов

Автор книги, в заголовок которой вынесены три слова, начинающиеся с «Ф», – член редколлегии *Индекса Безопасности*. Конечно, о членах редколлегии принято говорить хорошо или ничего. Но у нас все члены редколлегии – люди пишущие, поэтому, почему же – ничего?

Тем более что Сергей написал хорошую книгу, которая будет в равной степени интересна и тем, кто знает Сергея не только по телеэкрану; и тем, кто знает Сергея только по телеэкрану; и тем, кто просто интересуется теми уголками земли, о которых Сергей пишет. Все эти уголки – в Западном полушарии: в Южной Америке (Уругвай, Парагвай, Чили, Фолкленды) и на Карибах (Куба). Вроде бы за скобками, однако, все время вплетаются в нить повествования – Англия («Многие годы я провел в Лондоне», пишет Брилев; для справки: Брилеву – 37; в Лондоне проработал пять лет), ну, и, понятное дело, – Россия.

Дневник (так предлагает определение жанра в подзаголовке сам автор)? Да не вполне. Слишком уж хронологически сюжеты мечутся, без предупреждений перескакивая с года на год, с десятилетия на десятилетие. Репортаж? Конечно, репортаж. Жанр, так знакомый Брилеву-телевизионщику. Жанр, всегда так удававшийся ему пишущему, сначала в *Комсомолке*, потом в *Московских Новостях*, где нас разделяла едва ли пара кабинетов, зато разделял океан впечатлений: он возвращался откуда-нибудь из запретельного Сантьяго-де-Чили, я – с запретельно *тошнотного* заседания Верховного Совета.

Брилев и Латинская Америка, – как логично! Синонимы! У него же в паспорте: «Родился в Гаване». Там достаточно просто раз побывать, чтобы уже забродила по-кубински кровь, а тут – родился! Учился в Монтевидео. Чего никак не скрыть, когда говоришь с другими латиноамериканцами: даже и в книжке он везде нарочито, где речь об Уругвае и Аргентине, пишет жж, где, казалось бы, можно было ограничиться нейтрально-кастильским л. Из книжки мы также узнаем, что во всех странах Латинской Америки, где он побывал, его будут упорно принимать за аргентинца или уругвайца.

Такое погружение помогает. Глава об Уругвае – «*Малая родина большого футбола*» – как раз этим и подкупает: разговором очень от первого лица, личностью и лиричностью. Маленькая страна на задворках Южной Америки, с колоссальным *комплексом проигравшего* (у Аргентины он должен быть, соразмерно большему размеру, еще куда большим), живет воспоминаниями о футбольных страстях и футбольных победах, последней из которых – на чемпионате мира – исполнилось шестьдесят лет. А они до сих пор о себе, любимых: «Маленькая страна на вершине мира». Сергей, тщательно изучая уругвайские *исторические* стадионы и почему-то то и дело оказываясь на заброшенных железнодорожных вокзалах, где-то среди ненужных шпал, убеждает нас: «История Уругвая – никакая не местечковая». Просто *обочинная*?

А про Аргентину – казалось бы, все сказано одним этим замечательным анекдотом (с.176): «Копшатся две дворянки на свалке на окраине Мадрида. И одна другой говорит: «Знаешь, когда я жила в Аргентине, я была доберманом».

И как в этот момент не хватает – для контраста – *перебивки* про Бразилию, такую анти-аргентинскую. Про Бразилию, так живо живущую настоящим, будущим, такую свободную от рефлексии; и, как сейчас, слышу на пляже в Ипанеме эти характерные аргентинские вздохи, причем от совсем молодых людей: ах, отчего ж у нас все так осунулось за последнюю сотню лет, а вот у этих...

В «латиноамериканском дневнике» Брилева мне больше всего понравилась глава про не вполне Латинскую Америку; ну или – как посмотреть. И – как назвать. Собственно, об этом как раз и глава – о Фолклендах (на обложке, в заголовке), или о Мальвинах (изредка в тексте, когда Сергей глядит на сюжет глазами аргентинцев). Эта глава – вероятно, результат уже давних исследовательско-журналистских работ автора, корнями своими уходящих еще в *Комсомолку* начала девяностых годов, страшно сказать, прошлого столетия. Она наилучшим образом стилистически отшлифована. Здесь журналистика репортажная и журналистика исследовательская соединяются самым профессиональным образом. Особенно удачна линия, расследующая слухи о военно-космическом сотрудничестве СССР и Аргентины в период накануне и во время фолклендской войны. Может быть, автору не всегда хватает архивных источников. Иногда, когда источники у него превосходны, в лице носителей информации или тех, кто знаком с этими носителями (например, Николай Леонов), он слишком деликатен или обтекаем (больше дипломат, нежели журналист). Но даже вопреки этим препятствиям читатель получает живую, неожиданную картинку из Южной Атлантики времен холодной войны.

Сегодня, когда вокруг Мальвин снова разворачиваются дебаты, когда заматеревшая и при этом вполне удачно демократизировавшаяся Латинская Америка – не чета началу восьмидесятых! – начинает показывать клыки, глава о постыдном мальвинском поражении Аргентины читается в равной степени и поучительно, и актуально, а экскурс в далекую историю: так кому же должен принадлежать архипелаг? – будет сегодня полезен каждому юристу-международнику.

Порой книга Брилева – не столько серия репортажей, сколько – книга о репортажах. О том, как они рождаются на свет. О том, как добиться аудиенции, как добыть интересного ньюсмейкера. Не просто книжка, а мастер-класс: студентам факультетов журналистики на заметку. Особенно будущим телевизионщикам. Брилев – пример культурной тележурналистики; а это по сегодняшним временам что-то из *красной книги*.

Брилеву особенно удаются диалоги. Сколько у него интервью с *первыми лицами*! Вот и в рецензируемой книге лица мелькают одно за другим (хотя мне все равно кажется, что надо было бы еще побольше их туда включить): там Чавес... а тут уже Луис Корвалан.

Стоп, Корвалан... советская икона... Но, именно здесь Сергей вдруг позволяет себе снять галстук и как-то очень весело, иронично эту *икону* туда-сюда крутит своими вопросами, пока не добивается от коммунистической *иконы* признания, в чем все-таки ему русские кажутся странными: «Вы единственный народ, который в состоянии запивать рыбу красным вином, а мясо – белым». И на этой же странице мы узнаем, что не признающий собственности *дон Корвалан* построил свой чилийский домик на пенсию, которую ему исправно выплачивал Пиночет...

Вообще, Сергей много пишет в этой книге о себе, о своих взглядах. Наверное, еще и потому, что таким образом сам пытается в них разобраться.

«С кем вы, мастера телеэкрана?». И вправду?

Он сразу декларирует, что «не любит левых» (есть в его биографии работа корреспондентом газеты *Правда*...но то была аргентинская *La Razon* – *правда* только в переводе, не по идеологии). Он брезгливо и безоговорочно отвергает коммунистов и коммунизм (хотя стремление к журналистской равноудаленности позволяет ему поддерживать добрые отношения с Зюгановым, почему нет? Тот ему даже пытается помочь с визой

на Кубу, да и другие его источники как-то все больше из *старой гвардии*: Варенников, Леонов, иных уж нет, а те далече).

Выступая с открытым забралом, зная, что его будут *укалывать и подкалывать*, он тем не менее декларирует свой про-американизм, и не в смысле Латинской Америки, а в смысле как раз тех самых Соединенных Штатов, которые, как сам же Брилев пишет, Габриэль Гарсиа Маркес назвал «страной без имени и фамилии». «Давайте не ругать доллар и Америку. Давайте делать так, чтобы нас не боялись, а уважали. Давайте попробуем сделать лучше свой рубль, песо, реал, свой образ жизни» (с.11). И строг к нынешней России: «Бесконечно наступаем на одни и те же грабли. Но винить в своих бедах предпочитаем кого угодно, кроме самих себя».

Оттого Брилев то и дело спотыкается о фигуру Чавеса. Шут? Нет, не шут... Левый радикал? Или яркий лидер? Или всего вместе понемногу? Несколько месяцев назад в Каракасе печальный таксист жаловался мне на бардак, который царит при Чавесе, портреты которого обступали нас по обе стороны трассы: *Dictadura, Vladimir. Lamentablemente...* (К сожалению, Владимир, диктатура). На мой комментарий, что из всего им рассказанного – и мною увиденного – выходило, что это, может быть, анархия, но уж никакая не диктатура, обиделся, замолчал.

Намешано много пластов в *левой* Латинской Америке. Как в местных коктейлях.

К слову, о коктейлях. Это одна из моих любимых страниц в книге Брилева.

Сергей бродит по знакомым мне улочкам Старой Гаваны, беседует с нашим общим другом Фиделито Кастро, заглядывает вместе с ним в чудо кубинской науки – Институт биотехнологии, как же, помню доктора Мачадо, на русских тут смотрят, конечно, приветливо, но уже как-то снисходительно, потому что обогнали нас; потом заглядывает в пропитанный запахом мочи подъезд пролетарской кубинской пятиэтажки и в пустой холодильник хозяев, хотя заметно, что такой вуайеризм, вообще-то необходимый для читателя и зрителя, дается интеллигентному Брилеву нелегко; мучительно и неконформистски пытается дать определение современной Кубы, что особенно похвально, если учесть, что с ним рядом за рулем *лады-семерки* – сын и племянник *братьев-вождей*, а Сергей Кубу искренне любит и хотел бы сюда возвращаться еще не раз и желательно напрямую из Москвы, а не через заднюю дверь, Гватемалу, как однажды... и выдает безупречную инструкцию (с.35): «Ром – само собой. Но вот вместо сахара – тростниковая патока. Вместо мяты – местная yerba buena. А сверху – еще и капелька эссенции amargura». Это – настоящий mojito. “Даже в продвинутой Москве, пишет далее Брилев, где все производится с *перебором*, про *амаргуру* знают только самые продвинутые бармены».

Ну а теперь и мы с вами. Хороший коктейль получился, без обмана. 🐘

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КЛУБ ТРИАЛОГ

ТРАДИЦИОННОЕ МЕСТО ВСТРЕЧИ
КРУПНЫХ И ПЕРСПЕКТИВНЫХ
ПОЛИТИКОВ, ДИПЛОМАТОВ,
ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
БИЗНЕС-СООБЩЕСТВА,
УЧЕНЫХ И ЖУРНАЛИСТОВ

Триалог

Международный клуб Триалог – это:

- эксклюзивные информация и анализ в области актуальных проблем международной безопасности;
- непредвзятые и сбалансированные экспертные оценки событий, происходящих в России и за рубежом

Чтобы предоставить членам Клуба факты из первых рук, на заседания приглашаются ведущие зарубежные и российские политики, эксперты и представители бизнес-сообщества

Членство в Клубе (корпоративное или индивидуальное) обеспечивает:

- ☐ подписку на все издания ПИР-Центра;
- ☐ доступ к информационно-справочным ресурсам;
- ☐ приглашения на ежеквартальные заседания (в Москве и за рубежом);
- ☐ приглашения на все мероприятия, проводимые ПИР-Центром;
- ☐ новое: в открывающемся клубном сезоне – бюллетень эксклюзивной аналитики Russia Confidential бесплатно

Тел.: +7 (495) 987-1915 Факс: +7 (495) 987-1914
E-mail: trialogue@pircenter.org

Рябцев В.Н. Оценка ситуации в зоне грузино-абхазского конфликта и вокруг нее в контексте югоосетинского кризиса. Экспертный доклад / Отв. ред. М.Д. Розин. – Ростов-на-Дону: Издательство АПСН СКНЦ ВШ ЮФУ, 2009. – 76 с.

«Нам необходимо серьезно определиться с Грузией». К словам эксперта и автора доклада «Оценка ситуации в зоне грузино-абхазского конфликта и вокруг нее в контексте югоосетинского кризиса» стоит добавить: «как можно быстрее».

Официальный Тбилиси, на дорогах которого уже давно установлены щиты с надписью «Официальный приоритет нашей внешней политики – интеграция в НАТО», не скрывает своего раздражения *оккупационной* стратегией Москвы. Москва, в свою очередь, признав независимость Южной Осетии и Абхазии, размещает на территории Абхазии комплекс противовоздушной обороны С-300. Налицо начало очередного витка милитаризации региона.

Как изменилась расстановка сил на Южном Кавказе после *августовской войны* 2008 г.? Какой формат примет миротворческий процесс в дальнейшем и нужен ли он вообще? И, наконец, каким должен стать южный вектор внешней политики России? К этим вопросам, заданным в рамках академического исследования, с легкостью мог бы присоединиться и эксперт-международник, и политический обозреватель, и даже представитель российского МИДа.

Поиск ответов – процесс, несомненно, длительный, противоречивый и сопряженный с опасностью навешивания безосновательных ярлыков на Россию, Грузию или те международные организации, которые в настоящий момент оказывают гуманитарную помощь обеим сторонам августовского конфликта.

Автору частично удалось избежать подобной крайности. Однако иногда его скептическое и резко негативное отношение к роли Миссии Организации Объединенных Наций по наблюдению в Грузии (МООННГ), Европейского Союза и Международной кризисной группы (МКГ) на протяжении всей истории конфликта в Южной Осетии и Абхазии может создать прямо противоположное впечатление. Следует отдать должное эксперту в том, что, хотя и не анализируя глубоко стратегию каждой из международных организаций в отношении Южного Кавказа, он вполне убедительно доказывает, что они занимают четко выраженную прогрузинскую позицию.

В целом работа представляет собой своеобразный сплав теоретических положений по этнополитической конфликтологии, преломленных через специфику замороженных конфликтов в Абхазии и Южной Осетии. В.Н. Рябцев, неоднократно посещавший этот регион под эгидой Южного научного центра РАН как *до*, так и *после* конфликта, акцентирует внимание на понятии «замороженный конфликт», типах и так называемых вариантах замораживания. Автор анализирует роль основных игроков, как правило, участвующих

ш з
ы к
т т
ж з
з в
т о
к т

щих в таких конфликтах, а также регулятивные механизмы, которые могут позволить если не разрешить, то управлять данными конфликтами. В итоге эксперт приходит к выводу, что в отношении Абхазии и Южной Осетии произошло явное переформатирование. Внутригосударственный сепаратистский конфликт трансформировался в межгосударственный конфликт.

Подобное заключение не лишено внутренней логики. Признание независимости Южной Осетии и Абхазии со стороны России обозначило новые *узлы противоречий*. По мнению эксперта, в настоящий момент на Южном Кавказе можно наблюдать следующие комбинации расстановки сил: Россия (плюс Абхазия и Южная Осетия) versus Грузия, Россия versus США (плюс Грузия), Абхазия и Южная Осетия (плюс Россия) versus США.

Вполне естественно, что в подобных конфигурациях России действительно нужна продуманная стратегия в отношении Южного Кавказа, который, как неоднократно подчеркивает сам автор, имеет стратегическое значение для всей ее внешней политики. Именно поэтому действительно ощутимым недостатком данной работы является отсутствие каких-либо рекомендаций относительно реального наполнения российской внешней политики на Южном Кавказе. Тем не менее, благодаря последовательному изложению современной истории двух замороженных конфликтов, скрупулезному анализу поведения таких игроков, как Грузия, Европейский Союз, США, до и после *августовской войны* экспертный доклад может быть интересен самому широкому кругу читателей.

Любовь Ярошенко

Власов Н.А., Малыгина А.А., Павлов А.Ю. Военная стратегия держав Западной Европы. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. 160 с.

Военная доктрина по праву является важнейшим документом, отражающим степень адаптации военной стратегии государства к современным вызовам и угрозам безопасности. Вполне логично, что военные стратегии многих государств мира постоянно обновляются с учетом новых внешних и внутренних условий. Как, зачем и при каких обстоятельствах происходит данный процесс? Работа экспертов Санкт-Петербургского государственного университета – попытка ответить на данные вопросы с точки зрения эволюции военных стратегий ведущих европейских держав – Великобритании, Франции и Германии.

Выбор этих трех стран для подобного исследования не случаен. *Во-первых*, он обусловлен исторически. Именно данные государства на протяжении столетий играли ведущую роль на европейском континенте. *Во-вторых*, эти страны, являясь ведущими государствами Европейского Союза, членами НАТО, обладают наиболее развитыми вооруженными силами в Европе. Более того, две из них – Великобритания и Франция – также имеют статус официальных ядерных держав.

Проведенный авторами сравнительный анализ военных стратегий дает четкое представление об эволюции военной политики государств, различиях и общих признаках. Так, если Великобритания не имела документированной военной доктрины вплоть до 1989 г., то во Франции военная стратегия всегда стояла в центре внимания, а немецкая военная мысль по праву считается передовой.

Подобное различие объясняется тем, что военная сила во Франции рассматривалась как ключевой элемент поддержания ее влияния и авторитета на мировой арене. При этом на протяжении второй половины XX в. и после окончания холодной войны при формировании военной стратегии во Франции происходит столкновение «между стремлением к построению автономной системы обороны и необходимостью участвовать в системе коллективной обороны Европы» (с. 64). Германии при формировании своей военной стратегии в этот период приходилось действовать в условиях *ограниченного суверенитета*.

С окончанием холодной войны и распадом биполярной системы все три государства, несмотря на существующие различия, сталкиваются с одинаковыми проблемами, – в част-

ности, с отсутствием сил быстрого реагирования на новые вызовы и угрозы. Военные операции на Балканах и в Афганистане, а также угроза международного терроризма выявили «проблемы быстрого принятия военно-политических решений и быстрого реагирования на кризис» (с. 41). Это привело к постепенному реформированию вооруженных сил данных стран и пересмотру военных стратегий.

Наличие ядерного оружия у двух европейских государств – Великобритании и Франции – кардинально отличает их от Германии. Обе страны до сих пор отводят ядерному оружию немаловажную роль. Великобритания, как и в прошлом, рассматривает ядерное оружие как основное средство сдерживания агрессии и обеспечения национальной безопасности. Для Франции ядерное оружие всегда являлось оплотом ее авторитета при сохранении автономности французских ядерных сил в принятии решений.

Сравнительный анализ эволюции военных стратегий трех ведущих европейских государств дает четкое представление о меняющейся роли военной силы в обеспечении национальной безопасности.

Елена Гелескул

Абдуразакова М.А. Политика лаицизма в Турции: история и современность. Т.: УМЭД, 2008. 168 с. Эволюция секуляризма в Индии (идеология и политика). Т.: УМЭД, 2009. 223 с.

Подобно заправскому портному, который в зависимости от модных тенденций и амбиций клиентов постоянно перекраивает свои изделия, геополитика, в угоду *исторической моде* и амбициям *власть предержащих*, *перекраивает* очертания мира. Однако если портному достаточно приложить лекала к любой ткани – и оригинальная вещь готова, то *лекала геополитические* применимы не ко всем материалам, с которыми приходится работать. Самый сложный, *неподвластный никакому крою* материал в геополитике – это тот, который определяет основные направления геополитических изменений в мире, а именно *материал человеческой души*.

Религиозное и светское начала, их соотношение и столкновение в сознании человека оказывали и оказывают большое влияние на судьбы многих государств и народов мира. В странах Востока поиск религиозной и светской идентичности становится характерной чертой настоящего времени. С одной стороны, этот процесс происходит на фоне усиления влияния религии на политику. С другой стороны, в современном мире наблюдается стремление к секуляризации общества.

Монографии раскрывают сущность понятия секуляризации, современное развитие данного явления, особенности национальных моделей секуляризации в многоконфессиональных государствах и их влияние на геополитические сдвиги в различных регионах мира. Автор считает, что процессы глобализации сродни секуляризации и являются ее порождением. Технический прогресс, новейшие методы производства – это те инструменты, которые использует глобализация для десакрализации общества.

В то же время попытки найти баланс между религией и современным светским развитием в конце XX в. столкнулись с обратной тенденцией. Экстремистские элементы в отдельных государствах стали использовать религию в качестве щита от технических инноваций, либеральных экономических реформ, демократических преобразований, подразумевающих плюрализм мнений и вероисповеданий. Налицо процесс ресакрализации общества, который вывел на мировую политическую арену такие явления, как религиозный экстремизм и терроризм.

Автор не отрицает, что эти негативные тенденции современной сакрализации общества свойственны в основном восточным странам. Однако он логически обосновывает, что ряд государств в Европе и Америке также берут на вооружение эти устрашающие методы для подавления всего *мирского* в народных массах. В качестве примера приводится деятельность таких религиозных сект, как *Ветвь Давида*, *Уэйко*, *штат Техас*, *Аум Синрикё*, проповедующих возврат к духовным истокам через зло и насилие.

Е
Ы
И
Ж
З
И
О
К

Рассматривая модели секуляризма и способы их адаптации к различным политическим системам, особенно к тем, где религиозное начало перевешивает светское, исследователь приходит к следующему выводу. В мировой практике лишь двум государствам восточного типа удалось гармонично уравновесить религию и государство, не ущемив при этом ни духа светскости, ни традиционализма. Это – модель секуляризма в Индии и модель секуляризма в Турции, получившая название *лаицизм*.

Турция, являющаяся образцом восточной светскости и модерна, доказала эффективность собственной модели секуляризма. Многие элементы этой модели могут перенять другие страны-ортодоксы. Перечисляя преимущества лаицизма в Турции, исследователь признает, что вестернизация и модернизация страны не означали автоматического снижения роли ислама в обществе. «Народный ислам оставался и продолжает оставаться идеологией большинства населения страны, что ведет к опасному дуализму – существованию двух Турций в одном государстве» (с. 7–9). Сегодня в стране сосуществуют и противостоят друг другу две тенденции – секуляризм и исламизация. Этот факт не следует сбрасывать со счетов, отмечает автор.

Во второй монографии об истоках секуляризма в Индии автор повествует об этапах его эволюции в стране с самым многонациональным населением в мире. Исследователь полагает, что существовать в подобных условиях общества могли только при развитой секуляризации. В монографии проводится классификация данных условий. Возникновение первых индийских государств, отличавшихся стремлением к консенсусу уживавшихся внутри него народностей, религия индуизма, которой свойственно было толерантное отношение к другим религиям, колониальный период истории Индии, сплотивший многонациональное население независимо от веры, касты, традиций и культуры во имя свободы и независимости страны, – главные элементы, лежащие в основе индийского секуляризма.

Уникальность работы заключается в том, что это одно из немногих исследований, где тонкая проблематика секуляризации и сакрализации представлена в контексте влияния на современные политические процессы. Это является особенно актуальным в современном мире, где политическая элита, на Западе или на Востоке, вынуждена постоянно искать компромиссы между модернизацией социума и требованиями различных этнических групп сохранить свою национальную и религиозную самобытность. «Секуляризация и сакрализация – полюса живой, расположенной в культурном пространстве цивилизованного общежития народов и государств, динамичной культурно-исторической антитезы, между которыми колеблется исторический маятник, который всегда будет устремляться то в одну, то в другую сторону», – заключает автор.

Галия Ибрагимова

Барышников Д.Н., Костюк Р.В., Ткаченко С.Л. Эффективность дипломатии. СПб.: ВВМ, 150 с.

Книга петербургских ученых-международников посвящена проблеме эффективности дипломатии. В данной работе рассказывается об особенностях современной дипломатической службы, приводятся критерии оценки эффективности дипломатии, анализируются приоритеты наиболее современных дипломатических служб мира. Авторы уделяют внимание вопросу повышения качества работы Министерства иностранных дел Российской Федерации, обращая внимание на то, что российский МИД – последнее *недеформированное* министерство в структуре правительства. Данное исследование интересно тем, что в нем собраны современные западные и отечественные подходы к определению дипломатии. Дипломатия разделяется на категории. В работе объясняется, что подразумевается под *официальной* дипломатией и в чем ее отличие от *народной*. Исследование включает графическую шкалу соотношения ключевых категорий.

Во-вторых, одна из глав книги содержит детальную информацию о структуре, механизмах деятельности дипломатических служб таких стран мира, как США, Великобритания, Франция, Канада, Индия. Подобный анализ, собранный в единое целое, будет полезен как для студентов, занимающихся региональными исследованиями, так и для экспертов и госслужащих – практиков международных отношений.

Наибольшая сложность заключается в том, как определить эффективность дипломатии. Как известно, к какой бы категории она ни относилась, дипломатия *требует закрытых дверей, кулуарных разговоров*, искусных переговорщиков и места для скобок внутри договоров. Дипломатия невидима и неосязаема, но на практике это то, без чего никто в современном мире не смог бы выжить. Возвращаясь к более конкретным вещам, дипломатической службе и ее исполнителям, – как определить, насколько эффективно они действуют в рамках вверенных им полномочий?

Отметим, что авторы осознают эти трудности. Признавая сложность оценки эффективности дипломатической деятельности, они предлагают действовать по принципу: сравнивать только то, что возможно сравнить. Долгосрочной целью авторов является оценка дипломатии в виде коэффициентов. Данный принцип применяется западными экспертами в анализе дипломатической деятельности таких стран, как США.

Последняя глава книги посвящена изучению состояния российского МИДа и исследованию повышения эффективности его работы. Авторы беспощадно *бьют по больным местам* отечественной дипломатии. Они констатируют, что современная российская дипломатия – это классическая дипломатия национального государства XIX в., несколько разбавленная риторикой о признании других форм международных контактов, выходящих за традиционные рамки МИД.

Более того, никого и не удивляет, что современный российский МИД – структура, подчиненная президенту России, его администрации и главе правительства Российской Федерации. МИД не играет какой-либо самостоятельной роли. Исследователи обращают внимание на то, что нарушено ключевое правило эффективного функционирования данного ведомства. Министерством руководят два человека: политический деятель, влияющий на процесс принятия решений в государстве, имеющий *прямой доступ к первому лицу*, а также карьерный дипломат, исполняющий приказы министра, но самостоятельно регулирующий все функциональные вопросы министерства. Наконец, авторы показывают, насколько неэффективно используются принципы публичной дипломатии в условиях конкурентной среды, где действовать необходимо максимально энергично.

Более подробно с новыми поступлениями библиотеки ПИР-Центра вы можете ознакомиться в разделе «Библиотечные новинки» интернет-представительства ПИР-Центра по адресу <http://pircenter.org/library>

В то же время ученые, к сожалению, не сильно озабочены проблемой выработки рекомендаций. Безусловно, невозможно *объять необъятное*, но исследование только выиграло бы, обладая более детальными и конкретными соображениями о том, как выйти из сложившейся ситуации с минимальными для МИДа потерями. Выдвигая веские аргумен-

ты против отечественного внешнеполитического ведомства, авторы ограничивают себя лишь лаконичными определениями того, какой должна быть эффективная российская публичная дипломатия, а также признанием необходимости увеличения бюджетных средств на нужды отечественной дипломатии.

Подводя итоги, следует заметить, что книга – интересное и познавательное чтение для специалистов по международным отношениям. Более того, как уже было отмечено, ее необходимо расценивать как приглашение к дальнейшей научной и экспертной дискуссии по теме, являющейся чрезвычайно актуальной для современной отечественной дипломатии. 🐘

Ксения Смертина

ш з
ы к
т т
ж з
з в
т о
к т

Йован Курбалийя. Управление Интернетом. Координационный центр национального домена сети Интернет. – М., 2010. – 208 с.

Интернет – неотъемлемая часть современного общества. Отсутствие оригинальности в данном утверждении оправдано тем, что в нем наиболее емко подчеркивается роль и значение интернета в глобальном человеческом развитии. Интернет настолько глубоко проник во все сферы жизнедеятельности социума, что сегодня сложно представить повседневную реальность без строки ввода в окне браузера и трех заветных букв *www*, оживляющих эту самую реальность прямо на глазах.

В период, когда интернет только набирал обороты в своем развитии, графические и текстовые редакторы в компьютерных программах *Word* и *Excel* рекомендовали писать слово интернет с заглавной буквы. В 2003 г. журнал *The Economist* напечатал слово интернет с маленькой буквы. Подобная политика столь авторитетного издания явилась отражением и признанием того, что интернет стал частью повседневности, перестал быть чем-то уникальным и особенным.

Стирая временные и пространственные границы между нациями и государствами, заполняя новыми сведениями каждую *расщелину*, где образовался информационный вакуум, интернет стал также мощным *орудием* в руках киберпреступников. Пренебрегая нормами этики и морали, они умело приспособили всемирную сеть для личного обогащения. В то же время технологические новшества в сети расширили возможности интернет-пользователей, с другой стороны – привели к возникновению множества прецедентов, не поддающихся анализу ни с точки зрения международного права, ни каких-либо других национальных законодательств. На повестке дня мирового сообщества все острее стоят вопросы регламентации *управления* всемирной сетью.

Специфика возникновения интернета как саморазвивающейся сети, технические, правовые, экономические, политические, социокультурные аспекты *управления* инфраструктурой интернета анализируются в книге Йована Курбалийи, впервые изданной на русском языке российским Координационным центром национального домена сети интернет. Уникальность издания состоит в том, что в нем представлен всесторонний обзор основных вопросов и действующих лиц интернет-пространства. По каждой проблеме приводятся как теоретические, так и практические сведения, что особенно ценно, когда речь идет о технических аспектах развития интернета. Понять техническую терминологию, которой изобилует язык программистов, легко, когда каждый термин объясняется на конкретном примере из практики. Книга написана в простой, доступной форме, содержит многочисленные схемы, иллюстрирующие технологические тонкости *управления интернетом*.

Немало споров вызывает сам термин *управление интернетом*. Специалисты в различных областях понимают этот термин в соответствии со спецификой собственной деятельности. Программисты усматривают в *управлении интернетом* управление технической инфраструктурой сети, правоведа обращают внимание на вопросы юрисдикции и разрешение споров, дипломатов в первую очередь беспокоит сам процесс регулирования и защиты национальных интересов. Список противоречащих друг другу профессиональных точек зрения на *управление интернетом* можно продолжить.

Анализируя различные позиции по вопросам *управления интернетом*, автор приводит определение, данное в рамках Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества, инициированной ООН: «Управление интернетом представляет собой разработку и применение правительствами, частным сектором и гражданским обществом, при выполнении ими своей соответствующей роли, общих принципов, норм, правил, процедур принятия решений и программ, регулирующих эволюцию и применение интернета» (с. 12).

Методология исследования выстроена на основе принципа *пяти корзин*. *Корзина* – это своеобразный классификатор, используемый автором для упорядочивания набора проблем, связанных с *управлением интернетом*. *Пять корзин управления интернетом* – это инфраструктура и стандартизация, включающая все технические вопросы функционирования сети, правовые аспекты, подразумевающие формирование правовой базы для развития и внедрения технических новшеств в ежедневно развивающуюся

всемирную сеть. В следующую *корзину* включены экономические аспекты *управления интернетом*, которые становятся весьма актуальными в связи с бурным развитием *электронной коммерции*, переходом банковской системы и системы налогообложения на электронную основу.

Аспекты, связанные с развитием, регламентирующие влияние современных технологий на глобальное общество, включены в четвертую *корзину*. Последняя, пятая *корзина* вбирает в себя такие вопросы *управления интернетом*, как политика в отношении содержания материалов и многоязычие ресурсов сети. По проблемам, содержащимся в каждой из *корзин*, проводится глубокий анализ, рассматриваются механизмы их практического разрешения. Это позволяет читателю не только сформировать представление о сущности и многогранности интернет-пространства, но и понять специфические тонкости *управления интернетом*, необходимые в ежедневной практике веб-пользователя.

В работе также классифицируется аналитический инструментарий *управления интернетом*. Он включает модели и подходы, отражающие различия между позициями участников переговоров, а также между профессиональными и национальными культурами. Инструментарий охватывает руководящие принципы, представляющие собой определенные ценности и интересы, лежащие в основе режима *управления интернетом*, аналогии, помогающие обществу понимать новые явления с помощью известных.

Позиция авторов сводится к тому, что любая инициатива в области *управления интернетом* должна начинаться с комплексного анализа существующих условий и норм, которые могут значительно повысить правовую стабильность и упростить задачу создания режима *управления интернетом*. Только посредством комплексного подхода, подразумевающего не только технические, но и правовые, социальные, экономические и связанные с развитием аспекты функционирования и эволюции сети, можно выработать условия для стабильного, нейтрального, качественного *управления интернетом* всеми субъектами глобального информационного пространства.

Весьма примечательно, что в книге проводится аналогия между строящимся зданием интернета и библейским преданием о строительстве Вавилонской башни. «Не строим ли мы Вавилонскую башню XXI века?» – задается автор вопросом. Вавилонская башня, которая должна была стать символом единства людей всей планеты, вдруг стала знаком их разобщенности. Чтобы подобная участь минула строящуюся *громадину* интернета, необходимо включить вопросы *управления интернетом* в повестку самых авторитетных международных и национальных организаций и форумов, вовлекать самую широкую общественность в выработку рекомендаций по различным аспектам управления всемирной сетью, заключает автор исследования.

Любовь Солдаткина

Лаумулин М.Т. Центральная Азия в зарубежной политологии и мировой геополитике. Том V: Центральная Азия в XXI столетии. – Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2009. – 440 с.

Последний том пятитомного труда М.Т. Лаумулина, одного из ведущих политологов Центральной Азии, посвящен изучению политических процессов, происходящих в регионе в целом и в каждой стране в отдельности в период первого десятилетия XXI в.

Ценность данной работы состоит в том, что М.Т. Лаумулин предлагает вниманию читателя системный анализ политических процессов в регионе именно в современный период времени. Студентам, молодым специалистам и ведущим экспертам, изучающим Центральную Азию, несомненно, будет интересен данный материал, в котором собран огромный объем информации по региональным политическим процессам.

Автор разделил труд по блокам в соответствии с тематическим и географическим принципом. М.Т. Лаумулин начинает свой анализ с оценки места Центральной Азии в мировой геополитике, стратегии *великих держав* в регионе. Во второй части автор описывает региональных игроков, таких как Иран, Пакистан, Индия, Турция и Япония, и их взаимо-

ш з
б к
т л
ж н
с в
п о
к и

отношения со странами региона. Третья часть посвящена изучению внутренних политических процессов в странах региона. В отличие от многих своих коллег М.Т. Лаумулин не дает простую историческую справку, он концентрируется на событиях и тенденциях XXI в.

Вопреки названию книги, автор считает, что страны региона объединяют только географическое положение и общее прошлое. Например, в третьей главе, где говорится о политических процессах в регионе, каждая страна рассматривается в отдельности. Нередко в разделах, посвященных глобальным и региональным геополитическим игрокам, при описании их политики также применяется принцип географического разделения.

Работа является интересной с точки зрения использования огромного числа зарубежных и региональных источников. Исследователи имеют возможность познакомиться с новыми авторами, трудами и периодикой, посвященной региону Центральной Азии.

Данный труд, так же как и использованные в нем материалы, несомненно, будут способствовать дальнейшему развитию политической науки региона, в которой не хватает фундаментальных и комплексных исследований.

Алибек Мукамбаев

Vali Nasr. Forces of Fortune: The Rise of the New Muslim Middle Class and What it Will Mean for Our World. – New York: Free Press, 2009. 308 p.

Al-kasib habiballah

(Бизнесмен – любимец Бога)

Интеллигентное нет говорит *решению в лоб* проблемы противостояния западной и исламской культур Вали Наср, американский политолог, консультант спецпредставителя США по Афганистану, в своей книге «Силы фортуны: рост нового исламского среднего класса и что это будет значить для нашего мира». Направлять усилия на экономику и обеспечить точную интеграцию исламского сообщества с западной культурой – такой вот безболезненный и конструктивный путь.

Если сам Коран содержит все основные положения нормального жизнеустройства, для чего искать решения где-то на стороне. В частности, *честное предпринимательство* поощряется прямо в тексте Священной книги, где предприниматель именуется *любимцем Бога*. Это, однако, больше подчеркивает правомерность средств ведения бизнеса, нежели его солидный достаток. Специфика развития капитализма в исламском мире состоит в том, что этот процесс *идет рука об руку* с возрождением традиционных исламских верований. Религиозное благочестие формирует спрос.

Представитель исламского среднего класса *потребляет* ислам настолько, насколько практикует его, предъявляя спрос не только на *халявную* еду и головные платки, но и на исламское жилье, моду, образование, *банкинг*. Такая тенденция уже создает соответствующую волну на глобальном рынке. Окрепший средний класс способен будет противостоять экстремизму уже изнутри ислама – как силе, угрожающей его предприятиям. Проблема в том, что пока немногие осознают, каков реальный ущерб, который наносит агрессивный джихадизм прежде всего экономическому развитию мусульманского мира. Вали Наср считает, что главная проблема мирного сосуществования исламского мира с западным сообществом кроется не в религиозных различиях, а в неполноценности интеграции исламской экономики в глобальную.

Автор отвергает идею предрасположенности той или иной культуры к отдельным видам преобразований. Для осуществления каких-то изменений исламскому миру не помешал бы хороший реформатор. Конечно, это не будет Махмуд Ахмадинежад или Усама бен Ладен, а некто вроде *исламского Адама Смита*.

Являясь иранцем по происхождению, Вали Наср прежде всего концентрируется на Исламской Республике Иран, параллельно приводя примеры развития стран Ближнего и Среднего Востока. Урок, который Запад должен вынести из иранской судьбы, заключа-

ется в том, что гораздо меньшее значение имеет светскость среднего класса по сравнению с тем, правильный ли это тип собственников, сфокусированный на экономическом росте и ограничении государственного контроля в экономике. Автор утверждает, что к исламу неприменима политика насильственной секуляризации, так как это также приводит к негативным последствиям. Как показывает эпоха кемализма в Турции, жестко сдерживаемый, исламский экстремизм *взрывается* с большей силой, ударяя как по развитию страны, так и по *имиджу* ислама в целом. Это не способствует международной интеграции исламского мира.

Вали Наср справедливо замечает, что в отличие от *маски* религии насилия, какой ислам представляется Западу, его *истинное лицо написано красками* стремления к порядку через соблюдение принципа справедливости во всех сферах жизни общества. Автор подчеркивает, что не следует разрушать то, что служит основой для наиболее честного, справедливого и социально ориентированного сотрудничества со стороны исламских партнеров. Вали Наср стоит за модернистскую ориентированность фундаменталистов, пришедших к власти, в частности в Иране, и бросающих вызов кемализму. Пока в этой игре победить не получается, слишком много разных уродливых ответвлений, уводящих практику от изначальных высокодуховных намерений, заложенных имамом Хомейни.

Перспективы развития мусульманского мира снизу, путем формирования *правильного* среднего класса, производящего экономические блага и питающего государство, заманчивы и настраивают на *кооперативный лад*. Они открывают путь к органичному взаимодействию западной и исламской культур. Трудно сказать, насколько этот путь реален, не помешают ли сторонние факторы, и возможно ли вообще обратить внимание на постепенные меры преобразования в разгар мирового политического кризиса вокруг Ирана. Ясно одно – это вопрос долгосрочной перспективы.

Приятен оптимистичный настрой автора и обстоятельность, с которой он подкрепляет свои идеи соответствующими современными и историческими примерами. Своей полнотой представленный анализ обязан предыдущим творениям Вали Насра, а именно работам: «The Shia Revival: How Conflicts with Islam Will Shape the Future», «Democracy in Iran: History and the Quest for Liberty». Эти работы также были бы любопытны всем интересующимся подобной тематикой. 🐘

Юлия Свешникова

Будущее ядерной безопасности до 2015 года. Материалы российско-американского семинара. Под ред. А.А. Саркисова и Роуз Геттемюллер. Вашингтон: Издательство Национальных академий США, 2009. 361 с.

В 2013 г. закончится срок действия Соглашения о совместном уменьшении ядерной угрозы между Соединенными Штатами Америки и Россией. После этого Россия должна принять на себя организационную и финансовую ответственность за обращение и обеспечение физической защиты своих ядерных материалов. Обсуждению этого аспекта российско-американских отношений в сфере ядерной безопасности был посвящен совместный международный семинар Национальной академии наук США и Российской академии наук под названием «Будущее ядерной безопасности до 2015 года», который прошел 12–13 ноября 2007 г. в Вене при поддержке МАГАТЭ. Именно по итогам состоявшегося семинара и был подготовлен рассматриваемый сборник материалов.

После распада СССР в мировом сообществе возникли опасения по поводу сохранности ядерных материалов, обладателем которых стала Российская Федерация. Соединенные Штаты, Канада, а также северные страны Европы, которые столкнулись с проблемами советского атома еще в 1986 г. (после аварии на Чернобыльской АЭС), с большой тревогой воспринимали ту ситуацию, которая сложилась в начале 1990-х гг. в России. Большое количество подводных лодок, работавших на атомных реакторах, требовали утилизации. Исследовательские институты, имевшие дело с ядерными материалами, зачастую в качестве систем охраны имели только навесные замки на дверях. Кроме

Е
З
Ы
К
Т
Т
Ж
З
З
В
Т
О
К
Т

того, России достались в наследство от СССР запасы оружейного урана и плутония, сохранность которых также ставилась под сомнение.

В течение почти 20 лет зарубежные страны осуществляют сотрудничество с Россией в рамках программ по совместному снижению уровня ядерной угрозы. Одним из ведущих партнеров России в этой сфере стали Соединенные Штаты Америки. За годы сотрудничества между странами была создана эффективная система рабочих контактов, а в России произошли значительные изменения к лучшему в сфере защиты ядерных материалов. За время совместного российско-американского сотрудничества был накоплен уникальный опыт в сфере физической защиты, контроля и учета ядерных материалов. Сохранение этого опыта, а также его передача нашли отражение на страницах сборника.

Особенностью сборника является большое количество авторов, широко известных в *нераспространенческих* кругах. Помимо Роуз Геттемюллер, авторами сборника выступили Н.Н. Пономарев-Степной, Тарик Рауф, Лора Холгейт, А.А. Пикаев, Кристина Ханселл, В.С. Колтунов, А.А. Саркисов и многие другие.

Работа затрагивает широкий спектр вопросов от стратегического планирования и финансового обеспечения партнерства, развития мирной ядерной энергетики и создания международного центра по обогащению урана в Ангарске до угрозы ядерного терроризма и проблемы контроля над ядерными вооружениями. 🐼

Иван Трушкин

Главному редактору:

Для начала хотелось бы искренне поблагодарить ПИР-Центр за создание отличной дискуссионной площадки, в том числе и в рамках журнала *Индекс Безопасности*, где любой, начиная от молодого специалиста-международника и заканчивая маститым экспертом с признанными регалиями, может высказаться по актуальной проблематике региональной и глобальной безопасности, свободно критикуя, соглашаясь, парируя.

У меня, как специалиста, постоянно отслеживающего аналитику по постсоветскому пространству, опубликованная в прошлом номере *Индекса Безопасности* статья Юрия Федорова «Туркменские газовые игры» вызвала неподдельный интерес и желание поучаствовать в дискуссии.

Не секрет, и с этим трудно не согласиться, что Центральная Азия – один из наиболее перспективных, быстро развивающихся энерго-сырьевых рынков Евразии. Этот регион привлекателен как для инвестиций России, ЕС, Китая и США, так и для соседних государств, часть из которых претендует на роль лидирующих региональных держав – Турции, Ирана и Афганистана. Кроме богатых месторождений нефти и газа, Центральная Азия обладает внушительным транзитным потенциалом при своих весьма ограниченных возможностях существующей инфраструктуры. В этом смысле, крупнейшие потребители ресурсов сталкиваются не только с проблемами конкуренции за право импорта, но и с серьёзными противоречиями по вопросам инвестиций в добычу и транспортировку.

Рассматривая ситуацию в Туркмении в рамках данной статьи, для меня было интересно понять и проанализировать будущую стратегию этого государства в энергетическом диалоге с Россией.

Очевидно, что если другие страны – участницы СНГ предпринимали попытки сохранить и реализовать оставшиеся с советских времён политические и хозяйственные связи, то Туркмения, по большей части, предпочитала держаться в стороне. Это государство до сих пор довольно слабо проявляет себя в политико-экономических, в том числе интеграционных процессах на постсоветском пространстве. Формально числясь в СНГ, Туркмения предпочитает выстраивать свою собственную внешнеполитическую и внешнеэкономическую линию, основываясь исключительно на *корыстных побуждениях*, а потому не желает иметь посредников и делать каких-либо уступок соседним странам, в первую очередь России, резко повышая ей тариф на закупку газа.

Туркмения делает ставку на непрременную помощь и поддержку со стороны стран-импортёров. Только при этом её руководство, к сожалению, не принимает во внимание уроков истории, которая не раз показывала, что подобное *относительное союзничество* длится ровно столько, сколько последние будут видеть геоэкономическую целесообразность. Как только газовые ресурсы Туркмении начнут сокращаться (учитывая

изложенные в статье объёмы потребления туркменского газа, в обозримом будущем такой сценарий желательно учитывать), едва ли кто-то из бывших партнёров протянет Туркмении руку помощи. Но это уже отдельный вопрос для дискуссии.

Виновата ли в подобной ситуации Россия? Отчасти она действительно стимулирует Туркмению, как и другие государства Центральной Азии, искать другие пути поставок энергоресурсов в обход России. В первую очередь здесь имеются в виду периодически повторяющиеся энергетические конфликты России со *странами – транзитёрами*, и, соответственно, потребителями в Европе, причём, такими как Белоруссия и Украина, о чём было упомянуто в статье.

Ситуация, конечно, осложняется тем, что для поставок газа из Центральной Азии в Европу продолжает использоваться фактически единственный трубопровод *Средняя Азия – Центр*. Он не модернизировался ещё со времён Советского Союза, а потому предоставляет весьма ограниченные возможности для экспорта. В то же время другие государства или интеграционные объединения, такие как Китай и ЕС, готовы инвестировать средства в строительство современных трубопроводов с надлежащей пропускной способностью. К таким проектам относятся *Набукко*, для стыковки с которым необходима прокладка Транскаспийского газопровода и, запущенный в декабре 2009 г., газопровод *Восточный*. Лишь один из проектов может соответствовать интересам России – это Прикаспийский газопровод, рассчитанный на российский транзит. В связи с этим, России необходимо не только продолжать отстаивать последний вариант, но и быть готовой инвестировать финансовые ресурсы в модернизацию существующей инфраструктуры и в реализацию планируемых проектов.

Как было отмечено в статье, на протяжении прошедшего периода основные усилия России в Туркменистане, как и в большей части Центральной Азии, были направлены, к сожалению, по большей части на изоляцию энергетического рынка региона от мирового в свою пользу. Таким образом, удерживался и укреплялся российский привилегированный статус в качестве основного, если не единственного, геоэкономического и геополитического посредника.

Здесь же следует добавить и тот факт, что на протяжении долгих лет после распада СССР, Россия ошибочно полагала, что её интересы на постсоветском пространстве будут учитываться недавними союзниками как нечто само собой разумеющееся. В то же время сами бывшие союзные республики долгое время рассчитывали на активную и безусловную финансово-технологическую (и экономическую в широком смысле) поддержку со стороны России, которая оказывалась бы в качестве помощи по преодолению внутренней социально-экономической напряжённости и ее последствий. Однако на деле всё оказалось во многом иначе.

Россия предпринимает попытки реанимировать свою роль основного поставщика центрально-азиатских, в том числе туркменских, углеводородов на мировой рынок, в первую очередь в Европу. Здесь, наряду с продолжением переговоров с Казахстаном и Туркменистаном по согласованию строительства Прикаспийского газопровода, Россия, совместно с Узбекистаном, разрабатывает проект системы газопроводов *Средняя Азия–Центр-1* и *Средняя Азия–Центр-2*. Предполагается, что транспортировка газа пройдет по узбекской территории из Туркменистана в центральную часть России. Однако перспективы данного проекта, как и Прикаспийского газопровода, пока остаются неоднозначными. Во многом они будут зависеть от расстановки сторонами своих политических приоритетов.

Другой игрок в данном регионе – Китай, про возможности и энергетические потребности которого забыть очень сложно. Как подробно отражено в статье, интересы Китая в Туркмении, как и во всей Центральной Азии, в настоящее время остаются наиболее острым вопросом на повестке дня. С каждым днём Китай усиливает свои экономические и политические позиции в данном регионе, проводя довольно агрессивную экспансионистскую политику. К 2015 г. КНР будет импортировать до 50 % требуемых энергоресурсов. Китай ставит амбициозную цель – сформировать на территории Центральной Азии свободный рынок или зону свободной торговли, что позволило бы ему иметь беспрепятственный

доступ к жизненно-важным энергетическим ресурсам. В то же время именно на этом этапе интересы КНР сталкиваются с противодействием со стороны России и ЕС.

Здесь стоит упомянуть о Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) как одном из основных рычагов влияния Китая в регионе. Упрочнение экономических позиций КНР в Центральной Азии, в частности создание туркмено-китайского газопровода, подталкивает Китай к укреплению рычагов политического контроля над стратегически важным для него регионом мира, для чего он и намерен использовать ШОС. Говоря о практической реализации данной китайской стратегии, нельзя не отметить, что активизация деятельности ШОС в энергетической сфере, примерами которой могут служить инициатива России о создании Энергетического клуба, идея Казахстана о формировании Азиатской энергетической стратегии, стимулирует интерес Туркменистана к расширению контактов с данной организацией.

Это не исключает возможное вступление последнего в ШОС уже в обозримом будущем. В данном вопросе важным является достижение политического компромисса между Китаем и Россией, как двух цементирующих элементов ядра ШОС. Необходимо разумное сочетание их экономического и военно-политического взаимодействия, как с Туркменистаном, так и с другими государствами Центральной Азии.

Статья примечательна тем, что она очень четко показывает, что на сегодняшний день все основные игроки на газовом рынке Туркменинии обеспечили себе определённую долю участия, при этом никто из них пока не занимает монопольное положение в данном сегменте энергетического рынка Центральной Азии. Тем не менее, при сохранении текущих тенденций, в ближайшем будущем перевес будет на стороне Китая. Такое положение дел не может соответствовать национальным интересам РФ, особенно в контексте её энергетической безопасности.

В связи с этим российскому руководству необходимо предпринимать срочные меры по разработке качественно новой стратегии по установлению, упрочению и защите своих экономических и политических позиций в регионе. Необходимо использовать для этого все доступные *мирные* средства. В противном случае, в том числе в случае дальнейшего противодействия со стороны властей Туркменинии по отношению к предложениям России, ситуация в регионе, имеющая и без того немалое количество острых проблем социально-экономического и военно-политического характера, может ухудшиться. И, конечно же, нельзя забывать об уроках истории, так как *игры*, в особенности *газовые*, могут в конечном итоге дорого обойтись.

Владимир Перебоев

аспирант

кафедра мировой политики

Государственный университет – Высшая школа экономики

ул. Домодедовская, д. 22, корп. 1, кв. 54

г. Москва, 115001, Россия

ЭЛЕКТРОННЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ

Электронный новостной бюллетень *Ядерный Контроль* представляет собой подборку материалов российских средств массовой информации по проблемам нераспространения ядерного оружия и средств его доставки, а также атомной энергетики. Формат бюллетеня позволяет сконцентрироваться в первую очередь на проблемах, связанных с мирным и военным использованием атома, а также с разоружением. Материалы бюллетеня публикуются в следующих разделах:

- ❑ **Календарь.** Обзор основных событий недели в области атомной энергетики, мирного и военного использования атома, ракетной техники.
- ❑ **Ракетное и ядерное досье.** Ключевые события в зеркале российских СМИ в ракетной и ядерной сферах. В разделе публикуются аналитические и информационные статьи, посвященные вопросам контроля над вооружениями, ОМУ-терроризма, экспортного контроля, ядерной энергетики и другим актуальным проблемам международной безопасности.
- ❑ **Мнение.** Интервью и выступления известных политиков и ведущих российских экспертов по вопросам внешней политики и глобальной безопасности в преломлении к вопросам ядерной энергетики, ядерного оружия и средств его доставки, а также материалы эксклюзивного характера от агентства ПИР-ПРЕСС, которые представляют собой комментарии и оценки сотрудников ПИР-Центра по наиболее актуальным проблемам.
- ❑ **Информация ПИР-Центра.** Представляет собой бортовой журнал ПИР-Центра, в котором Вы найдете информацию о текущей деятельности и новых проектах Центра.

Бюллетень уделяет внимание проблемам создания и нераспространения ядерного оружия и предоставляет свою трибуну не только политикам, военным и экспертам по профильным вопросам, но также дает слово своим читателям. Бюллетень выходит дважды в месяц по четвергам.

Вы можете подписаться на электронный бюллетень на сайте интернет-представительства ПИР-Центра по адресу <http://pircenter.org/subscription>

По всем вопросам, связанным с электронным новостным бюллетенем Ядерный Контроль, следует обращаться к редактору Надежде Теллер по электронной почте teller@pircenter.org.

FROM THE EDITOR

- 7 **After the NPT Conference.** «The seeds of hope have been sown. That is how the head of the Canadian delegation described the outcome of the NPT Review Conference held in May 2010. I concur. No monumental breakthrough was achieved – but then again, nothing special was expected. More positive atmosphere around the treaty, confirmation of its viability which I'm sure all the participants can agree on – these positive outcomes alone are sufficient to start working, without any great fanfare, on all the problems accumulated over the years. The one thing that should not be allowed is repeating the mistake made in 1995, when after the treaty was extended indefinitely, everyone relaxed and did nothing», - writes Editor-in-Chief of the *Security Index* journal Vladimir Orlov.

INTERVIEW

- 11 **Nikolay Makarov: «Russia Needs a Modern and Capable Army, Fit for Any Challenge or Threat – Any External Threat in Particular - that the Country Might Have to Face»** - Reshaping the Russian army is one of the main aspects of President Dmitry Medvedev's program on modernization of the country. What are the aims, objectives and consequences of the ongoing reform of Russia's military machine? The chief of the Russian general staff and first deputy defense minister Nikolay Makarov speaks about the essence of the military reform, its future course and the results already achieved.
Key words: *military reform, military policy, military security.*
- 19 **Ali Asghar Soltanieh: «Our new approach to safeguards demonstrates that we are serious about cooperating with the IAEA»** - On June 9, 2010 the UN Security Council voted for the fourth round of sanctions against Iran. However, Iran refused stopping uranium enrichment nevertheless the sanctions. Does the Iranian nuclear program breach international resolutions? Or does it have strictly peaceful nature, as Tehran claims? Iran's envoy to the IAEA, Ali Asghar Soltanieh details Iran's position on nuclear non-proliferation and the development of peace atom.
Key words: *Iran, nuclear disarmament, IAEA.*
- 23 **Leonid Bokhanovsky: «Russia's main goal at the Gas Exporting Countries Forum is setting up a universal model for gas supply and demand under the GECF auspices»** - The Gas Exporting Countries Forum (GECF) is a young international organization which is expected to acquire a great deal of influence on the gas market. It is often compared to OPEC. Is this comparison really justified? Will the GECF manage to bring some kind of structure into the world market on natural gas, and find the right balance between the interests of the producers and consumers? Finally, what is Russia's role in this new organization? GECF Secretary-General Leonid Bokhanovskiy offers his opinion on the impact that GECF can have on the provision of energy security in the world.

Key words: energy policy and security, Gas Exporting Countries Forum (GECF).

- 27 **Tibor Toth: «The CTBT is a chance to get rid of all the loopholes in the potential proliferation of nuclear technologies»** – The Comprehensive Nuclear Test Ban Treaty remains one of the key instruments of strengthening the nuclear nonproliferation regime. However some of the key states that have developed and possess nuclear technologies remain outside the treaty. What are the consequences of their stance for international security? What is the role Russia can play in achieving progress on the CTBT? The executive secretary of the Comprehensive Test Ban Treaty Organization Tibor Toth talks about the current situation with the CTBT and the difficulties the treaty is facing.

Key words: Comprehensive Test Ban Treaty, nuclear disarmament.

A N A L Y S I S

- 35 **Bilyana Tsvetkova. Disproving a Conventional Wisdom: Why Nuclear Terrorism Originating from Russia is a Myth** – A young Bulgarian researcher offers a critical analysis of the idea that security of nuclear materials in Russia leaves much to be desired, posing a serious risk of nuclear terrorism. According to Tsvetkova, that assertion which has always been a kind of exaggeration is now plain wrong.

Key words: nuclear security, nuclear terrorism, nuclear facilities, nuclear weapons.

- 57 **Nadezhda Arbatova, «Frozen Conflicts within the Context of the European Security»** – Can the new European security architecture proposed by Dmitry Medvedev help to resolve frozen conflicts? In an attempt to find the answer to this question, Nadezhda Arbatova, Head of the Department on European Political Studies, Institute for World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences, analyzes them in the context of the domestic politics of the countries involved, the Russia/CIS dimension and the larger international background. The proposed new security architecture for Europe depends on close cooperation between all the nations of the Euro-Atlantic region and their willingness to abandon the old concept of spheres of influence. The model looks a bit too idealistic for now. Nevertheless, Russia, the EU and NATO should work on establishing a firm new legal basis for their relations.

Key words: frozen conflicts, NATO, EU, European Security Treaty.

- 67 **Dmitry Danilov, «The European Security Treaty within the EU – USA – NATO Triangle»** - The article looks at the prospects for the implementation of the pan-European security project proposed by President Medvedev in the context of the transformation of the two pillars of security on the European continent, the EU and NATO. The question is how the reset in the US–Russian relations can impact on the EST initiative. Dmitry Danilov, Head of the Department on European Security, the Institute of Europe, Russian Academy of Sciences offers his answer to the puzzle of whether there is any real need for the proposed EST.

Key words: European Security Treaty, Russian-American relations, the EU, NATO.

- 81 **Natalya Kalinina, Vadim Kozyulin, «The Arms Trade Treaty: Making the Guns Fall Silent»** – Natalia Kalinina, Head of the Group on Non-Conventional Threats to Security, Center for International Security, Institute for World Economy and International Relations (IMEMO), and Vadim Kozyulin, Special Projects Director of the PIR Center, use the official statistics to assess the

state of affairs in arms exports and imports control. They present their views on the effectiveness of the existing international agreements, UN, OSCE and the EU regulations on arms exports. The article offers the analysis of the provisions and principles of the International Arms Trade Treaty from the point of view of the key actors, such as Russia and the United States. Finally the authors conclude that even the most careful wording cannot guarantee that under certain conditions the treaty could never turn from an instrument of transparency into a tool for secrecy and a cause for discord.

Key words: *arms exports and imports, International Arms Trade Treaty.*

C O M M E N T A R Y

- 99 **Aleksey Gromyko, «The Pan-European Security Project: First Results»** – In June 2008 Russian President Dmitry Medvedev announced the European Security Treaty initiative. What were the difficulties and prospects for securing support for that project in 2009 and 2010? Aleksey Gromyko, Deputy Director of the Institute of Europe, assesses the reaction to the proposed pan-European security system in the EU and some of the individual European member-states, including Germany, France, Italy, Spain and Greece. The author looks at further opportunities for winning support for the idea.

Key words: *Russian foreign policy, European Security Treaty, European Union.*

R E V I E W S O F R E C E N T W O R L D E V E N T S : M A Y - A U G U S T 2 0 1 0

- 104 **Galia Ibragimova, «The iSi Index for May-August 2010: No Summer Break»** – The attack on the international fleet carrying aid to Gaza, a new turn for the worse in the Middle East settlement process, uncertainty and military-political tensions in Afghanistan and the crisis in Kyrgyzstan were the main events on the international security arena. All of them have contributed to further deterioration of regional security. In many countries, the summer of 2010 has become a hot season for ordinary people and leading politicians alike. Members of PIR Center's International Expert Group – Founder and Chair of the Nonproliferation for Global Security Foundation (Argentina) Irma **Arguello**, General-Lieutenant, PIR Center consultant Evgeny **Buzhinsky**, Senior Lecturer at the University of Colombo (Sri Lanka) Dayan **Jayatileka**, Member of the Royal Institute of International Relations Konstantin von **Eggert**, President of the New Eurasia Foundation Andrey **Kortunov**, Full Professor of International Relations at the University of Brasília (Brazil) Antonio **Ramalho**, Chairman of the Gulf Research Center in Dubai Abdulaziz **Sager**, President of the Institute for Middle East Studies Yevgeniy **Satanovskiy**, Political Analyst (Uzbekistan) Farkhod **Tolipov**, Director of the Eurasian Studies Senior Fellow of *Observer Research Foundation* (India) Nandan **Unnikrishnan** comment on the events.

- 110 **Yury Fedorov. A View by a Russian Liberal: «Reality of World Politics: Through the Prism of Illusions»** – «Journalists like to quote the words of a sentimental song that was popular in the middle of the 20th century: *it takes two to tango*. Even if one day the United States, Britain and possibly France completely dismantle their nuclear arsenals, this fact won't mean at all that the rest of the nuclear states are eager to follow the path. The only possible exception might become North Korea. However, if Pyongyang supports the idea of eliminating nuclear weapons, it will be in return for cash and guarantees for the ruling regime».

- 125 **Dmitry Evstafiev. A View by a Russian Conservative: «The Belated Beginning of a New World Disorder»** – «Predictably, the focus of world

politics is increasingly shifting towards Iran. That is quite understandable. Following the latest UN Security Council resolution, the question is *what exactly* will now happen, not *whether* it will happen at all. *Something* is definitely going to happen. The resolution marks the point of no return, which some have passed without even realizing it. Both the United States and Europe will now have to do something about Iran so as not to lose face. Russia and China will have to be silent observers, so as to justify in some way their support for the UN SC resolution».

H I S T O R I C A L P A G E S

- 137 **Roland Timerbaev, «First Steps to Disarmament. On the work of the London subcommittee of the UN Disarmament Commission (1954–1957)»** – When the London subcommittee was set up, the international agenda was dominated by the need for achieving a greater balance in nuclear capability between the United States and the Soviet Union. The situation called for a dialogue of equals between the two great powers on the nuclear issue and disarmament as a whole. Why did the committee fail to achieve its stated objectives? Why did the Western nations go back on their own initial proposals? Ambassador, member of PIR Center Advisory Board Roland Timerbaev offers his answers, recalling the events in great and vivid details.
Key words: *nuclear disarmament, the USA, the Soviet Union*

L I B R A R Y

- 153 **Vladimir Orlov, «Falklands, Football and Fidel as seen by Sergey Brilev»** – Is it a diary? Not quite, although that is what the subtitle of the book says. There is simply too little chronological continuity in the narrative. Is it a report? Well, it is, in a sense. Brilev, after all, is a TV journalist. Brilev and Latin America sound so logical. He has a Latin American background. His place of birth stated in the passport is Havana. People come back changed visiting this place once – but Brilev was actually born there! He studied in Montevideo. That is so obvious when he talks with other Latin Americans – his accent gives him away. From the book we also learn that in every Latin American country he visited, he is always taken for an Argentinean or Uruguayan.
Key words: *Latin America, Argentina, Uruguay*

B O O K R E V I E W S

- 157 **Elena Geleskul, Galiya Ibragimova, Alibek Mukambayev, Yuliya Sveshnikova, Kseniya Smertina, Lyubov Soldatkina, Ivan Trushkin and Liubov Yaroshenko** – PIR Center research associates and interns provide brief views of new receipts by our library.

T O T H E E D I T O R

- 167 **Vladimir Pereboyev.** Gas games in Central Asia: Russia's bets.

S U M M A R Y

A B O U T T H E A U T H O R S

P I R C E N T E R A D V I S O R Y B O A R D

F I N A L Q U O T E S

Арбатова Надежда Константиновна – д-р полит. наук, заведующая Отделом европейских политических исследований Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН. Окончила факультет международной журналистики МГИМО МИД СССР в 1973 г. В 1979 г. защитила кандидатскую диссертацию по теме «Процесс формирования и осуществления внешней политики Италии. (На примере Договора о нераспространении ядерного оружия)» (ИМЭМО), в 2003 г. – докторскую диссертацию по теме «Национальные интересы и внешняя политика России 1991–1999 гг.: европейское направление» (Институт Европы РАН). Основные направления научной деятельности: проблемы европейской интеграции, проблемы европейской безопасности, внешней политики России. Директор Фонда поддержки европейской интеграции, член Совета по внешней и оборонной политике (СВОП); автор более 300 опубликованных научных работ. Адрес электронной почты: arbatova@hotmail.com

Бохановский Леонид Витальевич – генеральный секретарь Форума стран -экспортеров газа (ФСЭГ). Родился в 1958 г. в г. Москве. Закончил Московский государственный институт международных отношений (МГИМО) в 1981 г. и Высшую школу экономики в 1998 г. В 1981 г. был назначен атташе Посольства СССР в Алжире, где курировал вопросы двусторонних торгово-экономических отношений, в том числе и в сфере топливно-энергетического комплекса. С 1983 г. по 1994 г. занимал пост второго секретаря Департамента общеевропейского сотрудничества в МИД СССР, где отвечал за вопросы, связанные с вступлением России в Совет Европы и организацией деятельности представительства РФ в Совете Европы. С 1994 г. работал на руководящих должностях в ряде коммерческих и банковских структур, в том числе КБ *Торибанк*, КБ *Экспобанк*. С 2001 г. вплоть до избрания на пост Генерального секретаря ФСЭГ являлся первым вице-президентом крупнейшей российской нефтегазостроительной компании ОАО *Стройтрансгаз*. Обладает уникальным опытом работы в мультикультурной среде, многие годы поддерживает рабочие контакты с руководством крупнейших международных нефтегазовых корпораций. Работал в составе официальных делегаций в ходе международных переговоров на высшем уровне. Принимал участие в заключении и реализации более десятка контрактов по строительству крупнейших нефте- и газопроводов.

Громыко Алексей Анатольевич – д-р полит. наук, заместитель директора Института Европы (ИЕ) РАН, руководитель Центра британских исследований. Руководитель европейских программ фонда «Русский мир». Представитель России в Комитете по науке Совета Россия – НАТО. Президент Ассоциации европейских исследований (АЕВИС). Член Диссертационного совета ИЕ РАН и Дипломатической академии МИД России. Соучредитель российского регионального общественного Движения в поддержку ООН. Член Рабочей группы по безопасности Российского совета по международным делам. Имеет более 60 опубликованных работ. Среди них индивидуальные монографии: «Политический реформизм в Великобритании. 1970 – 1990-е годы» (XXI Век-Согласие, М., 2001), «Мо-

дернизация партийной системы Великобритании» (Весь Мир, М., 2007), коллективная монография «Великобритания. Эпоха реформ» (Весь Мир, М., 2007. Адрес электронной почты: alexey@gromyko.ru

Данилов Дмитрий Александрович – заведующий Отделом европейской безопасности Института Европы РАН, вице-президент Российской Ассоциации Европейских Исследований (АЕВИС). Окончил экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова в 1982 г. С 1982–1988 гг. работал в качестве младшего научного сотрудника, научного сотрудника, старшего научного сотрудника в Министерстве обороны РФ. С 1988 г. по настоящее время работает в Институте Европы РАН, сначала старшим научным сотрудником, затем ведущим научным сотрудником, заведующим сектором военно-политических исследований, в настоящий момент – заведующим Отделом европейской безопасности. Среди последних публикаций: «Договор о европейской безопасности открыт для обсуждения» (2009), «Угрозы, вызовы, архитектура европейской безопасности» (2009), «Реформирование Европейского Союза и его политические отношения с Россией» (2009), «Россия – ЕС: трудный путь к переговорам» (2008). Адрес электронной почты: eurosec@ieras.ru

Евстафьев Дмитрий Геннадьевич – канд. полит. наук, директор Департамента стратегий и коммуникаций Управления общественных связей компании *ТНК-ВР*. С отличием окончил исторический факультет Института стран Азии и Африки при МГУ в 1989 г., работал младшим научным сотрудником, научным сотрудником в Институте США и Канады РАН, где в 1993 г. защитил диссертацию в секторе военно-политических исследований. С 1995 по 1998 гг. работал старшим, затем ведущим научным сотрудником Российского института стратегических исследований (РИСИ). Позднее – старший научный сотрудник, директор проекта ПИР-Центра. Специалист в области военно-политических аспектов национальной безопасности России, проблем внешней и военной политики США, региональных аспектов нераспространения ядерного оружия. В 2001–2006 гг. работал в ЗАО *Компания развития общественных связей (КРОС)*, а также директором Департамента по информационной политике ОАО *Техснабэкспорт*. Позже работал заместителем генерального директора Национальной лаборатории внешней политики. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра, редакционной коллегии журнала *Индекс Безопасности*. Постоянный автор обзоров мировых процессов в журнале *Индекс Безопасности*.

Калинина Наталия Ивановна – д-р мед. наук, профессор, главный научный сотрудник – руководитель Группы по нетрадиционным угрозам безопасности Центра международной безопасности Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН, член Совета ПИР-Центра. Один из ведущих специалистов в области нераспространения химического и биологического оружия, глобального партнерства. С 1994 по 2007 гг. работала на ответственных должностях в высших органах государственной власти, в том числе в должности помощника председателя Правительства РФ в 2003–2004 гг. и заместителя начальника инспекции Счетной палаты РФ в 2005–2007 гг. Среди последних публикаций: «Конвенция о запрещении химического оружия: проблемы и перспективы» (монография, 2004), «Соблюдает ли Россия конвенцию о запрещении химического оружия» (Ежегодник СИПРИ, 2005), «Пять лет Глобальному Партнерству: интересы России» (колл. монография, М., ИМЭМО РАН, 2008), «Химическое разоружение в России – прошлое, настоящее и будущее» (Сб. материалов международного форума, М., Изд. ООО *Открытый мир*, 2008), «Военно-техническое сотрудничество России с иностранными государствами: проблемы и перспективы» (Ежегодник СИПРИ, М., ИМЭМО РАН, 2009), «Биооружие и биобезопасность: анализ под микроскопом» (*Мировая экономика и международные отношения*, 2009, № 6), «Глиняные ноги российского ОПК» (*Индекс безопасности*, 2009, № 3–4), «Итоги и перспективы реализации программы Глобально-го партнерства» (колл. монография, М., ИМЭМО РАН, 2009).

Козюлин Вадим Борисович – канд. полит. наук, директор проекта по обычным вооружениям ПИР-Центра. Родился в 1965 г. Научный сотрудник ПИР-Центра с 1994 г. Защитил диссертацию по теме: «Совершенствование политических механизмов влияния военно-технического сотрудничества на региональную стабильность в Центрально-Азиатском регионе». Профессор Академии военных наук. В 1990 г. окончил МГИМО МИД

СССР. В 2002 г. окончил Всероссийскую академию внешней торговли по специальности «Управление военно-техническим сотрудничеством». Работал в МИД СССР/РФ, затем в отделе эксклюзивной информации газеты *Московские Новости*, был представителем РГП *Казспецэкспорт* в России. Сотрудничает с компаниями-спецэкспортерами стран СНГ и дальнего зарубежья. Сфера научных интересов – военно-техническое сотрудничество России с зарубежными государствами. Адрес электронной почты: kozyulin@pircenter.org

Макаров Николай Егорович – начальник Генерального штаба Вооруженных Сил РФ, первый заместитель Министра обороны РФ. Родился 7 октября 1949 г. в селе Глебово Рязанской области. В 1971 г. окончил Московское высшее общевойсковое командное училище. Командовал взводом, ротой, батальоном в Группе советских войск в Германии. После окончания в 1979 г. Высшей академии имени М. В. Фрунзе проходил службу в Забайкальском военном округе в должностях: начальник штаба – заместитель командира полка, командир полка, начальник штаба – заместитель командира дивизии, командир мотострелковой дивизии. В 1993 г. окончил Военную академию Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации. Занимал должности: начальник штаба Объединенной группировки российских войск в Таджикистане, начальник штаба – первый заместитель командующего отдельной армией, командующий армией в Приволжском военном округе. С января 1998 г. – командующий сухопутными и береговыми войсками – заместитель командующего Балтийским флотом по сухопутным и береговым войскам. С сентября 1999 г. начальник штаба – первый заместитель командующего войсками Московского военного округа. С декабря 2002 г. – командующий войсками СибВО. С апреля 2007 г. – начальник вооружения Вооруженных Сил РФ – заместитель Министра обороны РФ.

Орлов Владимир Андреевич – канд. полит. наук., основатель и президент ПИР-Центра, главный редактор журнала *Индекс Безопасности*. Директор *Centre russe d'études politiques* (Женева). Член Общественного совета при Министерстве обороны РФ. С отличием окончил МГИМО МИД СССР. В 2001–2002 гг. являлся консультантом ООН по вопросам образования и повышения квалификации в области разоружения и нераспространения. С 2004 по 2007 г. – член профессорско-преподавательского состава, содиректор программы европейской безопасности Женевского центра политики безопасности. Публикуется в российских и зарубежных периодических изданиях и является редактором более десяти книг по проблематике международной безопасности, изданных в России и за рубежом. Постоянно занимается преподавательской и просветительской деятельностью, читая лекции по внешней политике России и по проблемам нераспространения ОМУ в России и за рубежом. Редактор учебника «Ядерное нераспространение» (2002). Адрес электронной почты: orlov@pircenter.org

Солтание Али Асгар – постоянный представитель Ирана при Международном агентстве по атомной энергии (МАГАТЭ). Родился в 1950 г. в Тегеране. Ядерный физик, занимался преподавательской деятельностью и курировал студентов, обучающихся по программам ядерной физики в 1988–1997 гг. в различных университетах. Директор Центра ядерных исследований Организации атомной энергии Ирана (ОАЭИ) в 1980–1982 гг., 1987–1990 гг. Постоянный представитель Ирана в МАГАТЭ в 1982–1987 гг. Главный переговорщик и глава делегации Ирана на Конференции ООН по мирному использованию ядерной энергии в Женеве в 1982–1987 гг. Генеральный директор по образованию и мобилизации ОАЭИ 1990–1993 гг. Директор департамента ядерной инженерии ОАЭИ в 1993–1995 гг. Глава делегации на переговорах по дополнительному протоколу к Конвенции о запрещении биологического оружия в Женеве в 1999–2002 гг. Заместитель генерального директора по международным делам в Министерстве иностранных дел в 2002–2006 гг. С апреля 2006 г. – Чрезвычайный и Полномочный Посол, постоянный представитель Ирана в ООН и других международных организациях в Вене.

Тимербаев Роланд Махмудович – д-р ист. наук, Чрезвычайный и Полномочный Посол, член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра. После окончания МГИМО МИД СССР в 1949 г. более 40 лет проработал в МИД СССР, а затем в МИД России. Последней его должностью на дипломатической службе (1988–1992 гг.) был пост постоянного представителя СССР и России при международных организациях в Вене. В качестве сотрудника министерства принимал активное участие в выработке ряда ключевых

международных соглашений в ядерной области, в частности Договора о нераспространении ядерного оружия, Договора об ограничении систем противоракетной обороны, Соглашения о мерах по уменьшению опасности возникновения ядерной войны между СССР и США, системы гарантий МАГАТЭ, Договора об ограничении подземных испытаний ядерного оружия, Договора о подземных ядерных взрывах в мирных целях и проч. Президент ПИР-Центра в 1995–1998 гг., председатель Совета ПИР-Центра по 2010 г. В числе его работ: «Полное запрещение ядерных испытаний» (1986), «Россия и ядерное нераспространение. 1945–1968» (1999), «International Cooperation in Nuclear Safety» (1999), учебник «Ядерное нераспространение», (2000), «Международный контроль над атомной энергией» (2003), «Режим ядерного нераспространения на современном этапе и его перспективы» (2005). Автор многочисленных публикаций в журнале *Индекс Безопасности (Ядерный Контроль)*. Адрес электронной почты: timberbaev@pircenter.org

Тот Тибор – руководитель подготовительной комиссии Организации договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ОДВЗЯИ). Его работа в рамках Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) началась в 1982–1983 гг. Участвовал в работе комитета *ad-hoc* Конференции по разоружению ДВЗЯИ, в конференциях по созданию Конвенции о запрещении биологического оружия и Договора о нераспространении ядерного оружия в 1980, 1985, 1990, 2005 гг. С 1982 по 1992 гг. участвовал в переговорах по созданию Конвенции о запрещении химического оружия. С 1994 по 1996 гг. был заместителем по международным вопросам министра обороны Венгрии. С момента основания в 1996 г. подготовительной комиссии ДВЗЯИ и до 2004 г., возглавлял Рабочую группу А, в сферу ответственности которой входит решение бюджетных и административных вопросов. В этой должности активно способствовал усилиям государств-подписантов создать бюджетную, финансовую, административную и законодательную инфраструктуру Организации. В период с 1997 по 2001 гг. возглавлял Совет управляющих МАГАТЭ. С 1997 по 2001 гг. был постоянным представителем Венгрии при ООН. 1 августа 2005 г. возглавил подготовительную комиссию Организации договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ОДВЗЯИ).

Федоров Юрий Евгеньевич – канд. ист. наук, профессор, научный сотрудник Королевского института международных отношений (Великобритания). Член Совета ПИР-Центра, член редакционной коллегии журнала *Индекс Безопасности*. Окончил физический факультет МГУ. Работал в Институте конкретных социологических исследований АН СССР. Занимал должность заведующего сектором в отделе проблем разоружения ИМЭМО РАН. Работал в международном отделе ЦК КПСС, после чего в 1991 г. перешел на должность заместителя заведующего кафедрой политологии МГИМО МИД РФ. С сентября 1998 г. – заведующий сектором, а с декабря 2000 г. – заведующий отделом военно-политических исследований в Институте США и Канады РАН. В 2001–2002 гг. – заместитель директора ПИР-Центра. С 2002 по 2003 г. – заместитель директора Института прикладных международных исследований. Ряд научных работ посвятил энергетическим аспектам безопасности, в частности в районе Каспия. Автор монографии «Субстратегическое ядерное оружие и интересы безопасности России» (*Научные Записки ПИР-Центра*. 2001, № 16), «Адаптированный ДОВСЕ и интересы безопасности России» (*Ядерный Контроль*, 2004, № 4), «Корейский ядерный кризис и Россия» (*Ядерный Контроль*, 2005, № 4), «Туркмения: время перемен?» (*Индекс Безопасности*, 2009, № 3–4) и др. Постоянный автор обзоров мировых процессов в журнале *Индекс Безопасности*. Адрес электронной почты: yufedorov@rambler.ru

Цветкова Биляна – младший научный сотрудник Программы легкого и стрелкового оружия в Женеве. В 2007 г. получила степень бакалавра в Университете Якобса в Бремене (Германия), в 2009 г. – степень магистра в Женевском институте международного развития (Швейцария). Работала помощником доктора Стефана Талмона в Колледже Св. Анны Оксфордского Университета. Является автором работ «Обеспечение безопасности от пиратства у берегов Сомали» (*Central European Journal of International and Security Studies*, 2009, № 3) и «Банды Карибского бассейна: проблема с международными последствиями» (*Harvard International Review*, 2009). Адрес электронной почты: bilyanatsvetkova@gmail.com

ЭКСПЕРТНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ ПИР-ЦЕНТРА

(по состоянию на 15 сентября 2010 г.)

Айнхорн Роберт, Старший советник госсекретаря США, Госдепартамент, Вашингтон, США

Академия ОБСЕ, Бишкек, Киргизия

Антипов Сергей Викторович, д.т.н., заведующий лабораторией, Институт безопасного развития атомной энергетики РАН, Москва, Россия

Антонов Анатолий Иванович, посол, к.э.н., директор, Департамент по вопросам безопасности и разоружения, Министерство иностранных дел РФ, Москва, Россия

Арбатов Алексей Георгиевич, д.и.н., член-корреспондент РАН, руководитель центра, Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Ахтамзян Ильдар Абдулханович, к.и.н., доцент, кафедра международных отношений и внешней политики, МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Баев Павел Кимович, к.и.н., проф., Международный институт исследований проблем мира, Осло, Норвегия

Банн Джордж, проф., консультант, Центр международной безопасности и сотрудничества, Стэнфордский университет, Пало-Альто, США

Барановский Владимир Георгиевич, д.и.н., проф., член-корреспондент РАН, заместитель директора, ИМЭМО РАН,

Бертч Гэри, проф., основатель Центра международной торговли и безопасности, Университет Джорджии, Афины, США

Всероссийский научно-исследовательский институт технической физики им. акад. Е.И. Забабахина (ВНИИТФ), Российский федеральный ядерный центр, Снежинск, Россия

Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики (ВНИИЭФ), Российский федеральный ядерный центр, Саров, Россия

Воронков Владимир Иванович, к.и.н., директор, Департамент общеевропейского сотрудничества, МИД РФ, Москва, Россия

Геттемюллер Роуз, заместитель госсекретаря США по вопросам проверки и соблюдения соглашений по контролю над вооружениями, Вашингтон, США

Данапала Джаянта, посол, президент, Пагуошское движение ученых, Коломбо, Шри-Ланка

Э К С П Е Р Т Н О - К О Н С У Л Т А Т И В Н Ы Й С О В Е Т

Дворкин Владимир Зиновьевич, д.т.н., генерал-майор (в отставке), главный научный сотрудник, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Джонсон Ребекка, д-р, исполнительный директор, Институт *Акроним*, Лондон, Великобритания

Евстафьев Дмитрий Геннадьевич, к.п.н., вице-президент, ЗАО *Компания развития общественных связей*, Москва, Россия

Елеукинов Дастан Шериязданович, к.ф.-м.н., советник, посольство Республики Казахстан в США, Вашингтон, США

Есин Виктор Иванович, к.в.н., проф., генерал-полковник (в отставке), консультант командующего ракетными войсками стратегического назначения, Министерство обороны РФ, Москва, Россия

Женевский центр политики безопасности, Женева, Швейцария

Институт стратегической стабильности, Москва, Россия

Кириченко Элина Всеволодовна, к.э.н., руководитель центра, Центр североамериканских исследований, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Кортунов Андрей Вадимович, к.и.н., президент, Фонд *Новая Евразия*, Москва, Россия

Краснов Алексей Борисович, начальник управления, Управление пилотируемых программ, Федеральное космическое агентство, Москва, Россия

Лаверов Николай Павлович, д.г.-м.н., проф., академик РАН, вице-президент, Российская академия наук, Москва, Россия

Ладыгин Федор Иванович, генерал-полковник (в отставке), советник генерального директора, Авиацонная холдинговая компания *Сухой*, Москва, Россия

Лебедев Владимир Владимирович, заместитель руководителя департамента, Департамент международных связей, правительство Москвы, Москва, Россия

Лукьянов Федор Александрович, главный редактор, журнал *Россия в глобальной политике*, Москва, Россия

Лысенко Михаил Николаевич, Чрезвычайный и Полномочный Посол, директор, Департамент международного сотрудничества, Государственная корпорация по атомной энергии *Росатом*, Москва, Россия

Льюис Патриция, д-р, заместитель директора, Центр изучения проблем нераспространения им. Джеймса Мартина, Монтерейский институт международных исследований, Монтерей, США

Людекинг Рюдигер, постоянный представитель Германии при ООН и других международных организациях, Вена, Австрия

Маргелов Михаил Витальевич, председатель, Комитет по международным делам, Совет Федерации ФС РФ, Москва, Россия

Международная жизнь, журнал, Москва, Россия

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ, Москва, Россия

Мурогов Виктор Михайлович, профессор, Государственный технический университет атомной энергетики, Обнинск, Россия

Мурсанков Сергей Геннадьевич, заместитель директора, Аналитический центр, ОАО «Объединенная авиастроительная корпорация», Москва, Россия

Мюллер Харальд, д-р, проф., директор, Институт проблем мира, Франкфурт, Германия

Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», Москва, Россия

Никитин Александр Иванович, д.п.н., проф., директор, Центр политических и международных исследований, Москва, Россия

Новиков Владимир Евгеньевич, к.э.н., старший научный сотрудник, Российский институт стратегических исследований, Москва, Россия

Пархалина Татьяна Глебовна, к.и.н., заместитель директора, Центр по изучению проблем европейской безопасности, ИНИОН РАН, Москва, Россия

Пономарев-Степной Николай Николаевич, д.т.н., проф., академик РАН, вице-президент, РНЦ Курчатовский институт, Москва, Россия

Радчук Александр Васильевич, советник начальника Генерального штаба Вооруженных сил РФ, Москва, Россия

РНЦ Курчатовский институт, Москва, Россия

Рыбаченков Владимир Иванович, к.т.н., ведущий научный сотрудник, Центр по изучению проблем разоружения, МФТИ, Москва, Россия

Савельев Александр Георгиевич, д.п.н., заведующий отделом стратегических исследований, Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Сатановский Евгений Янович, к.э.н., проф., президент, Институт Ближнего Востока, Москва, Россия

Семин Валерий Витальевич, д.т.н., проф., старший советник, Постоянное представительство РФ при Отделении ООН в Женеве, Швейцария

Сириционе Джозеф, президент, Фонд Плаушерс, Вашингтон, США

Соков Николай Николаевич, к.и.н., д.п.н., старший научный сотрудник, Центр изучения проблем нераспространения им. Джеймса Мартина, Монтерейский институт международных исследований, Монтерей, США

Тимербаев Роланд Михайлович, Чрезвычайный и Полномочный Посол, д.и.н., профессор, Москва, Россия

Тренин Дмитрий Витальевич, к.и.н., директор, Московский центр Карнеги, Москва, Россия

Тузмухамедов Бахтияр Раисович, к.ю.н., проф., советник, Управление международного права, Конституционный Суд РФ, Москва, Россия

Убеев Алексей Вадимович, к.т.н., заместитель директора, Департамент международного сотрудничества, Государственная корпорация по атомной энергии *Росатом*, Москва, Россия

Федоров Александр Валентинович, к.ф.-м.н., эксперт Службы внешней разведки, Москва, Россия

Фонд нераспространения во имя глобальной безопасности, Буэнос-Айрес, Аргентина

Хлопков Антон Викторович, директор, Центр энергетики и безопасности, Москва, Россия

Цзи Чжие, вице-президент, Китайская академия современных международных отношений, Пекин, КНР

Шлыков Виталий Васильевич, председатель, Комиссия Общественного Совета при Министерстве обороны РФ по политике безопасности и проведению общественной экспертизы проектов федеральных законов и иных нормативных правовых актов, разрабатываемых в Минобороны России, Москва, Россия

Эггерт Константин фон, член Королевского института международных отношений, Москва, Россия

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Чтобы регулярно получать наш журнал на русском языке, на него необходимо оформить подписку:

А. Через агентство подписки

Информация о подписке на российское издание в России и странах СНГ находится в каталоге «Газеты. Журналы» агентства «Роспечать». Стоимость подписки на два номера журнала (одно полугодие) составит 1900 рублей, включая их доставку. Индекс издания – 80666. Подписку можно оформить через любое почтовое отделение России и стран СНГ. За пределами России и СНГ оформить подписку можно через агентство «East View Information Services» по тел. +7 (495) 777-65-57 или e-mail: sales@ivis.ru

В. Став членом Международного клуба *Триалог* (Москва),

Вы или ваша организация автоматически становитесь получателем как российского, так и международного издания журнала, а помимо этого, и других информационно-аналитических продуктов ПИР-Центра, получаете приглашения на заседания Клуба и семинары, конференции и другие мероприятия. Для Вас открыто индивидуальное или корпоративное членство.

Подробную информацию о Международном клубе Триалог вы можете получить по тел.: +7 (916) 142-8539, e-mail: trialogue@pircenter.org, а также в разделе «Клуб» интернет-представительства ПИР-Центра по адресу <http://pircenter.org/club>

С. Став членом *Centre russe d'études politiques* (Genève),

Эта опция предназначена прежде всего для тех, кто живет за пределами России и СНГ. Для оформления подписки вам следует заполнить онлайн форму вступления, размещенную по адресу <http://pircenter.org/crep>. Оплатив годичный членский взнос, вы становитесь полноправным членом Центра.

*Информацию о *Centre russe d'études politiques* (Genève) можно получить по телефону в Женеве +41 (79) 736-9034 или же по электронной почте trialogue@pircenter.org*

Д. Оформив корпоративную подписку,

Ваша организация сможет получать от 10 экземпляров журнала с существенной скидкой.

Подробнее обо всех вариантах подписки на журнал смотрите в разделе «Подписка» на сайте интернет-представительства ПИР-Центра по адресу: <http://si.pircenter.org>.

АБОНЕМЕНТ

на газету
журнал

80666

(индекс издания)

Индекс Безопасности

(наименование издания)

количество
комплектов:

на 2011 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
X	X	X	X	X	X						

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ	место	литер
----	-------	-------

на газету
журнал

80666

(индекс издания)

Индекс Безопасности

(наименование издания)

Стои- мость	подписки переадресовки	руб. руб.	коп. коп.	количество комплектов:
----------------	---------------------------	--------------	--------------	---------------------------

на 2011 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
X	X	X	X	X	X						

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)